

Богопознание. Богослужение. Богомыслие схиархимандрит Эмилиан (Вафидис)

Предисловие редактора

Предисловие редактора

Перевод трудов архимандрита Эмилиана, почетного игумена монастыря Симонопетра на Афоне и духовного наставника женской обители в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в Ормилии, можно сравнить с работой реставратора, расчищающего древнюю икону или стенопись. Вначале образ сокрыт от мастера. Но постепенно, шаг за шагом снимая темные слои живописи, художник видит Божественный лик Небесной красоты. Так, преодолевая слово за словом, мы складывали дивную мозаику из жемчужин духовного опыта старца. Размышления греческого игумена о сущности Православия позволили нам прикоснуться к таинству близости многих и многих людей, отделенных друг от друга языками, континентами и столетиями, но единых в Церкви.

Переводить проповеди игумена Эмилиана было страшно и увлекательно. Страшно потому, что мы столкнулись с трудами не просто высокообразованного и наделенного даром красноречия богослова, но монаха и аскета, потом и кровью собственного подвига познавшего теологические доктрины. Его слова надежны и обладают особой простотой и глубиной, ибо передают не умозрительную теорию, но путь страданий человеческой души, устремленной к Богу. Поэтому у нас не раз возникало сомнение: а имеем ли мы ту меру понимания рассуждений архимандрита Эмилиана, чтобы с дерзновением перекладывать их на другой язык?! Увлекательно потому, что непредсказуемо. Начиная фразу, мы как бы ступали на тропу, ведущую к хорошо различимому вдали ориентиру, но идти приходилось нехожеными дорожками. Поэтому не хотелось отрываться, пока не ставилась последняя точка.

Игумену Эмилиану удастся сказать предельно просто о самом сложном. Благодаря двум талантам – проповедническому и подвижническому – он говорит о том же, что и Святые отцы нашей Церкви, но на современном и доступном для нас языке, насыщенный притчами и зачастую неожиданными сравнениями из повседневной жизни.

Для издания, которое вы держите в руках, мы выбрали из сокровищниц аввы Эмилиана шестнадцать его слов. В них говорится о возможности встречи со Христом здесь и сейчас для каждого,

участвующего в таинствах Церкви, о реальности богопознания и преображения своей природы из греховной в чистую и богоподобную (главы «Богопознание» и «Богослужение»). Заключительная глава «Богомыслие» посвящена особенностям иноческой жизни на Святой Горе. О чем бы ни говорил архимандрит Эмилиан, его мысль постоянно возвращается к молитве, без которой, он полагает, невозможна полноценная жизнь во Христе.

Хотя эти проповеди были произнесены при разных обстоятельствах и в различных аудиториях – перед иеромонахами афонского монастыря Симонопетра, перед студентами и преподавателями богословских факультетов, перед сестрами окормляемого старцем Благовещенского монастыря в Ормилии, перед мирянами, – каждый читатель отыщет в них духовное семя, посеянное ради него.

Издание осуществлено по инициативе и при поддержке Александра Анатольевича Мальшева, посетившего Афон весной 2002 года и получившего благословение нынешнего игумена монастыря Симонопетра, его Высокопреподобия схиархимандрита Елисея на перевод трудов архимандрита Эмилиана¹.

Глава 1. Богопознание

Бог – это огонь
Бог – это свет
Который горит,
но не обжигает
и не исчезает,
не превращается в пепел.

Познание Бога в смирении²

Очень важно, что мы говорим на эту тему именно сегодня, в первый день Триоди. В день знаменательный. В день, когда меняются, становятся другими декорации церковного года. Когда мы готовимся вступить в самый длинный и наиболее величественный его период – Великий пост.

Действительно, Триодь открывает нам дверь, ведущую прямо на Небеса. Радостная эта Триодь словно благодатный луг, где кормилец Сам Христос, и где Он Сам питает Своих духовных чад.

Как поется в сегодняшней вечерней службе, Христос входит в жизнь Церкви с особой миссией: «притчами вводя вся Христос к жития исправлению»³. То есть притчами и иносказаниями Сам Господь ведет нас к исправлению. Как нам это понимать? Так, что необходимо определить свое место по отношению к Богу и Церкви, узнать Господа глубже, установить с Ним связь и не прервать ее. Будем ли мы с Богом или расстанемся с Ним? Думается мне, что никто не женится для расставаний, но тем не менее разлучаться приходится часто. Так же происходит и в этом случае.

Утром мы выслушали притчу о мытаре и фарисее (Лк. 18:10–14). Речь в ней идет о смирении. Я не буду сейчас пересказывать саму притчу, вы все ее знаете. Единственное, на что бы мне хотелось обратить ваше внимание, это то, что фарисей считал себя знатоком Бога. Он думал, что Господь его друг и что сам он друг Господа. И при этом не он покался в содеянных грехах, а мытарь.

Фарисей полагал, что познал Бога, а на самом деле ничего подобного. Он заблуждался, ибо познать Господа не так просто. Следуя легким образцам Ветхого Завета, фарисей возомнил, что Бог обязан ему. Вероятно, он представлял себе Господа кассиром, который проверяет по своим записям, кому задолжал Он и кто Ему. Но это не так.

«Благочестивый» фарисей под словами «я не таков, как прочие люди» подразумевал, что ему не нужен Бог, Который есть смирение. И, следовательно, не нуждаясь ни в каком смирении, он не чувствовал необходимости и в Господе Он пренебрег Богом и остался без Него. Он познал Закон, но никогда не задумывался о том, какова жизнь истинного Бога.

А мытарь, несмотря на то, что погряз в трясине греха, взывал к Богу: «Боже! Ты милостив! Будь милостив и ко мне, грешнику!» И тотчас же его измученное сердце, опороченное ужасом страстей и греха, уставшее и разочарованное, почувствовало в своей глубине, что оно прощено за одну эту краткую исповедь и смирение. Господь действительно оставил грехи мытарю. И тот, прощенный, то есть признанный Богом, вернулся в свой дом. Он жил во мраке, но смирение привело его в рай, одарило его присутствием и светом Божиим.

В следующее воскресенье мы вспомним еще одну прекрасную притчу – притчу о блудном сыне, открывающую нам Бога с другой стороны. Здесь мы видим Господа в бедности, в боли, во грехе. Он «скатывается» вместе с грешником, чтобы спасти его. В притче о блудном сыне Господь показывает нам Себя правителем дома. Он не пугается, увидев, что сын покидает родной кров, позволяет ему уйти, понимая, что тот не желает дольше играть в доме роль младшего ребенка.

Через это нашим душам открывается, как Небесный Отец, Зодчий, Творец и Правитель Церкви, принимает проходящих к Нему со словами покаяния: «Я выбрал Тебя, Боже». За это был облагодетельствован и вкусил откормленного теленка (Лк. 15:23) блудный сын, один из таких, как мы, грешников.

В третье воскресенье Господь снова собирает нас и приводит в Свое Царство. Мы видим Христа в Церкви перворожденных, внимаем откровению в иносказаниях о всеобщем воскресении и величии славы Господней, познаем Его любовь в общении с Ним. Это воскресенье – картина Второго Пришествия. Это образ Бога, восседающего на Небесном троне. Там, на Небесах, Он также, как и в жизни, судит по законам смирения, а не мирского правосудия. Это воскресенье дано нам как наставление о том, что Евангелие, смирение и любовь должны непременно войти в нашу жизнь.

За ним следует последнее воскресенье перед Великим постом – сыропустное⁴. Воскресенье, когда все начинается сначала, и мы вспоминаем историю того, как пал человек и после этого был призван смиренным Господом в Царствие Небесное.

После мы вступаем в Великую Четыредесятницу. Первая ее неделя возводит наш взор к Небесам, полным ангелов Божиих, восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому (Ин. 1:51), и с любовью восхваляющих Христа, служащих Ему и Его людям в Церкви.

Величественное зрелище являют нам эти воскресные Евангелия! Реальностью и живым свидетельством для смиренных людей, ищущих Бога, стало то, что многие века тому назад символически прозрел патриарх Иаков: лестницу на Небеса и ангелов Господних, восходящих и нисходящих по ней (Быт. 28:12 и далее), все то, о чем мечтали израильтяне. Осуществление пророчества горячо желали увидеть ангелы, цари, а открылось оно беднякам и тем, кто способен в смирении сказать Господу: «Господи, я преклоняю пред Тобой свои колена!»

Вы видите – вся проблема в том, что мы, люди, не ведаем, Кто есть Бог, как Его познать и как в Нем жить. Кто же Он, наш Господь? Многие стараются отыскать ответ на этот вопрос! Поэтому наш сегодняшний разговор пойдет о том, как Сам Бог открывает Себя людям и как нам это Его откровение не пропустить.

Многие люди принимают весьма простое решение. «Бога нет!» – говорят они и считают вопрос исчерпанным. Но ведь именно о таких сказано в Священном Писании: рече безумен в сердце своем – несть Бог (Пс. 13:1). И это годами твердят те, место которым – в ногах у Господа, те, кому Господь дарует свет и жизнь, дает свободу утверждать о Его якобы несуществовании. Эти люди не отдают себе отчета в том, что, несмотря на свои слова, продолжают находиться возле Господа, ибо места, где бы не было Бога, во Вселенной нет.

Мы же с вами верим в Господа и ежедневно беседуем о Боге. Каким мы Его себе представляем? Удивительным, Великим, Недоступным. Важно не просто представлять Бога, а стараться Его познать, как бы трудно для нас это не было. Мы беседуем о неприступном, недостижимом, вечном, о Том единственном, Кто не есть то, чем является все остальное. Предмет нашего разговора столь серьезен, что вновь и вновь мы возвращаемся к этой теме. Итак, мы верим в Бога и беседуем о нем.

Удивительно говорит святой Силуан Афонский: «Одно – беседовать о Боге, а другое – лично Его познать». Мы сами, лично, должны узнать Бога. Бог – и мы это знаем – есть Истина, и мы должны смиренно учиться ее уразумению. Как же нам познать Бога?

У человека есть врожденное знание о Боге. Мой дед передал его моему отцу, тот в свою очередь – мне, я – своим детям, внукам. Эта глубинная вера, которая не уходит, вера, которая не гаснет, ибо она – у нас

в крови. Если мы возвращаем в своих детях семена веры, то, без сомнения, получим и плоды. Что бы ни случилось на их жизненном пути, они всегда будут помнить о том, что «принадлежат Богу».

Как-то раз приехал в монастырь один весьма заносчивый министр, но быстро понял, что монастырская атмосфера такого поведения не принимает. Увидев, что попал в совершенно иной мир, он начал обращаться с монахами по-простому.

«Господин министр, господин министр!» – слышалось со всех сторон. Я отвел его, как и любого из паломников, к игумену. В приемной его охватили такие рыдания, что он был не в силах вымолвить слова. Я попытался его успокоить, но тщетно. Наконец он произнес: «Я вспомнил своего отца. Каждый понедельник он уходил из дома в горы и там молился. Я тогда был маленький, и временами мне казалось, будто он парит над землей. Когда шел снег и леденело все кругом, я видел, как он будто плывет по-над сугробами. Когда вместе с ним мы отправлялись в монастырь, то я чувствовал, что он чем-то отличается от всех других людей. Сегодня я понял, что он передал мне свою веру. Сегодня я обрел ее вновь». Вот как бывает с людьми, с детства воспитанными в православной вере.

Есть и другого рода вера – та, что опирается на наблюдение и опыт. Эта вера свойственна людям, получающим относительное знание о Боге через многие поиски, предположения, исследования. Порой это знание приходит из личного жизненного опыта. Так или иначе, человек приходит к выводу, что Бог есть, что Он благой, что Он добрый, что Он такой-то и такой-то.

Эта вера может стать более сильной и твердой благодаря философскому осмыслению Бога. Однако такая постановка вопроса не дает человеку истинного познания Бога и сил, чтобы связать свою жизнь с Господом и позволить Ему войти в себя. Наша задача – не обретение, так сказать, «высшего», ученого знания о Боге. Зачем оно нам, если единения с Богом через него не происходит?

Хорошо, когда естественное знание, то, что у нас в крови, расширяется и подкрепляется богословским образованием и душеполезным чтением. Когда мы изучаем богословские книги, особенно же Священное Писание и Святых отцов, то проникаемся жизнью святых нашей Церкви. Образец их жития усиливает нашу веру, ибо мы узнаем, как Господь может войти в человека и за что может человека оставить. Вот подлинная богословская пища, необходимо только одно: чтобы человек имел готовность и смирение принять все. Иначе он окажется перед

искушением высокомерно отвергнуть житийные повествования, сочтя их за вымысел агиографа. С другой стороны, если человек не занимается ничем, кроме чтения благочестивой литературы, то тем самым он ограничивает свои богословские возможности. Мы, люди, обычно эгоистичны и самодовольны. Себялюбие, затаившееся в глубине нашей души и сотворившее нам кумира в лице нашего «я», обрезает крылья богопознанию и мешает ему воспарить к Небесам. Наше познание Бога делается неполным, фрагментарным, погрязшим в страстях и попечениях.

Итак, мы не имеем глубинного знания о Боге. Так кто же те, кто сумел всецело познать Господа? Кто нас научит верить в Бога? Кто осветит наш мрак, озарит ума и сердца? Кто даст ми криле яко голубине? И полещу, и почию? (Пс. 54:7) – вопрошает сердце человеческое. Кто знает Бога настолько хорошо?

Кто? Сам Господь. Единственный, Кто знает Бога, это Сам Бог. Отец знает о двух других Своих Ипостасях. Бог Отец открывает нам Сына, а Сын – Отца. Святой Дух животворит Христа в каждом из нас и являет людям их связь с Богом.

О том, как Господь открывает Себя людям

Древние и современные примитивные народы сохранили глубинное памятование о первобытном опыте богопознания. Было время, когда род человеческий состоял всего из двух людей – Адама и Евы (они-то и представляли собой все человечество). Эти первые люди знали Бога, гуляли с Ним по саду, и их человеческая природа запечатлела образ Бога на себе, впитала, как губка, Его черты. А так как человеческая природа едина (все люди – одной природы), то в каждом из нас сохраняются Божественные черты. Правда, язычники утратили это библейское сознание и истолковали историю по-своему.

Только один народ, народ Израиля, сохранял чистым восприятие Бога и знание о Нем. О чем возвещал Израиль? Об умалении Бога и Его сошествии с Небес на землю. С безграничным смирением Бог вступил в общение с человеком. Любимые мои, Бог иудеев говорил: «С тех пор, как вы были маленькими детьми, Я возвеличил вас; с тех пор, как появился род иудейский, Я не оставлял вас. Вы же оскорбляли Меня, а Я жалел вас. Вы клеветали на Меня, Я вас благословлял. Вы забывали обо Мне, а Я вновь и вновь приходил к вам» (Мих. 6:3 и далее; Ис. 41:8–9). Господь Сам сошел, спустился на землю, ходил по ней. Сам преклонил Свои колена перед человеком вместо того, чтобы мы пали ниц перед Ним. Встав на колени, Он мыл ноги Петра. И перед всеми иудеями, всеми людьми Он совершил коленопреклонение.

По слову ветхозаветного пророка, Бог наклонился и протянул Свою руку: и простру руку Мою на Иудею и на всех жителей Иерусалима (Соф. 1:4). Он уберег иерусалимлян от блуждания и идолопоклонства, научил их верить одному Господу Богу.

Итак, сегодня Господь принимается за исправление человека, и тот поднимает свою голову. Бог наклоняется и протягивает руку, о чем есть свидетельство у Давида Псалмопевца: Ведом во Иудеи Бог (Пс. 75:2). На протяжении всего Ветхого Завета у человечества сохранялось знание о Боге. Сам Господь открылся иудеям в смирении и оставил в наследство Церкви Христовой это знание о смирении Бога.

Следовательно, только внутри иудейского народа, на смену которому пришел народ христианский, лишь внутри соборной апостольской Церкви ведом Господь Бог, Который являет всего Себя в Церкви и выходит как реальный собеседник навстречу каждому человеку.

Таким образом, как бы нам ни было трудно, мы все же приступаем к познанию Бога, черпаем свидетельства из библейской истории и других Божественных книг⁵.

Вне Церкви нет Бога. Она через Духа Святого посвящает людей, каждого по отдельности, в таинство, в таинственное Тело Христово, Которым и является наша Церковь. Здесь открывает нам Бога Святой Дух.

Итак, с первой книги Ветхого Завета и до последней Нового прослеживается присутствие Бога в мире. Читая Священное Писание, вспомните мои слова, и вы убедитесь сами в том, что Бог повсюду, Он всегда умаляет Себя Самого, принижает, используя для этого всякую возможность. И при этом Он ни в коем случае не отрицает личную свободу человека. Он использует все возможные способы для того, чтобы помочь людям.

Бог взирает на нас с Небес. Сколь Он велик! Он никогда не появлялся перед нами во всем Своем величии, но всегда проявлял отеческую о нас заботу. Он использовал солнце, отражение Небесного сияния, чтобы дать нам здоровье. Все свои творения – звезды, землю, море, рай, ад, свет, тьму, воду, огонь, жизнь, смерть – во все времена использовал Он, чтобы помочь нам в познании Бога. Мы видим штормящее море, волны которого бурлят, но не могут покрыть собой всю землю. Почему? В Священном Писании есть ответ на этот вопрос: предел положил еси морю (Пс. 103:9). И мне становится ясно, что некогда Господь очертил границы морей, чтобы они своей свирепостью не приносили беды людям. Бог принизил Себя до того, чтобы уладить то, что могло бы стать бедствием для человека.

Все употребил Бог во благо. Все вещи, предметы – их предназначение

и смысл. Все существующее и постижимое для человеческого разума говорит нам о Боге. Не о том, что они сами Бог (как мы говорили, Бог нематериален), но о том, что Он творец всего сущего, всех причин и следствий.

Изобретательный и всеблагый Бог не забывает и о малейшем ни на земле, ни на небе. Также Он пользуется природными явлениями – дождем, молнией, землетрясениями, животными, растениями, ветрами. Вы помните, как один раз заговорила ослица (Числ. 22:28 и далее). Почему заговорила? Она хотела показать всем силу истинного Бога! И растения открывают нам Господа. Открывают Его апостолы, пророки, мученики. Когда мы видим идущих на смерть мучеников, то чувствуем Христа, стоящего за ними и вдохновляющего их Своей силой. Поэтому они не боятся. А я весь дрожу, как осиновый лист, стоит кому-то меня задеть. Вот каково умаление и смирение Бога! Бог может являть нам Свое величие и в червях земляных, и в пыли, и в прахе.

Часто Он открывается человеку через особые символы и разного рода иносказания. Возьмем, к примеру, историю с неопалимой купиной (Исх. 3:2 и далее). Она горела, но не обжигала. Купина – это прообраз как Богородицы, так и Самого Господа. Бог – это огонь, Бог – это свет, Который горит, но не обжигает и не исчезает, не обращается в пепел. Он светит, озаряет сердца, но не губит людей и не пропадает. Он вечен. То есть, вы видите, насколько важны образы из библейской истории, ибо каждый из них по-своему раскрывает нам Бога.

На гумне Господь явился Гедеону (Суд. 6:37 и далее). Он был перед нами в буре. Буря, разрушающая все вокруг, символизирует силу Бога. Тьма показывает Его невидимость, ведь Он недоступен нашим взорам. Легкий ветерок – это смирение, с которым Господь приближается к нам. Можно назвать много таких символов.

Давайте вспомним и ковчег Завета. Вам хорошо известны и Святая Святых, и очистилище (Исх. 25:21; Лев. 16:2; Числ. 7:89), куда сходит Господь и откуда Он глаголет. Вы только вдумайтесь в сказанное: снисходит Сам Господь! Именно поэтому покрыло облако скинию собрания, и слава Господня наполнила скинию (Исх. 40:34). Почему? Туда вселился Бог.

Позднее храм Соломона стал местом постоянного обитания Господа. Это о нем сказано: И будут очи Мои и сердце Мое там во все дни (3Цар. 9:3). На смену храму Соломона пришла христианская Церковь, но остались верными эти слова. И очи Господа не оставляют наших храмов, пусть даже не убранных должным образом и не приведенных в порядок.

Его сердце соединяется с нашими сердцами. Господь с нами и в крестильной купели, и в причастной Чаше.

Когда я ухожу, то любящий меня просит: «Не забудь меня! Даже если я не увижу тебя больше и ты не встретишь меня!» И я готов вырвать свои глаза и свое сердце и сказать: «Вот! Это чтобы я остался с тобою, чтобы всюду мое сердце постоянно, где бы я ни был, находилось при тебе, чтобы тобою любовались глаза мои!» Но это для человека невозможно. А Бог делает именно так! Я оставил очи Свои, говорит Он, Свое сердце в храме, чтобы каждый, кто хочет, мог прикоснуться к Моему сердцу и чтобы Мои очи видели те слезы, которые прольет тот, кто желает присоединиться к лику святых на Небесах.

Вы видите, что многократно и многообразно (Евр. 1:1) Господь, сокрытый от человеческого взора, обнаруживал и не перестает обнаруживать Свое присутствие в нашем мире. Этим Он убеждает нас в том, что «есть Бог». Он скрывает от нас истинное величие Своего Божества, чтобы мы не погибли. Он являет Свою Божественную природу через нетварные энергии. Этими нерукотворными лучами Бог проходит повсюду. Я моментально реагирую на удар электрического тока, хоть и не вижу его. Также я ощущаю и незримое действие Божественных энергий, смиренное схождение Бога к людям, и долгое время храню Его осознание.

Богу приходится прибегать к бесчисленным ухищрениям, ибо человеку невозможно созерцать Его таким, какой Он есть. Господь умаляет Свою славу, смягчает Свое сияние, чтобы мы с вами не ослепли. Он является в святых нашей Церкви и по сей день. И сейчас даже чаще, нежели раньше.

И ныне живущие созерцают Бога лицом к лицу. Мы располагаем множеством свидетельств от людей, переживших клиническую смерть. Они не были готовы предстать перед Престолом Господа. За их смирение Господь возвратил их к жизни, их тела вновь обрели душу. Дух и тело человека неразделимы, поэтому душа, поднимаясь ввысь, получила возможность общения с Богом напрямую, и в то же время чувствовала, что она привязана к тому, что неверующие называют «шкурой». Тело – храм Божий, оно подобно абажуру прикрывает Бога, и этим оберегает наши глаза. Как бы я мог жить с Богом, имея один лишь дух?

Они видели Христа, и Он беседовал с ними, советовал, что им дальше делать. После возвращения к жизни они осознали церковные догматы Церкви лучше великих богословов. И это не зависело от их возраста, просто они увидели все то, о чем рассуждает богословская наука, воочию на Небе. И на основании личного опыта рассказывали, как их душа

вознеслась горе, ввысь, а потом была отправлена обратно, ибо не имела готовности остаться там навсегда.

Теперь Господь простирает к земле, к Церкви не только Свою руку, но и Небеса, спускается на землю, как говорится в семнадцатом псалме (Пс. 17:10). Прочтите его, и увидите, как Господь умаляет ради нас Свое величие. В Ветхом Завете Бог простирает Свою руку людям (Соф. 1:4). В Новом Завете Он наклоняет Небо и сходит Сам на землю. В семнадцатом псалме содержится предсказание о Церкви. Бог наклоняет Небо и спускается на землю. Псалмопевец рассказывает нам, что произошло. Давид своими глазами видел все это, ибо был пророком. Ноги Господа, говорит Давид, во время Его сошествия ступали по темным облакам, дабы люди снизу не могли различить Его. Он восседал на херувимской колеснице, движимой на крыльях ветра. Из этого мы понимаем, сколь быстро было шествие Бога. Господь унижает Себя перед теми, кто внизу, чтобы таким образом помочь им, униженным. Наверху – слава Божества, но здесь, на земле, нам требуется ее умаление.

Свет Его лика, говорит Давид, пронзил даже облака. Господь прошел сквозь небесные тучи. Низпосла с высоты и прият мя, восприят мя от вод многих (Пс. 17:17). За мое смирение Он посетил меня, схватил меня за руку и спас от смерти.

Вы видите? Строки этого псалма вам следовало бы когда-нибудь прочесть самим и насладиться их красотой.

А сколько еще раз Бог открывал Себя людям! Он явился Адаму: вспомните, как Бог беседовал с ним! (Быт. 2:16 и далее; 3:8 и далее), затем Ною: разве Господь не спускался, не говорил с ним? Вы видите, какое умаление Божества, какая униженность? Дабы не исчез с лица земли род человеческий, Он велел Ною построить ковчег, объяснив, какое дерево необходимо использовать для постройки, каких животных взять с собой, всему научил (Быт. 6:14–21). Предстал пред Авраамом и дал ему Завет (Быт. 17:1–22), затем пришел к нему в облики трех ангелов, которые на самом деле были не просто ангелами, а Лицами Святой Троицы (Быт. 18:1 и далее).

Он спустился в Вавилон (Быт. 11:5–9), чтобы увидеть, что там происходит. Спустился – значит, унизился. Вы понимаете, как все эти поступки принижают Божество. Там Он столкнулся с тем, что люди свою природу приравнивают к Божественной, и сошел к ним. И нарек Иаков имя месту... Вефиль (Быт. 35:15), что значит «здесь говорил Бог». Именно здесь. Дабы помнили это иудеи, дабы пошли дети их и сказали: «Здесь ступал и говорил Бог».

Показал Себя Господь и Моисею. Выше мы упоминали купину и говорили о том, что она есть образ Божественного присутствия. Там, в купине, Бог еще более принизил себя, открылся Моисею и сказал: Я есмь Сущий (Исх. 3:14). Я существующий. Ничего не существует, все умирает, Я же вечен. И помни об этом всегда. Передай то, что Я есть, из поколения в поколение (Исх. 3:15).

Многих посетил Господь под видом ангела: Иисуса Навина (Нав. 5:13), Гедеона (Суд. 6:12 и далее), Самсона (Суд. 13:3). И каждый раз Он становился словно человеком, дабы спасти нас.

Так, умалая Себя, в смирении, спасает нас Господь. Но это не все, и мы, дорогие мои, должны сказать еще об одном проявлении смирения Бога. Все, о чем мы говорили, Господь, наш Отец Небесный, совершил в рамках Ветхого Завета. В Новом Завете Он достиг крайней меры Своего смирения.

Божественный человек

В Ветхом Завете Бога воспринимали как единого, но несмотря на это, уже тогда Он существовал в Своих трех Ипостасях. В нем были сосредоточены радость, любовь, мир. Не было ничего такого, чем бы Он не обладал. Тогда Он подумал: «Зачем мне одному радоваться этому богатству, и почему ему не должны радоваться другие? Сотворю Я род человеческий». И создал Он ангелов, вечных и бесчисленных, чтобы служили они людям. Затем сотворил небо, и землю, и звезды, а в завершении – человека. Этим Бог проявил Свое смирение, ибо хотел поделиться с человеком радостью, миром и блаженством.

«Он не ограничился созерцанием Самого Себя»^б. Ему было недостаточно смотреть лишь на Себя, и Он сотворил человека. Что же значит – сотворил человека? Какова связь между Богом и человеком?

Здесь, любимые мои, кроется огромная тайна. Нам трудно постичь богословские тайны, но Господь откроет ваш ум, если и вы распахнете Ему навстречу свои сердца. И поймете, почему именно создание человека есть нижайшая точка падения Бога, Его унижения. Он низверг Себя, обратил Себя «в землю и прах», чтобы и мы смогли попить Его, чтобы почувствовали, что только тогда, когда своими действиями уподобляемся Ему, то становимся смиренными и открываем для себя Бога.

Как же нам осознать это великое таинство? Я попытаюсь провести аналогию. Правда, не стоит забывать о том, что к Божественному неприменимы никакие сравнения и что существует опасность в них произнести нечто еретическое и ошибочное. Но я хочу, чтобы вы разобрались.

Я не стану пересказывать вам, как был создан Адам, но начну с того, как была сотворена Ева. Это легче. Бог взял, как все вы знаете, из бока Адама ребро (Быт. 2:21–25), отрезал его, и бок уменьшился. Затем Он восстановил плоть Адама, тотчас же закрыл рану совершенно безболезненно. Заживил рану, и Адам вновь стал цельным. Как Ему это удалось?

Посмотрите – Бог не усыпил Адама из уважения к нашей свободе! Адам все видел своими глазами, но не мог понять, что же это значит. Потом Бог взял ребро, плоть и кость и сотворил нового человека, создал Еву. И отвел ее к Адаму.

Когда он представил ее Адаму, тот растерялся и смутился. И эта его реакция естественна. Он подумал, что Ева – это он сам. Как если бы я увидел своего брата-близнеца, увидел бы его спустя много лет после расставания и воскликнул: «Ну вылитый я!».

Увидев Еву, Адам воскликнул: «Так это же я сам!» Но после слов Бога: «Да сотворим другой пол», Адам понял, что все же между ним и ею есть разница, и решил: «Да будет она Евой!», то есть я назову ее своим именем. Как если бы я был Константином, то она – Константиной. То есть Ева – это женский род от Адама⁷. Она – это я, плоть от плоти моей, кость от кости моей, я – она и она – я. Они почувствовали, что являются одним человеком, и не стыдились ходить обнаженными друг перед другом. Ведь человек никогда не стыдится самого себя так, как другого человека. Их ощущения подобны были чувствам мужа и жены по отношению друг к другу: и будут двое одна плоть (Еф. 5:31), два человека – есть одно. В этом – тайная причина обиды Адама на Еву, а не в том, что она ввела его, Адама, во грех. Ведь он делил с ней трудности и радости. Он заботился о ней так, словно она – это он сам. Куда бы ни шла Ева, он следовал за ней и был от нее неотделим. Они жили, никогда не расставаясь друг с другом.

Теперь давайте вспомним еще кое о чем. Когда произошло грехопадение, что случилось? Они увидели, что наги, застыдились и прикрылись. Значит, распалось их бывшее единство. Разделились личности, каждый стал словно чужим для другого, и поэтому они оделись, чтобы не видеть друг друга. Смотрите, что творит грех! Он раскалывает человека, рассекает его пополам. Вот, что случилось с Адамом. Он устыдился Евы и устыдился Бога. После грехопадения Адам ушел, скрылся. Бог же отправился на его поиски.

Но давайте теперь вернемся назад, к сотворению Адама. Как был рожден Адам? Бог взял гумус и вылепил из него человека в том образе, который мы знаем, затем приблизил к нему ноздри Свои и Божественной

энергией вдохнул в него жизнь. Через Адама прошел своего рода ток, включивший механизмы. Не ток, конечно, а Божество. И, следовательно, человек, Адам, перестал быть гумусом. Он стал душой, получившей жизнь от Бога.

Значит, Адам – это крайнее унижение Бога. Ведь что такое Адам? Это Бог, который умалился, стал подобным нам, даровал людям Свою Божественность. Так делаю и я, чтобы не притеснять тебя, сжимаюсь, пытаюсь занять поменьше места.

Так поступает Господь, чтобы мы могли свободно с Ним разговаривать, а не видеть в Нем только полновластного Небесного Самодержца.

Обратите внимание: Бог спустился на землю, вошел в меня и меня больше не оставил. И я стал одухотворенным святым ковчегом, освященным храмом. Нет более Божественного действия, чем создание человека, дорогие мои. Поэтому в Писании и сказано о том, что Господь создал нас по образу Своему (Быт. 1:27).

Теперь вы поняли, что значит «по образу и подобию». Каким бы ни был Господь, таким же, только умаленным, является и человек. И видя Бога, человек может сказать: «Вот я!», и показать на себя, ощутить свое единство со Христом.

Поэтому как Ева следовала за Адамом, будучи плотью от плоти его, и как Адам следовал за ней и бежал за ней, как согрешили они вместе и как вместе покаялись, так и Бог живет с нами и страдает, ибо мы – один человек, один Бог. Мы – по милости Его, Он – по Своей природе.

Эта нетварная энергия впервые запечатлела Божество на человеческом лице. После этого человек уже мог свободно обращаться к Богу, сам будучи Богом и получив жизнь от Бога Небесного.

Таков Господь! Он не оставляет нас, когда мы грешим. Он любит нас и ради нас унижает Себя. Вот Он, забываемый нами, но не забывающий нас. Мы, жестокосердные, настолько эгоистичны, что не понимаем, что мы тоже Его часть.

Итак, Бог не сотворил Адама чуждым Себе и отличным от Божества, но сделал его богоподобным. Ева была создана из ребра Адама. Неопикуемый Господь нерукотворно запечатлел Себя, возведя на Небеса человека, свободного и самостоятельного, своего рода синтез видимого и невидимого материала. И стал человек Божественным образом Господа. Он воспринял Божественную власть, и нарек человек имена всем скотам и птицам (Быт. 2: 20). Человек, облеченный в Божественную природу, стал творить дела Бога.

Бог не только умалил Себя, дабы воплотиться в описуемом человеке, но наделил его Своими полномочиями. Как если бы я был правителем и передал тебе печать и свою власть на время своего отсутствия, из-за моего к тебе доверия, а ты вынес приговор убить меня, как это часто случалось в истории, так вышло между Богом и человеком. Бог доверил человеку власть, а новый маленький царек убил Создателя и распял Его на Кресте.

Там, в раю, Бог спустился, чтобы пообщаться с Адамом. Адам сам еще не мог возвыситься до Бога, поэтому Тот и снизошел до уровня человека. Он должен был сойти и унизиться. Адам же, созерцая видимое и невидимое, мог стать богословом в полной мере, но преступил Заповедь.

Когда же этот маленький бог, сотворенный Богом, согрешил, то Господь, видя Свою плоть и дух, впадающими во грех, заплакал. Бог зарыдал! А что сделал Адам? Как мы уже говорили, он спрятался. И смотрите, Бог после этого снова умалил Себя! Если бы Он заговорил с Адамом, то тот бы устранился и пустился бы в отрицания.

Поэтому Бог поступил, как человек. Он постепенно стал подводить Адама к главному. Бог(!) сделал вид, что ничего не заметил. И изображая неведение, позвал Адама:

-Адам, где ты? (Быт, 3:9).

Он позволил ему трепетать целый год. А потом сказал:

– Адам, почему ты не встречаешься со Мной? Почему не бежишь Мне навстречу? Что происходит? Что это на тебе?

Придя в себя, Адам ответил, что его обольстила Ева.

Он не стал умалять себя. Он умер, ибо отказался от смирения и сказал: «Ева». Бог мог бы спросить: «Ева? А разве ты и Ева не один человек? Зачем же ты говоришь такое и перекладываешь ответственность на другого? Чем виновата Ева? Зачем ты разделяешь Мне человеческую личность и человеческую природу? Адам! Как случилось, что Ева стала другим человеком? Разве ты сам не говорил, что вы с ней одно? Зачем ты покинул меня?»

И с тех пор Бог никогда не покидал человеческий род.

Однажды женщина пошла к зубному врачу, взяв с собой спящего в коляске маленького ребенка. Боли были невыносимыми. Врач нашел причину и удалил зуб. Удалил... но она была так растеряна, что забыла заплатить. Она ушла, не вспомнив о ребенке. Вернулась домой, приготовила ему поесть и только тогда заметила, что его нет рядом: «О Боже! Я забыла его в больнице!».

И говорит Господь: «Даже если мать забудет свое дитя, Я не забуду тебя» (Ис. 49:15). Я не забуду тебя, человек, потому что знаю, что ты бог,

созданный Мною.

А мы не имеем к Богу благодарности, не молимся, не верим, не хотим Его познать, хотя знаем, что мы – маленькие боги, не стараемся в смирении осознать величие Господа.

Вот каков наш Бог! Он говорит: Всякий день простираю Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым (Ис. 65:2). Подумаем о Боге. Мы этого не делаем – устаем. Каждый день, говорит Бог, Я простираю руки Свои к вам и молюсь о вас. Просит Сын как архиерей Небесного Отца – «и прошу за этот народ, непокорный и желчный и просящий не наказывать его». За нас молится Господь! Вот Его смирение, возлюбленные мои!

И сейчас мы подходим к последнему вопросу, который мне бы хотелось с вами обсудить сегодня.

Бог – человек

Мы увидели, Кто есть Господь! Он Святой, но и я имею нечто общее с Ним – и я Божественен. Он простираю руку Свою веками, а затем сошел Сам и стал плотью. Давайте посмотрим на то, как это произошло.

Сам Господь вступил в трясину, чтобы вытащить из нее драгоценную жемчужину – обоженного человека, чтобы вновь и вновь явить нам Свою Божественную природу и открыть дорогу к богопознанию.

Теперь Он явился не в символах, не на облаках, то есть не в тех образах, которые ранее прикрывали Его Божество. Напротив, Сам Сын Божий, одеваясь светом (Пс. 103:2), лично пришел к нам во плоти человеческой. Некогда Он сотворил человека по Божественному подобию. А теперь Бог стал человеком. Смелее поступка трудно себе вообразить.

До этого момента Бог лишь искал пути, чтобы приходить к людям и чтобы люди могли по ним восходить к Богу. Теперь же Господь не создает больше мостиков для такого хождения. Он приходит в облики человека, стоит в храме, как один из нас. Бог отказывается жить в Своей величественной славе, видя, как гибнут Его дети.

Своей человеческой жизнью на земле Он открыл людям тайну Святой Троицы, ибо только став плотью, Он смог явить нам это. В смирении Он поднялся на Крест, умер и сошел во ад. Этот момент особенно важен для нас.

Бог не остался на Небесах, Он дошел не только до земли. Но спустился даже и до ада. Здесь Его униженность дошла до своей глубочайшей точки: Бог оказался на дне ада и оттуда простер руку всем – и тем, кто, отрекшись от Него, стал приносить жертвы языческим богам, и тем, кто любил Его при жизни. Он дал им руку, две руки, дабы любой

страждущий смог ухватиться, и вытащил их из ада.

Теперь, возлюбленные мои, сменим направление. Раньше Господь спускался. Мы видели Его там внизу, в аду. Но после победы над лукавым человеком вознесся на Небо, наша плоть вознеслась наверх, к Небесам. В Пятидесятницу мы приняли Святого Духа, Который с тех пор возводит нас к вершинам богословия. Как говорит святой Василий Великий: «До небывалых высот возвеличился человек благодаря смирению»⁸. Сходит и умалется Господь, человек же невиданно возвеличивается, достигает даже и до Неба. Но только если имеет смирение.

Конечно, Христос возвращается на Небо. Но Он постоянно шествует с нами рядом. Он оставил нам Духа святости. Он дал нам и Божественное Причастие, которое дарует нам Его Тело. Божественный Христос причащается человеческой плоти, а имеющий греховное естество человек во время Причащения устремляется к небывалым высотам. На земле Христос ходил в нашей с вами плоти. А Божественное Причащение – это Плоть и Кровь Христа. Поэтому и говорит Сын Божий, что кто унижает себя, тот возвысится (Мф. 23:12). Что значит возвысится? Это значит – дойдет до познания Бога. Речь идет не просто о славе, не просто о нашем перемещении на Небо и не о том, что Бог вытащит нас из грязи греха, но подразумевается, что отныне Дух Святой имеет возможность открывать нашему сердцу Бога, только бы мы были смиренными и преклоняли головы наши перед Ним.

Так что, возлюбленные мои, в смирении Бог умалет Себя и возвеличивает человека. Смирением мы возносимся ко Господу, познавая Его и Его пути.

Познание

Смирение не есть нечто, обособленное от Божественной природы, но является Его личным качеством. Без смирения Бог не был бы Богом. Что Он сказал? Я есмь сущий (Исх. 3:14). Вот в чем истина. Он есть Любовь. Если бы Он не был Любовью, то не был бы и Богом. Так и я, будучи богом, без смирения стану бесом. Непременным качеством каждого христианина должно стать смирение. Мне необходимо вжиться в него и всегда чувствовать, что я живу в Боге и в смирении.

Что такое смирение? Мы не будем беседовать на эту вечную тему сегодня. Повторим лишь слова одного святого: «Смирение – это одеяние Божества»⁹.

Для нас смирение – это основа христианской жизни и общения с Богом¹⁰. И сколько в нас смирения, настолько открывается нам Господь. Конечно, всякие добродетели необходимы, но без смирения они ничто. Без

смирения вам не помогут ни пост, ни молитва, ни любовь. Больше смирения – глубже познание Бога, и наоборот, чем глубже мы познаем Бога, тем более смиренными становимся. Ведь что делает Бог, видя наше смирение? Он открывает нам глаза, чтобы мы познали Его и грядущее.

Смирение вместе с молитвой одаряет нас присутствием Господа и радостным бытием. Жизнь такой радости, величественнее которой не бывает. Наша личная жизнь в смирении способствует нашему сильнейшему обожению. И чем более мы становимся святыми, тем лучше понимаем Господа. Во время молитвы, особенно Иисусовой, мы обнимаем все человечество словами: «Не только я, но и весь мир представляет одно целое с Богом». И в конце концов мы осознаем, сколь безгранично познание Бога в смирении. И сколь смиренно мы живем в Нем, с Ним и со святыми, читая Священное Писание и Жития, столь явственно показывает нам Себя Господь.

Нужно научиться доверять Богу. Следить не за тем, сколь успешно мы продвигаемся в познании Бога через ученые штудии, но за тем, удастся ли нам стяжать дух смирения. И тогда Господь придет и подаст нам обол¹¹. Ведь если человек не просит, то вы и не подумаете подать ему милостыню. Значит, должно просить. А как иначе нам заявить о своей духовной нищете? Только в смирении и молитве. И тогда придет Бог и дарует нам богопознание, просвещающее и непреходящее общение с Собой.

У людей две беды. Первая – мы часто чувствуем какую-то пустоту внутри себя. Сколько раз мы слышали, как кто-то говорит: «У меня как-то пусто внутри» или «Я чувствую тяжесть, пустоту». Действительно, в человеческом сознании есть брешь, в которую собраны наши неразрешимые вопросы и проблемы.

Все ученые исследования мира не заполнят ее. Мы выбиваемся из всех сил, стараясь стать счастливыми и довольными. Пытаемся реализовать и утвердить свое «я», занять солидное положение в обществе, получить образование... но эта дыра внутри нас все растет и растет, и ничто не может заполнить ее, ибо это под силу только Богу. Наши сердца полны надежд и желаний, плохих и хороших. А в сердце – пустота. Оно не похоже на укрепленный и сильный город. Оно не высокий монастырь на вершине горы, куда спускается Бог. Оно не слава Его и не Его утешение.

В сердце нашем бездна боли и пессимизма. Оно – наш ад и наша мука. Но не будем забывать, что и в ад спускался Господь. Поэтому в минуты, когда мы чувствуем себя потерянными, несчастными, отчаявшимися, грешными, неприкаянными, давайте скажем себе: «Разве не войдет Господь в мое сердце, в мой собственный ад?». Не будем

придаваться отчаянию, ибо отчаяние – от гордости. Оно самое большое восстание против Бога. Не поддадимся же отчаянию! Там, где наш ад, давайте окажемся и мы, давайте понесем там свой крест, как это сделал Господь. И Он найдет нас там оплакивающими свою судьбу и подтолкнет, как Адама: «Адам, где ты? Где ты, дитя Мое?» Мы очнемся от боли и увидим руку, которая хочет привести нас к богопознанию, хочет спуститься до дна нашей боли и отчаяния.

Святая святых нашего сердца станет тем чертогом, о котором мы говорили, чертогом, который охраняли два херувима, и где был Господь. Наше сердце, дыра в нем, наши страдания и несчастья, наш греховный колодец пусть станет гробницей Христа, окруженной ангелами, охраняющими Тело Спасителя. Так встанут ангелы на стражу наших собственных гробниц, заключенных в наших сердцах, и воскресят нас.

Итак, первая проблема решается, если мы не станем поддаваться соблазнам, боли, мрачному настроению, но будем терпеть. Если мы не отчаемся, то Господь придет.

Вторая проблема, особенно у нас, христиан, заключается в том, что мы быстро устаем. Да, быстро утомляемся мы, христиане, мы, желающие стать воинами Христовыми. Весь мир охотится за богатством и почестями без устали. Работает по двадцать четыре часа в сутки, чтобы занять положение получше в обществе. Не устает стремиться к удовольствиям, не устает искать греха. Но сразу же выбивается из сил, встав на путь к Богу. Устает и забывается. Так и мы легко обольщаемся миром и делаемся абсолютно другими.

Потом вдруг что-то происходит, и мы вновь вспоминаем о Боге. Даем обещания и немного погодя вновь о них забываем. И это повторяется вновь и вновь. Вот наша вторая проблема! Но сколько бы мы ни забывали Бога и ни вспоминали о Нем после, давайте в такие минуты скажем: «Господи, просвети мрак моего сердца. Господи, я забываю о Тебе. Ты же не забудь обо мне! Хотя мы должны были познать Тебя, но мы Тебя не знаем. Боли наши, Господи, нестерпимы... Как нам быть, чтобы теперь узнать Тебя?».

Все, что есть у нас, возлюбленные мои, преходяще, ограничено, чуждо, тщеславно. Бог же дарует нам то, что духовно. Обратим взор нашей души к нашему сердцу, и если оно уродливо и совращено, попросим Господа исправить его. Давайте вспомним, что Господь по природе Своей, как мы уже говорили, недосыгаем и непостижим. Не будем же искушать себя, желая познать Бога в славе. Это невозможно. Давайте попытаемся Его познать в Его смирении, терпящим наши выходки, любящим, прощающим, попускающим нам делать зло. Он уважает нашу свободу:

когда мы ругаем Его, Он нас – нет; когда убиваем, Он не трогает нас и пальцем; когда мы огорчаем Его, то сносит все. Доверимся же Господу, Он знает, чем помочь нам. Ведь это Он сказал, да будет свет (Быт. 1:3) в хаосе, и появился свет! Такой же свет воссияет и в наших сердцах!

Такова, возлюбленные мои, история человечества! Ведь что такое история человечества? Это грех. А также это Бог, вступивший в мир греха, дабы спасти нас. Вот весь Господь!

Так познаем Бога! Он один способен, войдя в наш грех, не только не «испачкаться», но и нас очистить. Он не устает повторять: Народ Мой! что сделал Я тебе и чем отягощал тебя? (Мих. 6:3). И несмотря на это, все, что бы ни случилось с нами, мы вменяем в вину Богу.

А не лучше ли просто понять, что наши тела несут на себе отпечаток Божества, нуждаются в Нем, ищут Его и любят. Давайте осознаем, что Бог такой же, как и мы, а мы таковы, как Он, и являемся частичками Самого Бога.

За всем кроется Господь: за грехом, равнодушием, безбожием, забвением, нашими суетными попечениями. Все эти огромные ширмы прячут от нас Бога. Но Он – за каждой из них.

Что стоит Господу поставить такую ширму или ее разрушить? Ничего. Сделает Он так и в сердце нашем, за которым, без сомнения, скрывается. Сделает, лишь бы мы сами поняли, чего именно мы хотим.

Вечный брак¹²

1

Монашество есть брак, поэтому Христос является Женихом. Здесь, в монастыре, мы не так часто говорим о Христе как о Женихе. Возможно, что нынешний наш разговор – единственный в своем роде. Дело в том, что представление о Женихе связано у женщин с некими эмоциональными состояниями, в которых Божественное содержание подменяется повседневностью. Лишь у немногих слово «Жених» ассоциируется со Христом. Это плодоносное и приводящее к Богу значение утеряно. Итак, когда мы говорим, что Христос – наш Жених, то имеем в виду отнюдь не романтические переживания, не влюбленность и не пустую метафору.

Любые сравнения между женихом в мирском понимании и иным Женихом – Христом находятся в плоскости различий между человеком и Богом. Точнее, не человеком и Богом, а человеком и Богочеловеком. Ведь для нас гораздо понятнее и ближе именование нашего Жениха не человеком, а Богочеловеком. Он не только для нас понятнее, но Его проще

полюбить, осмыслить, узнать, почувствовать; Он становится таким же осязаемым, как каждый из нас. И никто не скажет, что лучше бы наш Жених был Богом, а не Богочеловеком.

После того, как мы рассмотрели данный вопрос, мы сталкиваемся с препятствиями, которые делают для нас затруднительным принятие Жениха и как Бога, и как человека в нашей повседневной жизни. Однако эти преграды перед нами ставит не дьявол, не природа, но мы сами. Препятствия же нас разлагают, разрушают и не дают нам увидеть прекраснейшего Жениха.

2

Но продолжим. Скептики могут привести такой аргумент: Жених, Которому обручена монахиня, каждая отдельная душа, а также Церковь в целом, имеет один недостаток по сравнению с любым другим женихом, в будущем долженствующем стать супругом: Он невидим и бесплотен.

Ведь невеста любит видимого и осязаемого жениха. Никто не любит просто душу, но душу, облеченную во плоть. Нельзя также любить по переписке, через корреспонденцию воссоздавать другого человека, его лицо, тело, душу, привычки и характер. Можно любить не того «кого-то, кто написал письмо», а конкретного человека, с руками и ногами. У него есть отец и мать, которым я шлю приветы. Можно любить того, кто имеет физическую оболочку, занимает свое место в обществе, в жизни, того, с кем ты достигнешь абсолютного единения.

Христос – единственный, Кто имеет такой недостаток, Кто бесплотен. Отсюда частая неудовлетворенность людей, стремящихся к монашеству, и непрерывно повторяющийся вопрос, страх и сопротивление, и, как следствие, оправдание: «Но ведь я Его не чувствую, не знаю, не слышу».

Часто это происходит с молодыми послушницами. Спросим же такую девицу серьезно: «А зачем ты вообще пришла в монастырь?». Если же она уже давно пострижена в монахини, то возникает следующий весьма тяжелый вопрос: «Почему ты стала монахиней, если Тот, Кого ты полюбила, является неким плодом твоего воображения, если Он есть Некто, о Ком ты слышала, но совершенно Его не знаешь? Для тебя Он так и остался бестелесен. То место, которое занимают твои вымыслы, должен занять Господь, Тот, Кого ты полюбила и с Кем связала всю свою жизнь».

Но так ли это в действительности? Или, может быть, это отношение ко Христу как бестелесному и невидимому вытекает из некоей духовной «зрительной» или душевной болезни? Есть люди, которые и на земле живут как будто в преисподней. Ибо нет более ужасного мучения, чем быть монахиней и воспринимать Христа невидимым и бестелесным.

Подобное существование обречено на безысходность.

Итак, Господь невидим? А разве тот критерий, что две личности связаны между собой, не объективен? Разве может быть критерием замкнутая, несчастная, самоистязающаяся душа, которая существует без Бога и заперта в своем собственном бреде? Разве невидим и бестелесен Христос?

Сначала обсудим вопрос с теоретической точки зрения. Сказать, что Христос невидим, было бы ужасным невежеством и неверием и в Священное Писание, и в церковное Предание, и в Святых отцов, которые передали нам то, во что они верили и чем жили. Кто из них когда-либо говорил, что Бог невидим, особенно Христос?

Все признают, что Божественная природа непостижима для человеческой слабости. Бог открывается через действие Божественных энергий. Он видим как Богочеловек, как Свет во множестве Своих проявлений. Как будто ты находишься в большой комнате, уставленной зеркалами, в которых видишь не одно, но множество своих отражений. Именно так тысячи раз и тысячью способами человек может увидеть Христа. Об этом засвидетельствовано и в Писании, и в Предании. Но сегодня нас занимает нечто иное.

Ни о чем другом не говорят святые, кроме как о богопознании, видении Христа, и о своем стремлении к Нему. Вот те два великих дара, что посылает Христос Своим избранникам.

Когда юноша обручается с девицей, то требует от нее двух вещей: чтобы она принадлежала только ему и всегда находилась рядом и чтобы была покорна его воле. Подобного требует и Христос от всякой, желающей стать монахиней.

Любая женщина требует от своего мужа, чтобы он был рядом с ней и чтобы она могла постоянно его видеть, чтобы не был отделен от нее ни телом, ни душой, не принимал самоличных решений, чтобы принадлежал ей всецело и всегда оставался ее супругом, господином ее сердца. Она подала бы на развод, если бы ей приходилось постоянно покорять его.

Подобного ищет и душа, хотящая приблизиться ко Христу. Она стремится ежедневно видеть Господа, Своего истинного Жениха, почувствовать Его рядом по своему желанию. Она должна иметь право на жизнь со Христом, а Господь выполняет обещания, Им данные каждому. Поэтому Бог говорил через разных людей в Ветхом Завете, в синагоге; в Церкви через апостолов, святых, Святого Духа на Соборах и через каждого человека в отдельности.

Итак, душа жаждет, чтобы Христос хранил ей верность и был ею

познан, чтобы стал ее господином. А это значит, что сама она должна явить Ему покорность и преданность, за Него претерпеть многие страдания, то есть быть той, которая с мученическим пылом и опытом верила власть над собой Богу и принадлежит Его воле, силе, величию.

Следовательно, душа желает Христа видимого и осязаемого, ибо невозможно ощутить благоволение к невидимому Богу. Церковь свидетельствует нам о том, что Христос видим, и поэтому называет Его Богом.

Другой важный момент: человек никогда не хотел любить того, кто не имел плоти. Потому весь опыт Церкви – в воплощении Христа. Бог Слово был рожден не от плотского человека, как учили еретики, но был зачат во чреве Богоматери непорочно, принял на Себя человеческую природу нераздельно, неизменно, неслиянно. Следовательно, Христос, будучи Богом, носил человеческую плоть.

Мы полюбили Христа с тех пор, как почувствовали его воплотившимся. Он смог искупить род человеческий благодаря тому, что плоть бысть (Ин.1:14). Он не вошел в плоть, но воспринял плоть совершенно и неизменно. И невероятно, чтобы Христос оставил плоть, ибо это столь же неестественно, как отделять человеческую душу от тела. Именно поэтому смерть сама по себе – вещь абсолютно бессмысленная. Она лишь предшествует воскресению. И воскресение есть не что иное, как вознесение плоти к душе, то есть воссоздание человеческой природы и конкретной личности. Так как же мы можем отделять Христа от Его плоти? Он явился во плоти.

Следовательно, Он не может быть невидимым и бесплотным. Мы полюбили Христа, явившегося во плоти. Смотрите, что это означает: Бог явился во плоти (1 Тим.3:16)¹³, и всем народам было проповедано Его воплощение. Он не воспринял некий плотской образ, но Он явился во плоти. А это значит, что через Его плоть произошло Богоявление. Тело Христово легло в основание откровения Бога людям.

Следовательно, мы ничего не можем возразить против воплощения Христа. Поэтому заблуждением является наше ощущение, что Христос невидим и бесплотен и что мы лелеем в душах некий вымысел.

Кто может обнять свои вожделения, облобызать свои мечты, схватить руками воздух? То, к чему стремится человек, находится в полноте Христовой. Итак, Бог явился во плоти, и смысл этого глубок. Если мы стремимся ко Христу, то Он для нас Жених в большей мере, нежели любой иной жених.

Если Христос таков, то где же Его объятия, Его радость? Как нам удастся ощутить Его сладость, любить Его? Как Христос становится видимым, обрученным душе Женихом?

Скажем об этом лишь несколько слов, так как эту тему мы много раз уже обсуждали. Наша беседа не имеет ни догматического, ни нравственного, ни назидательного характера. Просто наши с вами устремления направлены к единой цели.

Во время наших собраний мы обычно бросаем беглый взгляд на отдельные моменты из жизни Христа и через них выявляем свои собственные недостатки и достижения, продвижение вперед и остановки. Наше общение есть связь с Богом, Который один раз говорит нам об этом, другой раз о том, не навязывая нам сразу же целостной картины мира. Женихи поступают точно так же: они то произносят своей невесте слова любви, то рассказывают об имуществе, то – о матери. Иногда бывают ласковыми, а иногда суровыми.

Итак, у нас есть Жених Христос и душа. Душа, которая понимает и понимает, что она действительно обручена, что она готова увидеть своего Жениха.

Наши дух и плоть могут увидеть воплотившегося Христа, и это значит, что мы можем стать Его Телом. И действительно, мы разнообразными и многочисленными способами стремимся к этому.

Однако обратимся к душе, любящей конкретную личность – личность Богочеловека Христа. Вот Христос, а вот невеста-монахиня. Если она обвенчана Христу, если Христос ей обручен, то это значит, что они имеют некоторое единение, некую, пусть весьма относительную, родственную связь, которая утверждает монахиню в том, что Христос действительно есть и что Он имеет плоть.

Если кто-либо, предварительно не испытав жизни, примет монашеский постриг, то он столкнется с серьезными проблемами. Ему придется пройти через огромные испытания. Ибо лишь через крест и страдания можно полюбить и познать Христа. Прикосновение крыла страданий очень действенно и ощутимо. Страдая сам, ты лучше поймешь душу другого человека, и такой способ гораздо действеннее, чем просто жить с ним рядом и пребывать в непрерывном общении. Скажем, жена, прожившая с мужем тридцать-сорок лет, за пять дней, проведенных в больнице у его постели, узнает его ближе, чем за все долгие годы супружества.

Получается, что страдание – одно из наиболее сильных людских чувств – это лучший способ познания другой души. Страдание выявляет

человеческую сущность. Когда мы видим человека, совершенно не разбирающегося в жизни, то это значит, что Господь не благословил его пройти путь страданий, без которого нельзя достигнуть завершенности, совершенства. Не вкусив страданий, не оценить и райские блаженства. Но что бы то ни было, человек создан не для страдания, но напротив, для радости. В монастыре он ежедневно наслаждается общением со Христом. Монахиня из бесед со Христом черпает радость, бытие, жизнь, эмоции. И, следовательно, в своей общине, то есть там, куда поставил ее Господь, она находится в то же время в уединении со Христом. Она переживает минуты радости и скорби, ужасные мгновения и яркие моменты, когда происходит стремительный скачок к Небесам. Свой собственный опыт она черпает из непосредственного общения со Христом.

Кто живет в монастыре и не имеет личного опыта жизни во Христе, тот никогда не почувствует себя здесь комфортно. Не будет конца унынию и ощущению себя неудачником и неполноценным человеком. Такой человек никого не сможет полюбить, даже Господа. Нельзя полюбить Бога, Его не увидев и не осязав в минуты уединения.

Поэтому я радуюсь за вас, когда ночью вижу горящие лампы и понимаю, что повсюду не престаёт молитва: кто-то молится у себя в келье, а кто-то в саду. Но каждая из вас в эти мгновения вместе со Христом.

Повторю: монахиня может жить со Христом и во мраке, и в своем неведении, только твердо веруя в то, что Он здесь. Нужно жить со Христом, то есть соотносить Его шаги со своими, даже если Его не видишь, но знаешь о Нем и стараешься Его познать. Вера же, как нам всем известно, сильна в той душе, которая укрепляется в уединении и священном безмолвии.

Следовательно, когда мы говорим о монашине как невесте Христовой, то мы имеем в виду монахиню, которая либо постоянно живет в обители с общежительным уставом, либо временами в нее приходит из своего уединения, пещеры или подобного отшельнического места. Несет ли она послушание привратницы или занимает административный пост, трудится в храме или архондарике¹⁴, у нее должно оставаться время для Христа. Пусть Он навсегда пребудет в раю ее вожделений, и это послужит ее оправданию.

Что сказать о подвижнице благочестия, не испытавшей в своей жизни ничего подобного? Конечно, нельзя быть уверенным в том, что такая монахиня не удостоится рая, но с определенностью можно заключить, что там, на Небесах, она впервые встретит своего Жениха. Иные ученицы, которые не знают, кто из стоящих перед ними учитель, а кто лишь

ассистент, смотрят на обоих, чтобы не быть уличенными в своем незнании. На них похожа эта монахиня, за всю свою жизнь никогда не видевшая Христа, имя Которого носит в своем сердце.

Давайте взглянем на подлинную монахиню. Она преисполнена желанием уединения и им живет постоянно: и во мраке, и испытывая боль, и в состоянии меланхолии, и в минуты кризиса, когда ей кажется, что она так далеко отстоит от Христа и нет грешницы большей, чем она. И Господь для нее невидим и непостижим. Она помнит, что она слышала и читала, что Христос видим, и тогда говорит: «Быть может, это все выдумки?».

Необходимо проживать свою жизнь трагически, не покидая поля брани, происходящей в минуты уединения, и делать это не из-за разочарования или неудач, но ради приобретения личного опыта христианской жизни, который возможен лишь при общении с возлюбленным ею Христом.

Время от времени нам даруются вспышки радости и ликования. Ваши письма, о которых мы говорили сегодня утром, разве не подлинное тому свидетельство? Не бывает в жизни черных дней, которые однажды не освещаются Божественным сиянием. Ведь Христос Бог являлся и нечестивым, и разбойникам, и блудницам. Так неужели Он не придет к душе, взывающей к Нему, ради благодати Его посещения оставившей все остальное!

Если есть бог, который не является людям, зовущим его во мраке, то вряд ли он настоящий Бог. Наш Бог, в Которого мы верим, есть путь и истина и жизнь (Ин. 14:6). И разумеется, Он – мой путь, жизнь и истина. Поэтому я не могу Его не почувствовать.

От Него я получу проблески, внутренние озарения, которые будут следовать одно за другим. Я не сломаюсь от набегающих и отступающих волн, словно в штормящем море или в бурлящем Еврипе¹⁵. Вот прекрасная картина моей внутренней жизни. Единственная реальность есть та, которой я живу в данный момент, а не мое служение, не любовь, послушание, смирение или что-либо иное.

Конечно, все это необходимо в такие мгновения, ибо это камни и цемент для общения с Богом. Я смогу ощутить и любовь, и привязанность, и незыблемость веры, а через какое-то время все это меня покинет и в меня вселятся жестокость, страсти и ненависть к Богу. И я скажу: «О! Вот где я оказался!»

И только тогда, в минуты этой брани, я открою для себя, что во мне, оказывается, живет и бес, который наделяет меня страстью и ненавистью.

Но его я разгляжу и осознаю его присутствие во мне гораздо позднее. А сейчас постараюсь просто поверить, что он реально существует во мне. Дьявол пока мне неведом в гораздо большей степени, чем абсолютно неведомый Бог.

Однако в минуты моего ночного безмолвия войдут мгновения познания, молитвы и разочарования в себе. Будьте внимательны, я разочаровываюсь не в Боге, не в возможности богопознания, стоящего у моего порога. Я даже не успею распахнуть ему дверь – оно входит в меня мощным потоком и вот оно уже передо мной. Отчаяние в себе приходит, когда я тихо сижу, утомленный молитвой, постом, бессонницей и думаю, будто бы обрел Бога, а на самом деле Его не обрел; верю, что Его увидел, а на самом деле ничего подобного не случилось.

И в один из таких моментов, когда заходится сердце, готовое выскочить наружу, я внезапно ощущаю, что чем-то наполняюсь. Чем? Богом? Но я не могу наполниться Богом, потому что сам ежесекундно пребываю в Боге. Здесь мы сталкиваемся с тем, что не встречается у супружеских пар: я содержу в себе другого человека и сам содержусь в нем.

Я заключен в Боге. Стало быть, я наполняюсь не Богом. Господь во мне и вокруг меня. Он в моей плоти, в голове, в каждой частичке меня – во всем, что меня составляет.

Это есть наполнение разгорающимся желанием. Когда у меня температура 42°C, то мне кажется, что я умираю, лишаюсь рассудка и не понимаю, что со мной происходит. Но наполняюсь жаром, я в сущности наполняюсь не горением, ибо оно есть свойство Бога, но внутренним пониманием того, что Господь пламенеет. Он является, хотя я Его еще и не вижу. Изменяется суть – как будто меня утомляет свет, как будто я боюсь этого света, огня, горения, от которого я сам воспламенился и ощущаю, будто Христос входит в меня.

Как чудно говорит Давид Псалмопевец: Господь в водах многих, Господь потоп населяет (Пс. 28:3 и 10). Почувствуйте, сколь прекрасен этот образ. Бог – в этом устрашающем падении воды.

Я наводняюсь потоком Божественной благодати, но разве это происходит внутри меня? Разве могу я сделать подобное сам по себе? Нет, это то, что творит Бог, ибо это Он нам обещал и этим мы все живы: от маленькой девчушки до самого необузданного существа, обращающегося к Богу лишь в крайние моменты своей жизни. Исполнившись этим горением, я буду поражен и омыт потоком Божественной благодати. Я почувствую себя совершенно изнемогшим, но не изнеможением плоти или

души, а тем, что происходит от собственного вопля: «Боже мой, но где же Ты?! Но почему, Господи, почему я не могу увидеть Тебя?!».

Постепенно уляжется страсть, изнеможение, и моя душа насладится утешением, штилем и покоем. После этого один захочет в молитве преклонить колена, другой – плакать, иной – уснуть, еще один – пойти к своему брату или сестре, чтобы поделиться пережитым. Другой же пребудет в безмолвии, боясь вынести наружу то, что он только что испытал, не желая расплескать. Ведь когда ты хочешь что-то потерять, просто расскажи об этом другому, и ты вмиг лишишься всего, потеряешь себя и Бога. Так сокрой же Его, подобно кладу.

Итак, ты учишься приобретать радость в своей душе. Эта радость постепенно, весьма постепенно становится ее неотъемлемой частью. Бодрствуешь ты или спишь, едешь куда-нибудь или находишься среди людей или наедине с собой, эта радость, как благодать, все время пребывает внутри тебя. И как остается навсегда шрам на коже, так и в душе навсегда поселяется радость.

Это чувство есть Божий дар, который дается нам в нашем уединении и вожделении Бога. Передается радость и людям, которые не общаются с Богом. Такая радость появляется у них эпизодически, неустойчиво: сегодня есть, завтра – нет. И для них она никогда не станет неотъемлемой частью души. Чем глубже человек вовлечен в житейские попечения, тем несчастней он в своей жизни, чем больше всевозможных тем имеет он для исследования, тем легче для него утратить незаменимую тишину Божественной радости.

Чем дальше он уходит от всего остального, тем большую радость обретает. И тогда он явственно ощущает: чем бы он ни занимался, молится или нет (особенно когда молится), трудится или нет (особенно когда трудится), постоянная забота его духа – Христос. Это означает, что все больше он воспринимает от Божественного потопа, от познания радости, так как без этого познания нельзя постичь Бога. И это есть вещь первостепенной важности. Радость подобна раннему рассвету: еще ночь на дворе, еле-еле пробиваются солнечные лучи.

Так Христос становится заботой моего духа, всего моего существа, что бы я ни делал: работаю ли, служу ли, направляюсь ли к матушке-настоятельнице. Я постоянно ощущаю себя вместе со Христом. Я общаюсь с Ним, и Он обращается ко мне. И мне кажется, что присутствие Христа в моем сознании выходит за его пределы. Если я пробуждаюсь ночью от сна, то делаю это с молитвой на устах: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного». Сплю и во сне творю ту же молитву. Просыпаюсь и знаю, что,

и когда спал, не прекращал умного делания.

Через какое-то время Христос станет реальной составляющей моей жизни. А пока мое естество само усердно трудится ради присутствия Божественной энергии, благодати. И этот труд становится постоянным, непрерывным. Между Богом и мной больше нет преграды. Где бы я ни находился, куда бы ни направил свои стопы – на работу, в Афины, в Фессалоники – я ощущаю, что нахожусь наедине с Ним. Как это ни странно, но это действительно так. Ведь Он никогда не оставляет меня. Это удивительное свойство духовного брака. Жених один. Он всегда с тобой.

Но важно еще не только то, что Он со мной, а то, что между нами не может стать никто иной. Если я расстраиваюсь из-за сделанного мне замечания, то значит, что я не достиг и малой толики из того, о чем мы сказали. Предположим, меня оклеветали и говорят: «Иди прочь, ты отстранен от должности, исчадье рода человеческого», и я начинаю заниматься саморефлексией, то это значит, что мой опыт ничему меня не научил. Ведь я знаю, что при моем собственном устремлении к Богу Он всегда сохранит меня.

4

Когда Христос становится моим единственным спутником в намерениях, чувствах, познании, когда я тружусь вместе с Ним и меня ничто более не отвлекает, не может заставить меня потерять Его, то тогда для меня начинается другая жизнь.

До этого момента Христос лишь являлся в моей жизни, теперь же я ощущаю, что происходит восхищение во время молитвы моего внутреннего человека. Этот опыт мы переживаем очень часто. Всякий любящий Христа и желающий жить со Христом знает, о чем идет речь. И когда ты ощущаешь подобное состояние, то начинаешь смущаться и беспокоиться: может, это искушение, может, это от лукавого. Не смущайтесь! Слава Богу, мы достигли первой, начальной стадии духовной жизни.

Итак, время от времени я чувствую, как на молитве восхищается мой внутренний человек. Там, где я перестаю понимать, само мое сознание, сам мой разум молятся Богу. И я, занимаясь своими делами, внезапно обнаруживаю, что творю молитву: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного». Плыву ли на корабле, еду ли в машине, ложусь ли спать, провожу ли время в беседах, я вдруг обнаруживаю, что мой ум сам по себе повторяет: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного».

Это восхищение ума происходит внутри человека, и я не вполне

понимаю, что это такое. Похоже, будто бросаешь мяч на другую сторону поля, а он возвращается к тебе, и ты его кидаешь снова. Примерно то же чувствует ум, творящий Иисусову молитву. Христос становится для тебя тем, кто стоит на другом конце поля.

Внезапно ум бывает восхищен, а после возвращается обратно к повседневной действительности, уходит снова и вновь возвращается. В этом восхищении ума на молитве человек обретает большие красоты и радости, нежели имел раньше.

Бывает и другой тип восхищения, о котором мы еще не говорили. Оно осуществляется без моего ведома, но в состоянии глубочайшего духовного сосредоточения. Я ощущаю, что выхожу из себя, из своей оболочки, и этот «выход» происходит мысленно, в молитве: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного». Христос влечет меня, но это происходит через мою молитву, то есть восхищаюсь я сам и так пребываю со Христом. Такое восхищение есть памятование, единение и, следовательно, жизнь со Христом.

По прошествии времени внутреннее восхищение происходит чаще и становится неотъемлемой частью нашей жизни. Человек стремится как можно скорее оставить внешний мир, как можно меньше с ним соприкасаться, он делается более послушным, смиренным, причастным ко Христу. После мысленной встречи в молитве со Христом он все более и более убеждается в своей ничтожности. Ему становится страшно, и в трепете он произносит: «Кто я такой, что собираюсь беседовать со Христом, стараюсь увидеть Его?». Человек боится случайной встречи со Христом. Если раньше он говорил: «Моя душа желает увидеть Бога» и полагал, что по прошествии пяти дней узрит Христа, то теперь боится этого, понимая, что сгорит, будет восхищен. Потому что человек не может увидеть Бога и остаться в живых (Исх. 33: 20). И этой истиной живет человек.

Итак, этот страх, это внутреннее сопротивление познать Бога есть такое настроение, при котором человек говорит: «Нет, Боже мой, нет!», но одновременно и жизнь со Христом через непрерывное возвращение памятования о Его имени позволяет забывать о пространстве и времени. Я преодолеваю их и как будто ничего не слышу, не вижу, не имею разума.

У меня создается впечатление, что женщины очень хорошо запоминают даты и факты в самых мелких подробностях. Мне кажется, что это относится к недостаткам каждой из них. Может быть, именно поэтому женщина гораздо позже мужчины может приблизиться к Богу. Ибо эта память о повседневной жизни и участие в ней усложняет для

женщины ее сопричастность Богу. Вместо того, чтобы предать забвению весь мир, она носит в себе его полноту и памятование о нем. Чего только не отыщется в голове у женщины! Она подобна витиеватому лабиринту, в котором заблудится любой. Она помнит все, что нужно, а в особенности же все, что не нужно.

5

Монахиня, пережившая нечто подобное, вынуждена вычеркнуть из своей памяти все лишнее и предать его забвению. Жизнь становится сладостной и разворачивается во временной и пространственной плоскостях. Это особое чувство. Душа, дух человека простирается в бесконечность. Что это значит? Отныне человек пребывает не в самом себе, но его дух уходит в бесконечное. А оно принадлежит не пространству и не времени, но Царствию Небесному. Оно неизменно и просто. Момент перехода отсюда туда зафиксировать невозможно, нельзя ощутить произошедших изменений. Это совершенно особенное ощущение, как если бы выйти из самого себя и очутиться на неизвестной земле.

Нам знакомо лишь нечто изменяемое – гнев и радость, то есть то, что претерпевает развитие, но нам абсолютно неизвестно то, что не имеет конца и не простирается никуда, дальше своих беспредельных владений. В тех местах не существует никаких превращений, потому что там самодержавно правит Бог, природа Которого не подвержена изменениям.

Итак, человек простирает себя в бесконечное. После восхищения я как бы расту вместе со своим рассудком, сердцем, духом, а главное, умом, этим правителем, что живет внутри меня. Расту и вхожу в беспредельное, как бы раскрываюсь на Небесах. Естественно, я уже не вспоминаю о субстанциях изменяемого мира: ни о датах, ни о привязанностях, ни о страстях – совершенно ни о чем. Преодолев пространство и время, я простираюсь в нечто совершенно иное.

Когда начинаешь приобретать это ощущение протяженности бытия, то понимаешь и свою собственную безграничность. Как происходит этот мой переход, существование и здесь и там? Как, живя здесь и гуляя по зеленой травке, я ступаю по Небу? Как, сидя за столом и сочиняя эти строки, я одновременно оказываюсь в объятиях моего Христа? Все это – за пределами моего понимания.

Я постигаю некий иной опыт, совершенно не похожий на то, каким я его себе раньше представлял. Я думал, что имею границы, теперь же начинаю понимать значение своей духовной ипостаси, могущей соединить меня с Богом и Богом же вдохновленной. Я начинаю видеть свое

глубинное существо, которое, с одной стороны, греховное, а с другой, тянется к Богу.

Кто я? Во мне постепенно происходит процесс самопознания. Я понимаю, что во мне есть Божественное, которое растяжимо, как облако, но есть и ощущение своей перстности. Вступая в беспредельное, я отчетливее вижу свой грех, эгоизм, страсти, ничтожность, тленность. От этого происходят мои слезы, а также радость от осознания глубины самого себя и дыхания Бога.

Я живу внутренней обновленной жизнью. Я осознаю свое духовное бытие и свою греховную сущность, которая, несмотря ни на что, любит Бога.

Таким образом, открывая то, что было во мне, я говорю: «Что это? Кто это? О, да это же я сам!» Из этих скачков, сальто, восхищений, протяжений, из-за постоянного пребывания Бога со мной, я начинаю узнавать себя таким, каким меня создал Бог, а не сделал грех.

Вот грех, то есть то, что сделал со мной сатана еще в раю. А вот то, что натворил я сам мерзостью моего хотения. И вот то, что создал Господь. Из этих вещей, совершенно отделенных друг от друга, состоит человек.

Это мой друг – я сам, а вон тот – чужой. Это есть Божественное дыхание, которое раньше я не ощущал. Но я существую с того момента, как Господь вдохнул в меня жизнь. С тех пор Он – одно со мной, Он всегда со мной и составляет мое глубинное существо.

Отныне я живу отличной от здешней жизнью, упоительной, манящей и чуждой земному. И пребываю в растерянности: что же теперь делать? Куда бежать? Как это стало занимать основное место в моей жизни? А чем более серьезные вещи происходят в моей жизни, тем сильнее испуг: а что же дальше?

Как мне избежать смертельной угрозы, которой я сейчас подвергаюсь? Два человека стоят высоко, и один предостерегает другого: «Не упади!». Так и здесь. Я сознаю свое причащение Небесам. Мой дух соединяется с ними. Когда ты седлаешь лошадь, крутишь педали велосипеда или заводишь автомобиль, как ты можешь соединиться с Небесами, которые выше и глубже тебя? Понимаешь ли значение слов: Умалил еси его малым чем от ангел (Пс. 8:6)? Выше всего поставил Господь человека, но ниже, чем единственного Ангела во плоти – Иисуса Христа.

И теперь ты чувствуешь свою царственность, вспоминая о власти, тебе данной в раю, где ты нарекал имена всей твари (Быт. 2:20).

Ты соединяешься с Небесами, и они становятся твоими. Ты радуешься о них, постижимых и в то же время непостижимых. Небеса познаются, когда возвеличивает тебя Господь ради восстановления твоей царственной природы и поставления тебя над всем миром. Они не познаются, ибо еще не явны для мира нашей повседневности. Ты должен выйти за пределы этого мира, чтобы увидеть Небеса, загражденные плотью, лицом к лицу (1Кор. 13:12).

Ты чувствуешь, как твой дух овладевает твоей жизнью, душой, всем твоим существом, соединяется со всем земным и неземным миром. Так и иной Дух, Которому ты сделался сопричастным теперь, владеет всем этим. Он животворит мир, и в Его присутствии ты теряешься или, скорее, находишь себя. Этот Дух я не могу осознать. Я причащаюсь Ему, радуюсь Ему, Он есть причина моего рождения. Но Он совершенно непостижим.

И этого Духа я открываю, что весьма непросто. Дух открывает мне Сына, но я не в состоянии постичь откровения Святого Духа. Я открываю Его другим, но кто откроет Его для меня? Он постижим, ибо через Него я властвую. Непостижим, так как Он есть Дух, превознесенный выше всего в мире, дающий жизнь, существование, духовность. Ибо мир, в котором я сейчас нахожусь и которому я сопричастен, – это мир нерукотворных, но умозрительных вещей, раскрываемых в Духе Святом.

Когда это случается в моей жизни, радости, в этой непостижимой постижимости, то я чувствую, как сам оказываюсь захвачен, очарован, понимаю, что не могу властвовать над собой. Теряюсь и каким-то образом оказываюсь окруженным бесконечностью. И хотя чувствовал движение моей царственности, то теперь чувствую движение моего ничтожества, но в то же время осознаю, что охвачен Богом. И как же после всего этого я могу сказать, что Бога нет? Как могу теперь сказать: «Мне до Тебя нет дела». Как я могу грешить, если уже испробовал бесконечность и понял всю свою греховность? Я мог бы умереть. Господь мог бы в какой-то момент сжать и выбросить меня, как худую траву. Однако Он меня спасает. Я мог бы убежать, но куда? Ведь где бы я ни был, я оказываюсь окруженным небесами и землей, сотворенными Богом: Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще спиду во ад, тамо еси (Пс.138:8). Я всецело «порабощен» Богом: Господь пленш еси плен (Пс.67:19). Теперь есть нечто, что я нашел, что мною обладает.

Похоже, будто я спал, и меня отнесли в другую комнату, проснулся и увидел, что я уже в другом месте, где закрыты окна и двери, понял, что сижу взаперти. Такое происходит на самом деле: ты чувствуешь свое бессилие. Чувствуешь, что возвеличен. Чувствуешь свою совершенную

ничтожность, слабость и неготовность к действию. Единственное, чем ты можешь жить, – это милость Божия.

6

Первое, что я ощущаю в этом заточении вечности: я исчезаю, понимаю свое бессилие, но постепенно к нему привыкаю. Как, очутившись в незнакомой комнате, ты сначала теряешься, а потом привыкаешь к новой обстановке: «А меня сюда положили, чтобы я отдохнул... Да, кровать жестковата... Но что же мне делать? Я уже выспался... Стало светло... А вот и иконочка. Это же Господь – Господи, Иисусе Христе, слава Тебе! Ты здесь». И ты чувствуешь, что ты здесь не один, но с Господом.

Так, будучи заключенным в вечности, ты постепенно осознаешь общение, происходящее между Богом, Святым Духом и тобой. Ты начинаешь понимать, что ты не заключен, но освобожден Христом. Он Тот, Кого ты полюбил, Кого ты искал. И, следовательно, к Нему ты обращаешься и с Ним общаешься. Он всегда перед тобой и с тобой. Он Творец мира, Который может одним лишь движением брови выгнать меня вон. Он Тот, Кого я полюбил и Кому стал попутчиком. Он – мой Создатель, Все чрез Него начало быть (Ин.1:3).

Я открываю Бога, Христа воплощенного, вижу Того, Кто некогда избрал меня. Немного привыкнув, я могу обращаться к Нему и с Ним беседовать. Он одновременно и мой Господь, и во мне пребывает. Я начинаю постигать свою связь с Богом и собственное обожение, своего Творца и сотворенное Им во мне. Того, Кто сейчас родился в моей плоти. Я узнаю своего Судью и Господа, Того, Кто заставляет биться мое сердце и работать мой мозг, Того, Кто содержит все Своей мышцей. Я постигаю, насколько моя жизнь сплетена с Ним. Этим общением со Христом и во Христе я открываю для себя рай.

Я начинаю приобретать разного рода знание о рае, о себе самом, о Боге, о Троице, об ангелах. Знание духовное и нематериальное, до того бывшее непостижимым и неведомым знание Священного Писания. Тебе кажется, что читал уже Священное Писание многожды, но на самом деле каждый раз читаешь его как будто впервые. Ибо открывается знание, с одной стороны, моим усилием, а с другой, действием Божественного произволения в моей жизни. Оно приходит через усердные занятия, искания, послушание, пост, имеющий здесь очень важное значение, но главное, через вмешательство Бога.

Понемногу это знание, которое отныне мне доставляет радость, заставляет меня сказать: «Слава Тебе, Боже, за то, что я ничего не

понимаю». И тогда я начинаю открывать знание Бога как ребенок. Со мной говорит Христос, говорит о Себе, о Своем Отце. Я начинаю понимать, что есть Святая Троица, потому что все это предстоит перед моим мысленным взором. Я нахожусь как бы внутри, в облаке, и гляжу на мир изнутри. Я приобретаю непосредственное знание, личное и внутреннее. И Господь милосерден ко мне так, будто бы я и не грешил никогда и не огорчал Его, словно я – не смертный червь земли. Он меня приближает к Себе, усыновляет меня, заботится обо мне, как будто я Его единственный бесценный сын; и я живу Его любовью. Господь открывает мне глаза, говорит мне: «Открой глаза, посмотри на Меня» – и, смотря на Него, я получаю столько откровений.

Итак, я приобрел знания. Их множество становится одним знанием, а потом и откровением, которое наполняет мою жизнь.

Я насквозь проникаюсь им и начинаю излучать Бога, Которого я воспринял и впитал в себя сейчас так же, как Он раньше впитал меня. Все это происходит, как вы понимаете, только благодаря благодати и силе Бога.

Престол Божий¹⁶

Благодать Божия привела нас к самой сердцевине церковного года, к Триоди постной, в которой последовательно и постепенно раскрываются перед нами Небесные горизонты покаяния. Позавчера мы вступили в подготовительный к Святой Четыредесятнице период. Он дарует нам возможность настроиться на плодотворное проведение следующего за ним этапа – Великого поста. А он, в свою очередь, готовит нас к Страстной седмице: к погребению со Христом и к встрече грядущего торжества со всеми святыми и всем миром – Воскресения Христова и нашего собственного духовного пробуждения.

Тот, кто осознанно погружается в праздничный цикл Церкви в дни, подготовительные к Святой Четыредесятнице, тот уже сейчас в своей душе непременно воспоет то, что через две недели мы все услышим в евангельском чтении: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому (Ин. 1:51). Пусть эти слова послужат основанием нашей сегодняшней беседы.

Если мы станем внимательно следить за чтениями из книг Священного Евангелия, то увидим, что каждое воскресенье показывает нам жизнь Сына Божия с разных сторон. Притчи Недели о мытаре и фарисее, что мы пережили позавчера, и наступающей – о блудном сыне – готовят нас к лицемерию смирения Сына Божия и Его отеческих объятий. Это один из способов, которым Бог открывает Себя для нашего познания.

Впоследствии, в Неделю о Страшном Суде, Сын Человеческий предстанет перед нами как Царь, восседающий в Своей славе на троне. И последнее перед Великим постом сыропустное воскресенье повествует нам о новой жизни во Христе через Причащение Ему.

Вы видите, что Господь царствует повсюду в эти дни. Трагедия всякого верующего человека заключается в том, что реально увидеть Господа страждущего он не может, хотя и говорят о Нем. Мы ищем Господа в своих молитвах. Каждый сообразно собственным силам старается всем сердцем и разумом узреть Бога, однако часто приходит к выводу: Искала его и не нашла Его, звала Его, и не услышал меня (Песн. 3:1). Стрдание и слезы нашего сердца происходят от того, что мы обычно не замечаем Бога в молитвах и годами твердим: «Бог меня не слышит».

Что же нам делать? Один поднимается со своего места и зовет Бога, другой бежит в церковь, но каждый ищет способ умиливать Господа и сообщить Ему о своем присутствии. Кто испытывает удовлетворение, если не имеет возможности видеть и лучше узнавать своего возлюбленного? Кто женится на девушке, прежде не узнав ее хорошо? Как сердцу человека соединиться со Христом, Которого оно нигде не различает?

Поэтому мы произносим в своем сердце подобно невесте из Песни Песней: Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать Того, Которого любит душа моя (Песн. 3:2). Конечно, мы знаем, что Господь – внутри каждого из нас, что Он – повсюду. Но мы не видим Его и не слышим. Как же можно так жить, не имея ни глаз, ни ушей?

Естественно, мы знаем, что никому не было дано узреть Бога в Его истинной Божественной природе, ибо от этого человек мог бы просто погибнуть. Мы знаем, что Бог непостижим и превосходит все Своей природой. Он единственный, Кто по Своей природе не есть то, чем является все остальное. Однако, возлюбленные мои, Небеса Священного Писания полны свидетельств и знаков присутствия Бога среди людей.

Давайте обратимся к тексту Священного Писания, чтобы узнать, как там представлен Господь. Пророк Осия говорит: Я... умножал видения и чрез пророков употреблял притчи (Ос. 12:10). Это глас Самого Бога: «Я являлся во многих видениях, давая познать Себя пророкам, Я говорил притчами. Как подобие Божества и как подобие человека, Я предстал перед их взорами. Они увидели Меня и познали. Они передают вам то, перед чем сами пали ниц». Я открывался много раз, говорит Господь, и, невидимый, делался видимым Своему народу через пророков, через Свое явление, через символы.

То есть Бог, не покидая Своей непостижимой сущности,

видоизменялся, снисходил до нашего бессилия посредством понятных нам образов, чтобы возвеличить нас в познании Его Божества и дать нам почувствовать, что мы на самом деле лицезрели невидимого Бога.

Давайте посмотрим, как представлен Бог в Священном Писании (у пророков), как Он, недостижимый и непостижимый, становится осязаемым не только рядом с нами, но и внутри нас.

Престол

Возлюбленные мои, давайте посмотрим на образ Бога Царя, восседающего на Своем троне. Такой образ мы встречаем в евангельском чтении Недели о Страшном Суде (Мф. 25:31–46), то есть в повествовании о Втором Пришествии: Господь спускается на Престол славы, где восседает Сам Христос. Сколько раз мы читали этот отрывок! Но для того, чтобы понять, что значат слова: «на Престол славы», необходимо увидеть, что окружает этот Престол.

Итак, взглянем на Престол более пристально. Посмотрим на Господа и Бога нашего, на нашего Царя и Владыку. Ибо только Он Сам может убедить нас в том, что Он стоит перед нами и обитает в нас самих.

Характерны два образа, два видения пророкам – Исае (Ис. 6:1–8) и Иезекиилю (Иез. 1:1 и далее), каждое из которых стало своего рода признанием их пророческого достоинства. Они дважды испытали чудо богоявления и видели Престол Божественной славы, на котором восседал Господь. И как мы уже сказали, в результате этих явлений Бога народу Божиему были даны два главных пророка, видевших Господа: Иезекииль и Исаия.

Удостоился подобного видения и Даниил (Дан. 7:9–10), и пророк Михей (3Цар. 22:19). А святой Иоанн Богослов в своем Откровении (Откр. 4:2–6) подытожил увиденное всеми пророками, рассказав о Боге, Который пришел в мир и отдал Себя людским сердцам.

Возлюбленные мои чада, величествен Господь, спускающийся на Престоле на землю. Еще более удивительный образ мы находим в семнадцатом псалме Псалтири, который я очень советую вам прочесть. Я не буду его здесь анализировать, но просто выделю некоторые моменты.

Начну со слов Исаии. Они настолько известны, что мне достаточно будет просто вам их напомнить: Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном (Ис. 6:1). Давайте вдумаемся в эти слова. Они – чудо. Они исходят из Самого Божества и показывают, где и каким образом Бог обретается в нас. Если мы осознаем это, то тотчас же начнем

понимать, что Бог там же, где и мы сами. Он денно и ночью пребывает с нами, и куда бы мы ни пошли, то повсюду отыщем Бога.

То же сказано и у Иезекииля: отверзлись небеса – и я видел видения Божии (Иез. 1:1). То есть, я видел Бога во многих образах, во многих изображениях, я видел Бога, тысячами способов являющим Себя моему взору, чтобы, осознав, мог поведать о Нем своему народу.

Вспомните храм Соломона. Он поднимался над землей на шесть ступеней, но, несмотря на это, трон в нем был установлен на возвышении, то есть находился над уровнем земли выше, чем на шесть ступеней (3Цар. 10:19–20). Поэтому пророк и говорит, по аналогии со словами святого Исайи, что Престол Господа «высокий и превознесенный», то есть что он так высок, словно висит на небесах.

Вокруг Престола с двух сторон стоят по двенадцать львов. Львы – символы абсолютной власти и могущества. Двенадцать львов – совершенное число, показывающее, что нет ничего сильнее Бога. А Престол, «высокий и превознесенный», есть свидетельство о том, что Бог выше Небес. Ведь Престол возвышается над землей, а земля есть небо, в котором появляется видение, в невидимом, еще не познанном мире, совершенно отличном от того, что в состоянии воспринять человеческий разум.

Итак, Бог пребывает над всем. Его трон – это царский трон, символ самодержавной власти. Он на Небесах один, и нет другого, равного Ему. Он возвышается над миром и над Небом. Зачем Бог дарует нам такое видение? Чтобы показать недостижимость не только Бога, Который – над всем (как постижимым, так и непостижимым), но и Его Престола.

Неведом, невидим, недостижим не только Бог, но и Его Престол, Его огненный Божественный трон, превосходящий всякое понимание. Не то что Престол, но даже и стасидий¹⁷ Бога непостижим и неизъясним¹⁸. Царь – вне мира, но раз Он Царь, восседающий на троне, то значит Он – Владыка, и у него есть подчиненные.

Следовательно, Господь, как невидимый правитель, соединяется, сливается с людьми, с их мыслями, проблемами, правдами и неправдами, сердцами, которые любят Его. Бог огромен, но Он уменьшается, чтобы люди смогли Его возлюбить. Господь взирает на мир сверху, но не возносится над ним, а, как мы уже сказали в евангельских чтениях этих двух недель, умягчает Себя, чтобы стать единым с человеком.

Вы увидели, какими особенными свойствами наделен Бог. Он ограничивает в Себе безграничное, чтобы так преподнести его нам. Для нас Он невозможное делает возможным, чтобы мы смогли принять Его и

по мере своих сил ощутить внутри себя.

Он – на высоком Престоле, дабы показать, что у Него нет врагов, а значит, и не существует иного победителя, кроме Него Самого. Он одержал победу над всеми врагами и владычествует безо всякой суеты и гибельных влечений – без того, что так мучает нас и заставляет забывать о Боге.

Вот таков Господь. Он высоко, но вместе с тем Он с нами и в нас, мы вмещаем Его, и Он охватывает нас. Его Престол Иезекииль называет подобием престола (Иез. 1:26). А Даниил говорит: Престол Его – как пламя огня (Дан. 7:9). Почему «подобие престола»? Почему как свет, «как огонь»? Для того чтобы показать, что не существует ничего схожего с Ним, что Престол Бога уникален. И, следовательно, Престол и Бог имеют общую нерукотворную, Божественную природу. Они не есть нечто физическое, но духовное, Небесное, невыразимое.

И поэтому для обретения Бога нам необходимо узнать, как Он движется, как говорит, как выражает Себя через символы, через Престол, через что-либо иное с тем, чтобы понять Его и познать.

В Откровении сказано: И вот, престол стоял на небе (Откр. 4:2). Какие дивные слова! Святой Иоанн своими глазами видел это зрелище и убежденно рассказывал о нем, чтобы смогли и мы поверить в то, что это правда. Он не говорит, что где-то там, наверху, есть Престол, но: «и вот», говорит, «вот здесь – Престол. Он стоит на Небе». А поскольку Престол не имеет предела, ибо составлен из надмирных элементов, то способен находиться одновременно и на Небе, и посреди нас. В другом месте Откровения сказано, что он поставлен в центре Горнего Иерусалима. То есть Престол возвышается в самой Церкви, и только в ней возможно обрести Бога.

Из других повествований Священного Писания очевидно, что когда речь идет о Небесах, подразумевается Престол, и наоборот, когда говорится о Престоле, подразумеваются Небеса, чтобы, глядя в Небо, мы знали, что это рубашка, покрывающая Бога. Пророк Исайя называет землю подножием (Ис. 66:1; Деян. 7:49; Мф. 5:35). И другие пророки говорят так, чтобы напомнить нам, «подножию», что вездесущий и великий (Он настолько велик, что не имеет ни сравнительной, ни превосходной степени). Бог непременно ходит по земле, по-другому и быть не может. Следовательно, куда бы я ни направил свои стопы, то не должен забывать, что там же ступала нога Господа.

Возлюбленные мои, вы понимаете, что это значит? Когда мне говорят, что где-то идет ток, я понимаю, что если я стану там, то ток меня ударит.

Теперь меня предупреждают: «Здесь подножие», и я понимаю, что куда бы я ни пошел, туда отправится и Бог. И поскольку мы шествуем синхронно, то мы оба существуем в единый момент в едином месте. Таким образом, Небо становится удивительным образом зримым для наших душ. А знакомая нам земля превращается в поле, в сад, по которому ходит наш Бог.

Затем давайте разберемся: каков Престол Бога? Как пророки, так и святой Иоанн Златоуст называют херувимов Престолом Господа. «Иже на Престоле херувимсте носимый»,¹⁹ – говорим мы во время Божественной литургии, и это значит, что херувимы никогда не покидают Господа. Кто такие эти херувимы? Это горние, бесплотные и непостижимые существа, которые указывают на существование Бога.

Следовательно, где херувимы, там и Бог, а где Бог, там и херувимы. И мы знаем, что творение Божие наполнено херувимами, они повсюду, и следовательно, повсюду и Христос. Неким непостижимым для человека образом Бог нераздельно разделяется там, где есть херувимы.

Херувимский Престол окружает чин серафимов. Существование серафимов обозначает нечто иное. Они образуют кольцо вокруг Престола. Херувимы являются тронем, а серафимы, заключив его со всех сторон, возглашают: Свят, Свят, Свят (Ис. 6:3).

Итак, что нам показывают серафимы? Что Бог есть огонь. А как понимать эти слова? Серафимы – это Божественная энергия. Благодаря серафимам, которые неизменно находятся вокруг Него, Господь неким непостижимым для нас способом преодолевает Себя и распространяется посредством нетварных энергий, заполняет Собой весь мир, доходит до каждого человека и наполняет его Божеством. Итак, вы видите, что херувимы указывают на присутствие Бога, а серафимы приближают Бога к человеку, открывая ему величину Господа и возможность Его вхождения в каждого из нас.

Возлюбленные мои, на троне восседает Господь. Восседает ли? Или поднимается? Не восседает и не поднимается. Но всем Своим видом, спокойным и невозмутимым, как мы привыкли видеть на иконах, внушает: «Не беспокойся, Я вечный и единственный. Посмотри, как твердо, свободно и просто Я восседаю на Престоле, тихо и покойно, с желанием тебя выслушать. Я никуда не тороплюсь, не устаю, не ухожу, не возмущаюсь. Я здесь и жду тебя, дитя Мое».

Таким образом, Господь выказывает готовность обратиться к нам, лишь только мы Его призовем. Итак, трон является символом того, что Бог принадлежит и мне, и тебе. Он стоит вот здесь, весь в нашем

распоряжении. И Он пребудет с нами до тех пор, пока есть херувимы. Он не перестанет приходить к нам на помощь, пока существуют серафимы. А последние вечны.

Нам нельзя также забывать, что наш Бог есть праведный Судия, Который нас предупреждает: «Делай в жизни все, что хочешь, Я не покушаюсь на твою свободу, Я не собираюсь хватать тебя за горло и приказывать тебе: «Делай так и вот так». Но помни, Я – Судия, и однажды безо всякой спешки настанет час Мне выслушать все твои оправдания». Это значит, что Христос придет «судить живых и мертвых», о чем мы услышим в Неделю о Страшном Суде.

Столь величественно и царственно явление Господа! На Его лице начертана праведность. Незыблемость Престола Господня говорит нам о том, что мы никогда Его не потеряем. Бог – Судия, притом Судия праведный. Дивно говорит Псалмопевец Давид: Правда и судьба уготовление Престола Твоего (Пс. 88:15), правда и судьба исправление Престола Его (Пс. 96:2), милость и истина предъидет пред лицом Твоим (Пс. 88:15).

Возлюбленные мои, обратите особое внимание на эти слова, потому что в них заложен чудесный смысл: «милость и истина предъидет». Это значит, что Престол, Сам Господь есть справедливость, но ее Он сохраняет в Своем покое, а то, что Он постоянно посылает в мир, то, что подготавливает наши сердца, освещает их, ласкает, делает сильными и благословляет, – это милость Его и истина. Значит, Господь ждет нас не только для того, чтобы судить, но и чтобы явить нам Свою отеческую любовь, распахнуть Свои объятия, проявить Свои чувства тысячью разных способов. Каждый день Он посылает нам вестников Своей любви: и милость Твоя поженет мя (Пс. 22:6), говорим мы. Где бы мы ни находились, что бы мы ни делали, и когда спим или бодрствуем, грешим, думаем, размышляем – всегда ежеминутно Господь оказывает нам Свою милость.

Посмотрите, сколькими смыслами окружен Престол Бога, Престол, который и есть Сам Бог! В конце жизненного пути нас ожидает последний и решающий суд. Когда это произойдет? Тогда, когда милость и благодать Бога размягчат наши сердца, взволнуют наши души и научат иметь в своем помышлении только Божественное.

Итак, на примерах мы представили себе Второе Пришествие. Мы видим это так же ясно, как будто на иконе. Есть Престол, но Христа там нет. Престол пуст или на нем лежит одно лишь Евангелие. Посмотрите на любовь Бога, которая все разъясняет. На Престоле – там, где нас будут

судить, – нет Христа, словно Он хочет этим сказать: «Я еще не судия, пока Я брожу по улицам, живу в ваших домах и сердцах. И жду, когда придет тот страшный час».

Все эти образы взаимно дополняют друг друга и заставляют нас всегда памятовать о Господе. Да, мы не видим Бога, не слышим Его, но знаем, что каждый день и час Он – во всем. Престол – в ожидании, когда вся Небесная книга будет заполнена именами, когда впишут и наши имена, а уже после этого наступит Второе Пришествие.

Поэтому сказано, что Суд дано вершить Христу, потому что Он есть Сын Человеческий (Ин. 5:27). Почему Отец не взялся за дело суда Сам, а передал Сыну? Потому что Христос – Сын Человеческий. Он – Сын не только Бога, но и человека. Он понял нас, почувствовал, страдал вместе с нами, плакал, горевал, голодал, претерпел все, что претерпеваем и мы, поэтому именно Он ждет нас на Страшном Суде и именно Он будет нас судить.

Какой великой радостью наполняются наши сердца, когда мы чувствуем заботу Господа о нас! Это даже не забота, а плоды терпеливой любви. При желании Бог поднимается с Престола, наклоняет Небеса и спускается, чтобы стать ближе к нам. Попечение о нас – это Его дело.

ч

Но кто же восседает на Престоле? Конечно же, Бог, Господь – ветхий днями (Дан. 7:9, 14 и 22), подобие четырех животных (Иез. 1:5), а с Ним Христос. Обратите на это внимание. Престол принадлежит Господу, но Бог Отец посадил на него и Сына, а Сын, не заменяя Отца, разделяет с ним власть. Отец и Сын вместе, ибо Они – одно Божество.

Я сел, – говорит Христос в Откровении, – с Отцом Моим на престоле Его (Откр. 3:21). Почему Сын сел вместе с Отцом? Потому что, как мы уже говорили, Бог доверил Сыну суд, ибо Тот стал Сыном Человеческим. Но и Сын, памятуя о том, что Отец послал Его пострадать за нас из-за Своей отеческой любви, говорит: «Сядь и Ты, Отче вечный, Отец Мой истинный, будь судиею со Мной». Посмотрите, как Они объединяются ради нас.

Итак, Престол – и Господа, и Агнца закланного (Откр. 22:1, 3, 5, 12). Христос сидит справа от Отца, как человек, как «подобие человека». Почему же пророки возвещали, что Мессия воссядет словно подобие человека (Иез. 1:5)? Потому что этим хотели показать, что на Престоле сопребудут не только Отец, Сын и Святой Дух, а вместе с Ними и наша человеческая природа.

Бог даровал человеку не только небо и землю, но и усадил его рядом с Собой на Престоле. «Подобие человека», Христос, занял Престол, чтобы

сделать его доступным и для человека, человеческой природы, принятой Им на Себя.

Таким образом, человеческая природа стала причастной Небесному Престолу и власти Бога. Престол Твой, Боже, в век века (Пс. 44:7). И мы должны сесть на него вместе с Богом. Он избрал нас, чтобы по Своей милости сделать богами и царями.

Первой на Престол вошла Богородица, «одушевленный Престол Бога», огневидный Престол Бога, херувимский Его Престол, «ширшая Небес»! Видели ли вы на иконах, как просторно на нем Она восседает, показывая, как воссядем и мы на Престоле Отца и Сына.

В лице Богородицы Престол заняло и все человечество наравне со Христом. То есть по действию благодати мы с вами и Христос стали равны перед Небесным Отцом нашим. Вы понимаете смысл этих символов? Какой чести удостоил нас Господь! Я грешник, мы со Христом едины, мы равноценны, мы равны пред Богом Отцом.

Таков, мои возлюбленные, зов Небес! Я сам, восседая со Христом, становлюсь Престолом Христа. Поэтому в Откровении сказано: Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем (Откр. 3:21). Вместе со Мной, на Моем Престоле, мы будем словно одно целое. Получается, что Престол – это картина не только славы Господа, но и нашей с вами славы. Размышляя о славе Христа, давайте вспомним и о той, что уготовал нам Бог.

Там, наверху, поставлены двенадцать престолов для апостолов (Мф. 19:28). И еще двадцать четыре – для старцев Апокалипсиса (Откр. 4:4).

И вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесать... стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих (Откр. 7:9).

Неисчислимы множества составим мы со Христом: Он – посреди нас, и в руки мы возьмем пальмовые ветви победы. Так давайте искать Господа, и Он чаще будет открываться нашему взору!

Возлюбленные мои, вообразима ли картина, прекраснее этой – триумфального шествия Христа? Возможен ли образ радостнее, чем образ нашей победы? Поэтому в Откровении сказано: Будет пасти их и водить их... и отрет Бог всякую слезу с очей их (Откр. 7:17). Да, мы говорим о Престоле, но не станем забывать о том, что существует не только Престол, но и эта повседневная проза жизни. И сколь велика бы она ни была, она сотворена для нас с вами. Христос пасет нас, Он ведет нас по земному миру. Поэтому мы вместе с Ним.

Есть ли в мире человек, не испытавший страданий! Бог способен

отереть все наши слезы. Что для Него наши проблемы, если Он есть Тот, Кто ведет нас по жизни! Что станет с нашими страданиями и грехами, когда мы предстанем пред лицом милости Божией? Господь одержит над нами верх, что известно каждому человеку с церковным сознанием и как сказано в Священном Писании.

Нам в Церкви явлена Божия милость, способная покрыть все это. Так пребудем же в бдении, которое поможет преодолеть все препятствия, и пусть наше сердце принадлежит единственно Христу! Оставим суетность и уныние! Перед нашим взором Господь!

Вот таков Престол!

Двор

Давайте оглядимся по сторонам, посмотрим, что есть вокруг Престола. Обратим свой взгляд на двор. Какой царь не имеет двора?

Его главную часть, мы уже об этом говорили, составляют серафимы, крылья которых издают великий шум. Как сказано в книгах Священного Писания, он подобен шуму вод многих (Иез. 1:24).

Почему же крылья серафимов издают такой шум? Вспомните наше предыдущее размышление: серафимы показывают, что Бог всегда с нами и что Он спускается к нам. Следовательно, этот великий шум свидетельствует о том, что Господь не ведает отдыха: Он встает с Престола, на херувимской колеснице спускается на землю и проявляет заботу о каждом человеке. Вспомните житие святителя Николая. Именно на Божественной колеснице Он спасал терпящего кораблекрушение или потерявшегося в горных ущельях. Шум крыльев серафимов есть свидетельство тому, что нет такого мгновения, когда бы Господь не спешил нам на помощь.

Весь Престол наполнен светом и похож на небесную раду (у) (Иез. 1:4). Перед ним – огненная река Бога (Дан. 7:10) и море стеклянное, подобное кристаллу (Откр. 4:6). Это символы того спокойствия, каким должны обладать наши души. А слова река воды жизни (Откр. 22:1) есть знак того, что лишь произнесем мы: «Господи, помилуй мя», тотчас эта «вода жизни» будет дана нам.

Семь светильников (Откр. 4:5) – это семь духов Христа. Молнии, и громы, и гласы (Откр. 4:5) показывают, что всемилостивейший Христос является Царем. Тысячи тысяч ангелов (Иез. 7:10) стоят наготове служить нам. Все во дворе Господа светится великим светом. Херувимы – это основа колесницы Божией, основа Престола (Ис. 37:16), они показывают, что Бог действительно есть.

Что бы ни делал Господь и куда бы Он ни направлялся, Он всегда

возвратится на Свой Престол, словно говоря нам: «Не бойтесь, Я здесь, Я снова взойду на Престол, Я слежу за вами и люблю вас».

Возлюбленные мои, говоря о Престоле и о дворе Царя, не забудем и о единственном и живом их подобии на земле.

Незрима слава Божия. И поскольку она невидима, Бог явился во плоти (1Тим. 3:16), чтобы мы смогли почувствовать славу Бога в своей собственной плоти через подобию, образы и символы.

Величайшее отражение Горнего двора Господня есть ежедневная литургия, совершаемая в храме. Мы говорим о дворе Христа, но это и богослужебный наш двор, некая живая и осязаемая картина славы Бога, Который присутствует на литургии. Здесь, на земле, Он становится нашей жизнью, хлебом, светом, рекой жизни, гласом хлябей (Пс. 41:8), как и там, на Небесах. Он сделался для всех всем (1Кор. 9:22). Наша литургия – это сошествие на землю Горнего Иерусалима. Нет необходимости искать его на Небесах. Тот, Кто восседает на Небесном Престоле, находится здесь, с херувимами, с огнем и светом.

Поэтому, возлюбленные мои, в древности епископский трон сооружался в алтаре, и таким образом вся литургия проходила перед ним, ибо епископ есть точное изображение Христа²⁰.

Итак, Господь дал нам все. Двор на Небесах и двор на земле. Господь опустил нам Небесный Престол, чтобы мы могли служить возле него и уже здесь, на земле, быть оправданными. Он сделал Свой Престол осязаемым и доступным для людей. Святой престол в алтаре есть истинный Престол Христа. Иконы, лампы, священнические возгласы, псалмопение – отнюдь не условность, но богоносное служение Царю.

Когда ты видишь подсвечник или лампаду при пении псалмов, знай, что во всем этом есть Бог, что все это создал Бог. У иудеев не возникало сомнения, что во Святая святых пребывает Бог, и поэтому денно и ночью два херувима склонялись над ковчегом (Исх. 25:19; 3Цар. 8:7). Так подобает и нам оберегать святыню, раз мы не сомневаемся в присутствии Бога.

Стоит задуматься о том, что в Церкви все Божественно, а это значит, что и каждый христианин Божественен по милости и благословию Божию, которое, напитав все здание Церкви, посещает каждую плоть. Милость снисходит на нас, сынов человеческих, и делает нас сынами Бога, а Христос, Сын Божий, напоминает нам о том, что Он – Сын Человеческий.

Престол Соломона, о котором мы уже говорили, «высокий и превознесенный», был изготовлен из позолоченной слоновой кости. Но и

мы, будучи Божественными, являемся Престолом Бога. Поэтому и мы должны быть чистыми и нетленными, словно из слоновой кости, иметь позолоту из молитвы, действия, боговидения, помазания Божественным сиянием. Ибо невозможно, возлюбленные мои, для нас покинуть колесницу и Престол Бога.

Посмотрите, что пишет Иезекииль о херувимах, поднимающих Престол. Благодаря им летает колесница Бога. Херувимы, соединенные между собой, поддерживают Престол, являясь его основанием и подножием: И легкие крылья их, и руки человеческие были под крыльями их, на четырех сторонах их (Иез. 1:7–8). Что же это означает? Христос наверху, Престол чуть ниже, херувимы еще ниже. Они возносят эту Небесную славу. А под херувимами – рука человека.

Пророк Иезекииль хочет донести до нас, что херувимы человекоподобны и, следовательно, имеют такие же, как и у людей, руки. Он говорит об этом, конечно, не прямо, а косвенно: «Под колесницей и под быстрыми крыльями, чтобы Господь присутствовал повсюду, есть рука человека». Но как это возможно? Задумаемся над смыслом. Человек не может не быть там, где есть херувимы, там, где парит Сам Христос!

Значит, где Христос, там херувимы, а внизу и мы с вами. Бог не мыслит Себя без нас. Как же мы можем представить свою жизнь без Него?! Она невообразима!

Столь величественно явление Господа! Теперь мы разобрали его последнее значение. Где Бог, там, внизу, и мы, люди. Там, где херувимы и серафимы, там находимся и мы.

Поэтому, возлюбленные мои, давайте обращать свой взор хотя бы на миг на Небеса и наблюдать за тем, как Бог спускается к нам. Это необходимо делать ежедневно. Давайте увидим, как Он незримо сходит на землю, именно так, как Он Сам рассказал нам об этом в книгах Священного Писания. А Он есть истина.

Внегда скорбети ми, призвах Господа (Пс. 17:7). Как часто и мы призываем Бога: и к Богу моему воззвах (Пс. 17:7). Сколько раз и мы взываем к Нему! И Он услыша от храма святого Своего глас мой (Пс. 17:7) – услышал там, в Небесном Своем храме. Конечно, псалмопевец еще не понимал в полноте всех тех тайн, о которых мы сегодня говорили. Он увидел Бога на Небе и сказал: И вопль мой пред Ним внидет во уши Его... и приклони Небеса, и сниде (Пс. 17:7, 10). Ради кого? Ради меня! Небеса перевернулись. Ради кого? Лишь ради одной воззавшей души. И подвижеся, и трепетна бысть земля (Пс. 17:8), даже основания гор стали огненными от страха. Заблистали молнии и возгремели громы, ибо сошел

Бог: и взыде на херувимы (Пс.17:11), чтобы показать, как Господь торопится к человеку. А чтобы тот не испугался, Он положи тму закрое Свой (Пс.17:12). Спускаясь на землю, Господь вошел в черное облако, по словам псалмопевца, чтобы тот не погиб от ужаса. Бог спрятал Себя в нем и сделался невидимым, потому что увидеть Бога смертельно. Как молниеносно Он передвигается, сколь Он истинен и как скрывает Свое величие от нас, чтобы избавить нас от всякого страдания!

Облака, видя Его приближение, рассеялись, исчезли, чтобы смог Христос приблизиться ко мне, к моему сердцу, взывающему к Нему. И Господь не оставил меня: и возгреме с небесе Господь (Пс. 17:14) и сошел ко мне.

Вслушайтесь в поэзию этих слов. Бог низпосла с высоты и прият мя, восприят мя от вод многих (Пс. 17:17). Он пришел с высоты, ибо я упал в воды многих страданий, несчастья, греха. Со Своего Престола Он подал мне руку и взял меня, поднял и спас. Не это ли самое что ни на есть явное доказательство ежесекундного присутствия Бога в нашей жизни?

Таков, возлюбленные мои, Престол Господа, Который повсюду, но прежде всего в нас с вами. Бог сделал людей Своим Престолом для того, чтобы мы не знали разлуки с Ним.

Наставление о молитве

Сегодня мы поговорим об одной важной стороне духовной жизни, к которой нас подводит Постная Триодь, особенно же ее начало, – о молитве.

Да знаем ли мы, что такое молитва, и умеем ли мы молиться? С детских лет нас учили молиться, но идет ли наше моление по правильной дороге? Молитва – это путь души к Богу, она имеет своей целью достижение Его и соединение с Ним. Если маршрут выбран неверно, то автомобиль, или судно, или любое средство передвижения никогда не придет к пункту своего назначения. Если наша душа во время молитвы ступит на витиеватый путь, она никогда не придет к Богу и будет подобна лодочнику, который не занимается ничем другим, кроме гребли, но в результате кружится вокруг одного и того же места. То же можем испытать, сами того не осознавая, и мы. Так давайте разберемся – достигает ли цели наша молитва?

Совершенно очевидно, что не наученный молитве человек по сути дела несчастен. У него нет возможности прожить жизнь полноценно. Даже став монахом, он все равно будет земным, а не Небесным человеком;

более того, он не сможет уподобиться ангелам, не овладев правилами пользования молитвой – этим замечательным средством передвижения и мореплавания по ангельскому миру.

Сколь неизмерима наша беда, и вы это чувствуете, если мы не умеем молиться. Неизмерима! Это наибольшее из всех зол для нас. Его невозможно сравнить с каким-либо другим. Если предположить, что взорвутся звезды и миры между ними, и все, вверху и внизу, обратится в обломки, то эта катастрофа будет меньшей по сравнению с той, которой подвергаемся мы, когда не умеем молиться. Опасность неминуема для нас в случае такого духовного невежества.

Что такое молитва? Это колесница души, сказали мы; давайте скажем еще и так: это то состояние, в котором пребывает душа. Как легкие вдыхают воздух? Точно так же и душа дышит молитвой. Почему мы пришли в монастырь? Потому что здесь царит молитвенная атмосфера и все совершается через молитву. Если же молитва не творится или творится неправильно, то как нам стать людьми духовными? Правильная молитва все приводит в порядок, отгоняет любые трудности, проблемы, мучения, грехи – все улаживает; и еще она способна творить чудеса на нашем пути, в подвиге и в жизни.

Если мы не имеем внутри себя богатств Духа, радости и мира, если у нас нет немедленно осязаемых, явных, великих плодов, то причиной этому наше собственное нежелание этих плодов либо неумение молиться. Вы желаете и не имеете, как дивно сказал брат Христов Иаков, а не имеете, потому что не просите (Иак. 4:2). Дело в том, что мы не просим, а если и просим, то плохо. Вы просите не на добро (Иак. 4:3), продолжает апостол.

Нам, монахам, более, чем другим, свойственно умное делание, Иисусова молитва. С особым усердием творим ее мы в дни Великого поста. Сегодняшняя проповедь имеет вводный характер, поэтому прежде чем углубиться в теорию умного делания, давайте скажем о молитве в целом. Ибо молитва – это все. Коль скоро я не умею молиться, как я уже говорил, то ничего и не делаю; и все заканчивается катастрофически, то есть саморазрушением.

Позвольте мне сказать еще вот о чем. Мне кажется, отцы мои и братья, что мы не молимся истинно, а если молимся, то не в полной мере. Наша молитва бессильна, не вдохновенна, лишена Святого Духа. А только Он, молящийся внутри нас, возводит наши молитвы на Небо. Молитва творится в Духе Святом, Который воспринимает дух человека, соединяясь с ним, а не с бранным телом, привораживаемым и увлекаемым разными преходящими делами. Как часто мы забываем в них о том, что монах

прежде всего молитвенник.

Что же есть истинная молитва? Сегодня мы постараемся объяснить, как она происходит, чтобы приступить к самому деланию. Особенно для тех из нас, кто пришел из Метеор²¹, это имеет большое значение. Ведь мы покинули насиженные места из-за отсутствия условий и возможностей для духовного возрастания, из-за препятствий к молитве. Мы полностью прекращали разговаривать между собой, чтобы преодолеть барьеры, мешавшие умному деланию.

Теперь же на Святой Горе уже ничто не оправдывает наше небрежение к молитве. Наш уход из Метеор потеряет всякий смысл, если мы не посвятим себя умному деланию, а наше прибытие на Афон будет не более, чем лукавством перед Богом. Поэтому я попросил бы отнестись с сугубым вниманием к сегодняшней беседе.

Прежде всего, говоря о молитве, следует отметить, что она никогда не бывает сама по себе. Я не могу сказать, что молюсь, если моя молитва не связана с другими вещами, ей сопутствующими. Ты не можешь отделить одно от другого; например, когда апостол Павел говорит о вере (Рим. 4:3 и далее), то он говорит не только о вере, но и о делах, имея в виду такую веру, которая бывает являема делами. Когда Иаков рассуждает о делах (Иак. 2:14–26), то говорит, что без них вера не имеет никакого значения. Он постоянно рассуждает о делах. Почему? Потому что они являются проявлением веры. Эти две вещи взаимосвязаны.

Так и во многом другом. Молитва соединена с богослужением, и особенно с Божественным Причащением. Без него молитва невозможна. Без него она неполноценна. С другой стороны, посещение богослужения и Божественное Причащение сделаются тщетными без напряженной духовной молитвы – внутренней, сильной, вырывающейся из глубины души – и будут всего лишь метанием грязи в лицо Господа, притворством в любви к Нему. И поскольку мы к Богу никакого отношения иметь не будем, то однажды услышим от Него: Не знаю вас (Мф. 25:12; Лк. 13:25).

Две этих составляющих духовной жизни идут рука об руку. Первая – жизнь в таинствах; вторая – та, что мы анализируем сегодня, корень, ствол, центральная точка мистической жизни, то есть молитва. Божественное Причащение – это главное в богослужении. Почему оно необходимо человеку? Потому что когда «мы молимся», то подразумеваем, что «молимся кому-то», и это заложено в семантике слова²².

Когда мы говорим о внутреннем, умном делании, то называем его не «умной молитвой», но просто «молением». Когда речь идет о «молитве» за

какого-нибудь человека, то к греческому слову «молитва» прибавляется приставка «к, для»²³, и сразу становится ясно, что оно осмысляется как путь по направлению к конкретному лицу с целью соединения с ним. В то время как «моление» – это, если можно так сказать, состояние и получение наслаждения там, где есть Бог.

Молитва, таким образом, является обращением к кому-то. Следовательно, для осуществления молитвы необходимо наличие этого лица. И для того, чтобы я мог сказать, что «молюсь» за него, требуется его реальное, мною ощущаемое присутствие. Христос, Сущий, «иже везде сый», являет Себя в моей жизни через участие в богослужении, и особенно в Божественной Евхаристии.

В церковной богослужебной жизни я соединяюсь со Христом и становлюсь членом Его Тела. Если я, частичка Христа, хочу быть живым Его членом, то мне необходимо причащаться и Христовых свойств для их вмещения и обмена качествами подобно тому, как происходило в двух природах Христа. Это возможно через приобщение Божественным Тайнам, которое делает меня причастным свойств моего Главы – Христа.

Поэтому богослужение и Божественное Причащение неразрывно связаны. Что они нам дают? Помогают почувствовать присутствие Бога. Что Он ждет от нас? Чтобы я говорил с Ним и прямо обращался к Нему, приходящему ко мне. И так через богослужение Он протягивает мне Свою руку, а я через молитву тянусь к Нему до тех пор, пока не произойдет наше полное единение.

Это собственное мое обращение идет по мистическому непрерывному пути и фактически осуществляется, как я уже сказал, благодаря молитве. Совершаемое в церкви на вечерне или на литургии, во время Божественного Причащения, должно подкрепляться молитвой. Я не могу сказать, что «я пойду в церковь и при этом не буду молиться». Не стоит бывать на литургии и бесполезно причащаться, если ты не молишься постоянно; и не поможет усердная молитва, если ты не принимаешь участия во всем том, о чем мы только что сказали.

Молитва имеет свое, совершенно особенное и таинственное место, где она культивируется. Чтобы вырастить цветок, нужно вскопать землю, положить навоз и все необходимое. Если ты забудешь об удобрении или выберешь неподходящую, к примеру, песчаную, почву, то бессмысленно высаживать рассаду. Так и молитва не принесет плода и не поднимется выше твоей головы (а должна превзойти облака и небеса), не обретя своего таинственного места и не подкормленная удобрением бдения, усердия и поста.

Если я сам не совершаю бдений (я не имею в виду бдение в урочные, отведенные под монашеское служение в церкви, часы, ибо это дело особое и относится к богослужению, а не к молитве), то молюсь себе в осуждение. Если я не бодрствую, не соблюдаю непрерывно поста, не усердствую, то есть не делаю того, что заполняет совершенно особое пространство молитвы, то молюсь себе в осуждение. Итак, после этого разъяснения давайте более пристально взглянемся в молитву, предмет нашей беседы, и сделаем шаг вперед.

Что такое молитва? Я не дам вам никакого строгого ее определения. Раскройте святого Иоанна Лествичника или Дамаскина, творения любых Святых отцов. Ни у кого из них вы не найдете идеальной, подходящей для нас формулировки. Но я расскажу вам о том, что такое молитва и как мы ее переживаем в борениях нашей души, то есть не то, что есть молитва в предметном смысле, но что она представляет собой по существу.

Мы уже говорили о том, что молитва – это путь к Богу. Но Бог невидим. Он на Небесах, а я внизу, на земле. Он есть свет, а я тьма. Ты знаешь, как это страшно, если тьма одержит победу над светом! Возможно ли, чтобы мрак уничтожил свет, подобно тому, как свет уничтожает мрак?! В молитве необходимо уничтожить мрак своей души, непременно при содействии Бога, для того, чтобы вступить в Царствие и самим сделаться светом. Знаешь ли ты, что означает для плоти войти в сферу Духа? Для плоти, которая не наследует Царствия Небесного (1Кор. 15:50), войти в Божественное? Осознаешь ли ты, как не вмещае́мый ничем²⁴ Бог может поместиться внутри человеческой души, которая мало того, что невелика, да еще и загрязнена, наполнена страстями, помыслами, желаниями!

Поэтому, начиная молиться, я тотчас ощущаю непреодолимое препятствие, отделяющее меня от Бога, чувствую себя плотью, плотским человеком (я употребляю слово «плоть» в евангельском смысле, а не в том, что у нас нет души), понимаю, что я – плоть, а Он – Дух. В сравнении с трансцендентностью Бога, святостью и сиянием Его славы я сразу же осознаю свое бессилие и вступаю в страшную битву, в состязание, так хорошо описанное в Ветхом Завете в картинах сражения Иакова (Быт. 32:24–30) на знаменитой его лестнице. Я, ничтожный человек, должен покорить Небеса и начать осаду крепостей Господа, завоевать Его расположение и подчинить своему желанию и устремлению, запрятанному в моей душе!

Таким образом, вначале мы переживаем молитву как борьбу. Но обратите внимание, я не имею в виду борьбу с одолевающими мыслями

(что мне тяжело молиться, что я с трудом собираю воедино свои помышления или силюсь победить свой сон или боль в коленях, что у меня начинается чесотка, и я не знаю, что делать, стараясь не чесаться), и не борьбу с голодом, когда мне хочется пойти поесть, но я говорю: «Нет, я продолжаю молиться!». Это просто упражнения для духа, и ничто другое – не о них речь. Я имею в виду борьбу, которую мы ведем не с собой, но ту, что мы ведем с Богом. Я сражаюсь с Богом. Абсолютно точно.

Я начинаю мучительное, быть может, не имеющее конца состязание с Самим Богом. Когда апостол Павел говорил: состязайтесь со мною в молитвах (Рим. 15:30), то имел в виду нечто подобное. Он чувствовал, что борется с Богом – то ли за себя, то ли за церкви, которые взял на себя, и говорил: «Боритесь и вы с Богом молитвами вашими, так, чтобы соединились наши совместные борения. Итак, все вместе станем бороться, чтобы Его победить». Ведь когда мне не удастся одержать над кем-либо верх, я призываю на помощь других.

Таким образом, первым моим переживанием является ощущение непреодолимости препятствия, стоящего передо мной, собственного ничтожества, и, как следствие, осознание трансцендентности Бога и переживание драматической борьбы, которую я веду с Ним. Представьте: некий человек бьет воздух. При отсутствии противника он с легкостью может направить свои удары куда захочет. Когда он дерется с пустотой, то не встречает ни малейшего сопротивления. Однако при наличии противника он мгновенно собирается, его кулаки сжимаются, мышцы напрягаются. Встретив сопротивление, он понимает, что не только он бьет, но и его бьют. Если у меня не возникает ощущения такой борьбы с Богом, то это значит, что я еще даже не приступил к молитве.

Но предположим: мы стали молиться. Я чувствую, что зашел уже далеко, надел боксерские перчатки, и пора начать битву с Ним. Он сопротивляется, борюсь и я, и вопрос теперь в том, победит Он или я. Нет другой возможности, кроме как упасть мне, залитому кровью или одержать над Ним верх и услышать: «Ты победил Меня». Я ведь знаю, что именно это слышали святые, по собственной воле избравшие Его своим Господом.

Если я остановлюсь, то буду сокрушен и навсегда останусь неудачником. Я не смогу сказать, что работаю, живу, молюсь, если не одержу победы в этой брани, а тем более, если даже не приступлю к ней. Но предположим, у меня уже есть подобные ощущения и переживания. Я вышел на поле боя, я вступил в сражение с Богом, во время которого осознал, что веду борьбу не кулаками, не руками, не ногами, но своим

разумом. Брань осуществляется с помощью моего духа, то есть ведется мысленно.

То, что может соединить меня с Богом, – это мой дух, ибо Он плоть (Быт. 6:3), плоть в нашей повседневной жизни. Дух, которому свойственно возноситься, тянуться вверх, устремляться к Духу Святому и соединяться с Ним – только тогда наполнится его ипостась. На земле же его занимает моя воля: ему нужно знать, чем я буду питаться или что напишу в документе, как решу проблему, где прокладывать дороги по Святой Горе, как то, как это... И так мой дух сам уподобляется документу, дороге, воле, чему угодно еще. Он поглощается плотью, моими душевными силами, и я все больше отделяюсь от Бога, Который делается для меня абсолютно неприступным.

Поэтому необходимо возделывать духовные силы, духовную природу моего бытия, дарованного от Бога, должно говорить с Ним, культивировать духовные ощущения, называемые «умными»²⁵, ибо именно они прикасаются к Богу. Ум направляется к Богу, Его достигает и, можно даже сказать, беседует с Ним. Так ум, всецело соединенный с разумом, поворачивает духовное «бытие» моего существования к Богу.

А у меня тотчас складывается ощущение диалога с Ним, вернее крика, ибо я борюсь, но еще не победил. Бог – далеко. Я здесь, а Бог наверху, на Небесах. Я тленный, а Он нетленный. Я – земля, а Он – эфир. Он – Небесное. Я же – иное. Как мне соединиться с Богом, заговорить с Ним? Я не могу Его просто позвать! Поэтому кричу. Когда я не вижу, где собеседник, то выхожу на балкон и зову: «Отец Феоктист!» И если он где-то рядом, то ответит. Услышав его, я обращаюсь к нему со своей просьбой.

Пока мы находимся в таком месте, откуда не видим Бога, не слышим Его, не помышляем о Боге и не узнаем Его. Мы живем в полном невежестве, в совершенном, по сути, забвении. Я не помню Бога и не знаю. Поэтому и кричу Ему постоянно, чтобы Он сжалился надо мною и ответил. Когда Он мне ответит, я смогу вступить в диалог. Так начинается молитва! Теперь мы узнали о переживаниях, которые испытывает человек перед началом молитвы.

Но как вы понимаете, мы еще не начали молиться. Мы переживаем молитву в ее движении; вначале она подобна крику, вырвавшемуся из глубины души. Молиться можно губами, а можно вслух. Иногда молитва происходит между ртом, небом и горлом. А иногда – внутри сердца. Тогда вместо голосовых связок работают сердечные. Не в этом суть, но в том, что молитву мы исторгаем из глубины. Тот, кто вступил в брань, тот поймет это, различит и увидит: когда нужно говорить устами, когда сердцем; в

идеале дух глаголет в сердце. Постепенно душа постигает такое состояние и научается ему. Когда я вижу человека много раз, то уже сам узнаю его. Также и здесь. Двигутся губы или нет, важно только то, чтобы из глубины вырывался крик, подобный громкому гулу, землетрясению, колеблющему Небеса, и в конце концов вынуждающему Бога ответить словами: Что ты вопиешь ко Мне?(Исх. 14:15).

Можно стоять прямо, выказывая свое напряжение, порыв, волнение, готовность. Или преклонить колени в знак смирения и недостойности. Можно упасть ниц от раскаяния в своей прежней суетности, чтобы Господь поскорее сжалился. Или ходить, перебирая четки, молча или разговаривая, стараясь побороть свою слабость и сон. Можно трудиться, чтобы развеять свою бесцельность. Или взбираться на гору и спускаться с нее, переносить камни ради упражнения своей тщедушной плоти (ведь в противном случае, когда дух уже будет готов, плоть по-прежнему останется немощной). Можно заниматься разными вещами, но необходимо ощущать вырывающийся из глубины души крик к Богу. Я много раз повторяю: «Отец Феоктист!.. Отец Феоктист!..» – и только на пятый, десятый, двадцатый раз до него дойдет мой голос, потому что, находясь за какой-нибудь горкой или молясь в тот час, или распевая псалмы, он

не слышит меня.

Мне надо будет разбудить его, как это сделал апостол, который подошел ко Господу со словами: «Господи, Ты спишь? (Мф. 8:24–25), разве Ты не видишь, какая здесь буря?» И поднялся Господь (а ведь Он и не спал) и сказал ему: успокойся; и сказал морю: Умолкни, перестань (Мк. 4:38–39) – и тут же прекратилась буря. Нечто подобное и с молитвой – наши тревожные крики должны быть столь сильными, что вот-вот разорвется от них грудь. Этого хочет от нас Господь.

Но разве и без того не слышит нас Бог, разве Он не знает о всех наших нуждах? Конечно же слышит и знает! Он требует от нас молитвы, во-первых, для того, чтобы мы четко смогли осознать собственные желания, во-вторых, чтобы почувствовали свои беспомощность и потребность в Боге, и, в-третьих, с тем, чтобы научились просить у Бога. Если Он станет давать нам все желаемое немедленно, еще до того, как мы осознанно попросим, то с той же легкостью, с какой мы получили от Него просимое, его и потеряем. Если отец дает тебе миллионы, ты можешь легко выбросить их на ветер. Однако если ты сам прольешь пот, чтобы зарабатывать по пятьдесят драхм в день за свою работу, то поймешь, как экономить, и почувствуешь, чего стоят деньги. Ты не станешь

необдуманно расточать их. Точно так и здесь. Чтобы мы не пускали на ветер благодаяния Бога, Он дает нам почувствовать Его через сильнейшее напряжение и исходящий из глубины души крик.

Итак, во-первых, необходимо переживать молитву как борьбу. Во-вторых, как крик из глубины души, который, как мы уже сказали, у разных людей принимает разную форму. Однако когда мы пойдем вперед, то заметим, что вопль нашей души не доходит до Бога. Он должен измениться, стать безмолвием в пустыне молчания.

Бог есть Бог усердствующих и молчащих; и это мы почувствуем тогда, когда возопим к Нему. Что бы ни говорили о молчании, мы не поймем его значения и смысла, если не пройдем по этим ступеням последовательно. Почему? Что такое безмолвие? Когда ты кричишь, то не слышишь другого; тебе надо замолчать, чтобы различить его голос; или когда вокруг тебя стоит гул, то в нем теряется звук твоего собственного голоса. Надо замолчать всем, замолчать тебе самому, чтобы услышать другого. Это ощущение и эту реальность мы переживаем во время обращения нашей души к Богу.

Итак, молитва, идущая к Богу, есть некое «безмолвие в безмолвии», абсолютное и глубинное. Мне нужно учиться молитве в шуме, через которую я обрету совершенный покой. Каждому необходимо по мере возможности стремиться к абсолютному молчанию ради молитвы. Ведь даже пение птицы и журчание реки или родника, что течет неподалеку, дуновение ветра способно нарушить молитву и бывает громче слова, исходящего из твоих уст. Также нужно научиться и молиться в абсолютной тишине; а для этого великое значение имеет ночь! Итак, я стану молиться среди шума, но буду особо стремиться к молитве в тишине, чтобы иметь возможность разговаривать с Богом. Бог быстрее отвечает тем, кто хранит безмолвие в уединении.

Взывая к Богу, я должен останавливаться. Я непрерывно вдыхаю и выдыхаю, но мгновением сосредоточения и молитвы является средний момент паузы, остановки, промежуточное пространство между вдохом и выдохом. Если я не научусь правильно дышать, то неверной будет и моя жизнь, и молитва, и все остальное. Мне надо научиться схватывать тот промежуточный миг, мгновение слуха, который позволит мне увидеть, что основное в молитве – это отнюдь не мой голос. Если я буду непрерывно взывать ко Господу, то могу заметить, что моя душа делается слушающей, а Бог слышимым.

Я увижу, что важнейшим является следующее: обострение слуха в полной тишине. Итак, мне должно научиться молчать, то есть научиться

слушать, научиться ждать, чаять голоса Божиего. Только посреди молчания я услышу биение моего сердца, но не телесного сердца, ибо я почувствую свой животворящий дух, свое существо, которое есть не что иное, как Святой Дух. Нам все дается Святым Духом.

Если я достигну безмолвия, то смогу понять это дуновение, услышу шелест крыльев Святого Духа, почувствую Его близость, устремлюсь к обретению Его и осознаю, что значит «и не знаем мы, что есть Дух Святой». Я увижу, что на самом деле за столько лет жизни в миру и затем в монастыре так и не пережил ни разу опытно сошествие Святого Духа: Мы даже и не слышали, есть ли Дух Святой (Деян. 19:2).

Мы произносим эти слова, быть может, по своему смирению или по смиреннословию, однако не понимая сути, дорогие мои. Священное Писание есть нечто, что требует вмещения, усвоения. Оно не живет в нас, не проживается нами, ибо наша жизнь внешняя. Сейчас мы беседуем о Святой Троице, и я, к примеру, говорю: «Святая Троица есть Три Лица, есть одна природа, есть то, есть это... Христос был из двух Природ, был одной Ипостасью, был одним Лицом». Что это значит? Мы разумеем это не более, чем понимают и остальные, то есть миряне. Почему? Рассуждать об этом может каждый, но осознать можно только в душе через Дух.

Нам необходимо откровение, подобное дарованному Иоанну Богослову. Предание прекрасно повествует о том, что скала, что находилась посреди пещеры, вмиг раскололась и обратилась в три обломка, которые обновили сознание Иоанна и помогли ему постичь таинство Святой Троицы. Святой Иоанн, тотчас уверившись, написал о Святой Троице. Дивное предание! В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Бог был Словом (Ин. 1:1). Попробуй для начала осознать это (не говорю о том, чтобы пережить!). А вдохнуть в тебя это может один лишь Бог.

Итак, мало-помалу Бог движется в нашей душе и занимает Свое место в нашем существовании; Его шаги и Его голос сливаются с нашими шагами и голосами, и тогда мы становимся единым целым с Богом, воспринимаем Его образ жизни и чувствуем значение присутствия в мире Святого Духа, начинаем стремиться к Его стяжанию. Мы взываем к Нему: «Приди и вселися в ны, Душе Святой, и очисти ны от всякия скверны», ибо наша душа забита изнутри переполняющей ею мерзостью, и мы сами ничего не можем с этим поделать.

Когда, дорогие отцы мои, с вами произойдет это, то есть когда вы ощутите близость Духа и необходимость его присутствия – ведь мы еще не достигли Его стяжания, – тогда увидим, что наше сердце бьется более

интенсивно. Неужели вы не замечали, как учащенно пульсирует сердце от радости или страха, когда нам сообщают о том, что «сейчас придет такой-то», кого мы ждем, или «такой-то», кого мы боимся? Мы чувствуем тайну, беспокойное чаяние, выходящее наружу и осязаемое через «биение сердца». Это и есть суть духовные переживания, которые нельзя описать иначе, как через туманные телесные параллели и иносказания.

Итак, в нас присутствует таинственное, напряженное ожидание. Испытав его, можно двинуться дальше и все более и более наслаждаться безмолвием, тем, что называют предвкушением пришествия Духа и познанием присутствия Бога.

Сосредоточьтесь, чтобы понять то, о чем я говорю. Объяснить это непросто. Нужно устремление души, и тогда будет по слову Господа: Просите, и дано будет вам; стучите, и отворят вам (Мф. 7:7; Лк. 11:9). Как только вы воззовете к Богу, Он придет к вам и объяснит то, чего вы понимаете своим умом. Нет для нас иного учителя, кроме Христа. Господи, научи нас молиться (Лк. 11:1). Всякий, кто берется наставлять другого в молитве, может привести его к единственному умозаключению: «А, он ничего не понимает сам и ничего не знает; пойду-ка я лучше напрямую ко Христу!». Любопытно, кто принимается за подобные рассуждения, есть демагог и обманщик, а его высокоглаголение заставит нас признать некомпетентность человеческого учительствования в этой области и обратиться к Святому Духу: «Святой Дух, научи меня!».

Когда я пойму, что Святой Дух уже недалеко, и я готов принять Его в себя, то произойдет оживление моей души, преображение моей жизни, начнется таинственное, волнительное ожидание, и я стану предвкушать предвестия Его пришествия. Все, о чем я попрошу Его, Он даст мне, и я в этом не сомневаюсь: Все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам (Мк. 11:24).

Поэтому я молчаливо ожидаю дары, которые получу, и так же тихо наслаждаюсь приближением Царствия Небесного. Я знаю, что Бог на Небесах, а я здесь. Я готовлюсь войти в лоно Царствия Небесного, услышать ангельские гласы, звучащие там, в вышине. Постепенно я начинаю осознавать, более или менее, что есть рай и что есть Царствие Небесное. Ибо как молиться мне Богу, обитающему на Небесах, не представляя, где именно, среди чего Он находится.

Итак, я начинаю формировать некое предварительное представление о тайнах Царствия Небесного. Что такое Небо, что за обители там существуют? Что есть «праведное солнце»? Кто такие святые? Как они живут на Небесах? Почему посреди святых – Христос? Что такое, хотя бы

приблизительно, Святая Троица? Ведь я пока еще здесь. Вдали начинают рассеиваться облака, и я вижу! Да, вот – луна. А это, должно быть, созвездие Плеяд, а вон то – звезда.

От постижения этих тайн, постепенно открывающихся передо мною, моя душа делается более горячей. И тогда, мои дорогие, мы переходим на следующий этап духовной жизни, именуемый «наслаждение в молчании», или «безмолвие в наслаждении»; то есть теперь мы испытываем уже нечто иное. Не то безмолвие, о котором говорили раньше, но преимущественно духовное безмолвие, безмолвие моего духа (а прежде было безмолвие моей души).

И вот сейчас, стоя возле врат на Небеса и испытывая сладость, удовольствие, тепло, я безмолвствую, стараясь услышать голос Бога. Молчит мой дух, который скоро воскликнет: Авва, Отче! (Гал. 4:6). Я сам молчу и радуюсь. Ощущаю внутри себя тепло, даже и телесное, пребываю в покое, отдыхаю. Сейчас я расположен к молитве, но молиться не хочу, не дождавшись Его, Бога.

И вот в атмосфере такого духовного молчания начинают различаться дуновения Святого Духа, соединяющего меня с Богом, приводящего человека к соприкосновению с Божественными энергиями и к осознанию Божества. Святой Дух, Который есть Свет, войдя в меня, раскрывает передо мной глубины моего собственного сердца.

Для того, чтобы понять, что есть я, мне прежде всего необходимо понять, что есть Небо. Чтобы осознать то, что является человеческим, нужно сперва приблизиться к тайне Святой Троицы, к особой роли Святого Духа в Ней.

Видите, какое непреодолимое пространство лежит между нами и нашим сердцем! Чем оно заполнено! Какие страсти, какая гниль, грязь – и обо всем этом мы знаем, но при этом каждый из нас считает себя личностью, святым, важной персоной, кем-то, кто может предстать пред Богом и сказать Ему: «Боже мой, Боже мой – я дал Тебе это, я посвятил Тебе, я сделал, я показал...».

Когда приближается Святой Дух, Он снимает покров, мои дорогие, с моей внутренней черноты, греховности, и я открываю истинное свое лицо. Таким образом, вы видите, что дело самопознания есть дело молчания. Святой Дух Своим пришествием словно лучом освящает мое сердце в тот час, когда я Его жду на поле брани плоти и духа, где дух должен одержать победу над плотью. Итак, Святой Дух открывает мне две вещи.

Во-первых, я осознаю, что поле боя находится в моем сердце. И именно сюда должен сойти Бог. Именно здесь мы можем сблизиться,

познакомиться, полюбить друг друга, пообщаться и в конце концов соединиться.

Во-вторых, я понимаю глубину неведения и забвения Бога в своей жизни. Ведь крича и взывая: «Боже мой, Боже мой!» я не к Богу взываю на самом деле, но интересуюсь только собой: я молюсь, потому что так велит поступать Евангелие, потому что этого от меня требует мой старец²⁶, потому что сейчас я имею в этом нужду и в данный момент у меня есть такое желание. Неведение и забвение. Мы так до конца и не понимаем значения этих двух слов. А именно они укоренены в нас и заслоняют от нас Бога. Я Бога не помню и не знаю. Почему? Мои страсти скрывают Его от меня. Мы разделены! После изгнания из рая человек не может вкушать от древа Жизни, объединиться с Богом и вновь обрести жизнь. Ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь (Быт. 2:17) – предупредил Господь. И изгнал человека из рая. Зачем? В тот день, как вы вновь вкусите от древа Жизни, оживете – далее говорит Он. Сейчас рай закрыт, и Царство Божие внутри вас есть (Лк. 17:21). Запертое находится внутри человека. Оно закрыто херувимами. Мое сердце заключено, словно на засов, моими собственными страстями. Это хочет сказать Господь.

Итак, я начинаю понимать, что такое страсти и что я объят ими. Я начинаю понимать, что не знаю Бога!.. Что же такое Бог? Он Тот, о Ком я, вероятно, двадцать лет произносил проповеди с амвона, к Кому взывал посреди Церкви: Боже, будь милостив ко мне (Лк. 18:13). Взывал, перебирая четки: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешного», пожалуй, не зная ни того, что есть Господь Иисус Христос, ни того, какое значение имеют слова: «помилуй мя» и «грешного». Коль скоро я не понимаю смысла всего этого, то зачем и как стану говорить «помилуй мя»? Я не знаю значения этих слов. И поэтому пока не понимаю, что значит «Царствие Небесное», «сердце», «страсть», «Бог входит в нас», и что именно здесь наше поле брани.

Вот теперь-то все начинает становиться на свои места. Раньше я звал тебя: «Отец Феоктист!», теперь же приближаюсь к тебе со словами: «Иди, иди же сюда». Невозможно докричаться, когда ты внизу, а я наверху. Даже если я сорву свой голос, и нас услышат все вокруг. Но обычно, когда я люблю человека, мне хочется побыть с ним наедине, поговорить совершенно просто, сидя рядышком.

Итак, я хочу, чтобы Господь спустился ко мне на поле моей брани. И тут, мои дорогие, наступает один из самых решающих и страшных моментов нашей духовной жизни. Именно тогда становится ясно, сможем ли мы просить Господа и молиться Ему. Это те минуты, когда мы

переживаем драму человека, который говорил: «Уйди, Боже»; и тут же: «Приди, Боже мой». Когда Господь приближался к нему, он воспринимал Его словно палача и говорил: «Уйди, палач мой». А когда Бог собирался уйти, то останавливал Его: «Приди, Друг мой». Суть в том, примем ли мы Бога или Его отвергнем. До этого момента мы купаемся в луже и сами знаем, что не более, чем плещемся. До этого момента мы играем с Богом в игрушки. И вот наступает момент, когда мы должны со всей решимостью дать ответ, принять или отвергнуть Бога.

Раньше мы испытывали ощущение борьбы. Теперь же рождается чувство, что Господь одерживает над нами верх. Мы можем сказать Ему: «Уйди». Но после этого придется признаться себе, определенно и бесповоротно в том, что «ушел мой последний самый надежный товарищ», и другого друга у меня не будет.

Это очень важный момент. Почему? Сейчас мы должны отвергнуть Бога или принять Его с тем, чтобы предать Ему свою жизнь, в которой столько грязного, темного, вероломного, лукавого. И часто мы прячемся за своим эгоизмом от познания себя, от любви Бога к существу каждого человека. Это час пробуждения собственного «я», которое мне трудно принять омерзительно грешным, то есть таким, какое оно есть!

Прекрасно предстоять перед Богом со словами: «Господи, Иисусе Христе, Ты, даровавший мне знание, удостоивший меня стать Твоим тружеником, сделавший меня монахом! Господи, Иисусе Христе...» – это просто. Но вот сесть и сознательно сказать: «Боже, сжался надо мной, грешным!» Сколько раз я способен произнести эти слова? Да и способен ли хоть раз! И зачем мне разрушать свое «я» и созидать его... Но это необходимо: когда ты раскалываешь орех, скорлупа его трескается и рассыпается, а ты собираешь ядрышки. Так должно поступить и со своим сердцем, чтобы достать из него доброе, а мусор выбросить, осознав, что то, что я имею, чем я являюсь, что я любил, к чему стремился, чего искал в своей молитве до сих пор, – все это почитаю за сор, по слову апостола Павла ([Флп. 3:8](#)). И мне необходимо осознать наличие этого мусора в себе и этот сор отвергнуть, чтобы наполниться Богом.

Итак, Бог – здесь, но я теперь осознаю, как в то же время Он далек от меня! Что такое Бог, по моему мнению, я уже сказал в начале! Что такое откровение Его Царствия, сияние Его света!

Когда я выберу продвижение вперед, тогда начнется молчаливое всматривание в свое сердце с помощью Святого Духа. Постепенно я начну ощущать потребность вспоминать Бога и узнавать Его. При переходе в это измерение, если мне удастся преодолеть трудности и не отвергнуть Бога

ради самого себя, я сумею понять с трудом и потом, что означает выражение «отвергись себя», которое мы повторяем ежедневно. Но давайте его на самом деле ощущать как отвергнись себя (Мф. 16:24; Мк. 8:34), и тогда первые слезы польются из наших глаз (это еще не те слезы, о которых говорят наши отцы: «проливайте слезы» – те суть слезы Духа) – слезы нашего рушащегося эгоизма. Первые слезы свидетельствуют, сколь скудны они и до какой степени я не имею ничего, ибо то, что течет из моих глаз, еще очень и очень человеческое.

У меня возникает боль, что-то во мне начинает биться, и я плачу; я начинаю вновь и вновь взывать: «Боже мой, Боже мой!» И говорю: «Приди, Душе Святой, очисти меня от моего греха. Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, приди и научи меня в моем невежестве, приди и войди в меня, ибо я полон стольких зол, очисти меня от всякой скверны. Вынь все, что у меня внутри грязного, для того, чтобы вселиться в меня». После этого я могу произнести слова молитвы ко Святому Духу.

Когда я достигну этого, тогда Господь, готовый немедленно ответить на нашу молитву, не раздумывая ни секунды, устремится в мое сердце. Но, скажете вы мне, почему это происходит после стольких мучений? «Закоснение» Господа в исполнении наших просьб есть наше некое субъективное переживание. Нам всегда кажется, что мы молимся, а Бог медлит. На самом же деле Господь не медлит не то, что ни минуты, но даже и ни единого мгновения.

Я приступаю к поиску Духа Бога, и Он тут же врывается в мое сердце. Он приходит. А что такое Дух? Он есть «везде сый». А было время, когда Духа не было? Пошлешь Дух Твой и созиждутся (Пс. 103:30); когда же Ты хоть немного отвращаешь Свой лик, то есть Духа, Свое присутствие, то все немедленно погружается во тьму, рушится, гибнет, разбивается. Проваливается в бездну небытия.

Дух начинает проявлять Себя понемногу, взывая: Авва, Отче (Гал. 4:6), то есть открывая нам Свое тождество с Отцом. Сын действует все активнее во Святом Духе, Который движется внутри Церкви, чтобы свидетельствовать об Отце. Вы теперь сами можете истолковать все отрывки Священного Писания, которые содержат эти домостроительные движения Святой Троицы, движения Троицы в нашей жизни.

Итак, Святой Дух начинает открывать нам Отца, Свое тождество с Отцом, и у нас все более и более складывается ощущение пребывающего вместе с нами и сопутствующего нам Сына, грядущего Христа. И тут же мы испытываем новое, до этого не знакомое переживание. Что это за переживание? Опытное познание новой духовной брани.

Когда ты пребываешь во мраке и тебе кажется, что некая тень входит в него, ты немедленно начинаешь волноваться. Когда ты слышишь внезапный шум, то прислушиваешься, хочешь узнать, что там происходит! Так и здесь. Ты слышишь глас Бога, чувствуешь Его присутствие, вздрагиваешь, волнуешься. Кто это? Бог? Дьявол? Страсть? Плод моего эгоизма?

Поскольку мы говорим сейчас о вещах духовных, то я буду краток, лаконичен, скажу в общем, не анализируя никаких переживаний. До сих пор мы говорили о движениях своей собственной души, необходимых для того, чтобы получить возможность молиться. Теперь же мы все ближе и ближе подходим к молитве, ищущей Бога. Молитва начинается после того, как произойдет то, о чем мы сейчас скажем.

Итак, начинается борение нашей души.

– Кто Ты? Кто Ты, что заставляешь меня бояться? – говорит моя душа.

Я говорю об этом иносказательно. В начале Он скрывается от нас – так же, как мы иной раз играем с кем-либо в «жмурки», завязываем ему глаза и говорим:

– Кто я?

– Ты такой-то.

– Нет, – отвечаю я.

– Тогда такой-то.

– Нет!

– Тогда такой-то.

– Да, – и я развязываю ему глаза.

Именно это происходит с нами. Бог прячется, будто играя с нами. И я кричу Ему еще сильнее:

– Зачем Ты играешь со мной? Кто Ты? Скажи мне, чего Ты хочешь?

Но Дух нам скажет:

– Ты зовешь Меня столько лет, а теперь спрашиваешь, чего Я хочу?

Я начинаю все больше понимать, чего я искал, зачем звал, чего желал, зачем живу! Мы говорим иной раз: «И не знаю, зачем живу». В самом деле мы не знаем, зачем живем. Пока Господь не вразумит нас, мы этого не поймем.

– Кто Ты? – говорю я Ему затем.

– Я – Бог!

Мы согнуты под тяжестью своих страстей. Мы поднимаем голову и смотрим вверх, заставляя свои глаза освободиться от гноя, очиститься. Мы открываем их и пристально вглядываемся в лик Бога. А Он Сам постепенно идет нам навстречу. Мы очищаемся, и Он очищает Себя от

облаков и мрака. Он разгоняет мою тьму, немного приоткрывает ее, чтобы стать видимым для нас.

И тогда эта брань становится для нас духовным наслаждением, не его предвестником, но самим ощущением сладости от присутствия Бога здесь, от Его близости. Я начинаю Его чувствовать, что Он есть, мое сердце начинает биться, узнавая Его: «Так ты и есть мой Бог?»

Да это Я. Разве ты не узнаешь Меня? Я Тот, Кто дал тебе рождение, Тот, Кто крестил тебя, постриг в монахи. Это Я отвечал тебе на твои молитвы, когда ты говорил Мне: «Боже мой, Боже мой!», Я помогал тебе, ты же Меня не понимал, а в действительности просто и не искал. Я Тот, что скрывался за твоим голодом, жаждой, сном, коленопреклонением, достижениями и прегрешениями, – за всем!

Мое сердце разгорячается, и я пытаюсь обнять Его. Но не могу, ибо надо, чтобы Он обнял меня. Кто я? Я есть отсутствие Его. Я зову Бога! И тогда все явственнее начинаю различать Его. Он, должно быть, и есть мой Бог. Мы никогда не видели Бога. Но Он есть, Его не может не быть! Есть что-то «не сущее» во всем сущем. Только Он есть Сущий! Единственный и несравненный, Он превыше всех, Он и есть исключительно Сущий. Я чувствую, что значит «сущий» – существующий. Он единственный, Кто есть на самом деле. Я понимаю, что ничего другого нет из всего, что было на свете, но Он Тот, Который не таков, как все остальные, Он уникальный, то есть, Он поистине Сущий. Он вечен, бесконечен, и я начинаю занимать все больше места в Его жизни, в Его существовании.

С этого часа, когда я объединяюсь или не объединяюсь с Богом, ибо опасность все еще сохраняется – я прошел критический период моего эгоизма, теперь мы движемся по руслу духовного поприща, но я снова могу отречься от Бога, хотя по моему «я» и был нанесен удар, но оно все еще живо во мне.

Понемногу я открываю Бога, узнаю Бога. Он есть Бог. Мне приятен Его вид. Теперь Он входит в меня. Как это происходит? Теперь я понимаю, что значат слова: Бог есть свет, Христос есть свет от света, а Дух Святой «в свете». Во свете Твоем мы узрим свет (Пс. 35:10). В свете, в духе мы видим свет, видим Бога. Мы чувствуем, что значит свет Бог, свет Отец, свет Сын, свет Святой Дух, и тут же все то, что было тенью света – на самом деле несуществующей – вспыхнув, исчезает перед нами. Тень исчезает, теряет свои свойства, становится бездействующей, наполняется светом, разглаживая все складки тьмы.

Есть другое ответственное и важное препятствие, где мы снова подвергаемся опасности. Теперь мы видим себя заполненными светом,

наблюдаем свое небытие. Чтобы жить, мы должны погрузиться в Божество, то есть осознать то, что говорит Он: кто потеряет душу свою, тот обретет ее (Мф. 16:25). Тот, кто умрет, будет жить. А тот, кто сбережет свою душу, тот ее погубит. Тогда, стало быть, чувствуя свое небытие, я чувствую собственную смерть.

И если у меня будет – а здесь, отцы и братья мои, требуется любовь – если у меня будет любовь к Богу, то я почувствую внутри себя приток любви и радости, которая скажет: «Да, Боже мой!» Моя душа примет Бога. Я скажу Богу «да». Теперь уже более осознанно; до того был детский лепет. Теперь я понимаю, что все мое «я» погибло. Да, я весь есть Бог, если я говорю Ему «да». Если же мне захочется вывести из потаенных уголков, из подполья, из подсознания свое собственное «я» (а существует большая опасность того, что проявится моя собственная сущность), тогда немедленно произойдет то, о чем говорит Симеон²⁷. И пропадает Бог в душе, и потребуются годы, чтобы вновь докричаться до Него, если и вообще удастся! Потому что в этом случае Его отсутствие будет осознанным. Предшествующее отречение от Него, о котором мы говорили, когда осознавали свою черноту, было неким ожесточением, которое может нас отдалить от Бога и ввергнуть в тленную жизнь.

Теперь давайте приступим к самому глубокому и духовному, а поэтому самому страшному. Это наше последнее искушение. Наступает момент, когда Господь произносит слова: Да минет Меня чаша сия (Мф. 26:39). Это то, о чем мы сейчас говорим. Мы осознали, что пропадаем, а это значит, умираем. Вы, омывшиеся ради Христа, ради смерти Его омылись (Рим. 6:3). Мы хороним себя вместе с Ним, чтобы воскреснуть; мы погреблись с Ним (Рим. 6:4) и благодаря Его Духу. Если мы осознаем свою смерть, если мы ее принимаем, если мы по доброй воле в ней заинтересованы, то скажем: «Если возможно, да минет меня чаша сия». Этим мы не отрекаемся от Бога, мы отрекаемся от смерти. Если мы не будем с Богом, Он уйдет от нас. А мы останемся «мыслить в себе и по-своему», считая, что «крепко стоим», что мы столпы, люди духовные, а в действительности обратимся в ничто и станем ничем. Если же наше сердце, воля, бытие скажут «да», тогда Бог еще приоткроет Себя нам. Он не будет больше с нами играть, но открывать нам Самого Себя. Не наше сердце, но на этот раз Себя!

Это переживание, этот опыт Его присутствия настолько силен, что изгоняет всякое забвение. И Бог возвращается для того, чтобы мы узнали Его лучше, увидели, познали. Теперь мы изучаем не то, что находится вне Бога, но то, что есть внутри Него. Мы узнаем это через наше сердце, в

которое вселился Господь. Тогда все более воспламеняется желание, чтобы Бог открылся нам более полно. Тогда сама душа просит: «Просвети мою темноту, просвети мою темноту!»²⁸ Открой мне Себя, открой мне Себя!» Но в этот час Бог уходит от нас. На этот раз Он уходит не в гневе, ибо мы не прогоняем Его, но уходит Сам.

Теперь мы знаем путь, знаем, что ищем Бога, и как Бог может войти в нас. Но мы еще не соединились с Богом. Мы знаем, что есть Бог, и можем позвать: «Эй, отец Феокист! Дай мне, пожалуйста, вон то, прошу тебя». Теперь я тебя знаю, я поговорил с тобой, увидел, каков ты есть и могу обращаться с просьбами всякий раз, когда хочу, чтобы ты пришел; могу поставить помощником игумена, держать тебя всегда подле себя или сделать тебя «Господом и Богом моим». Так и здесь, но только стану я не помощником Бога, а рабом, который припадет к Его ногам, как падали ниц все святые Церкви перед Его лицом.

С этого момента начинается молитва. Молитва может быть внутренней мольбой, если я уже умею поместить Христа внутри себя и свободно говорить с Ним. Этому умению призывать Господа в себя предшествует стадия молитвы посредством Духа. Мы не станем устремляться дальше в это море, остановимся здесь, чтобы закончить; и мы увидим, что в этой нашей борьбе мы, пусть еще новички, обращаемся к Богу. Вы помните, как мы говорили, что на каком-то этапе мы обнаруживаем, что молитва есть крик?

Я сказал вам в самом начале: мы испытываем переживание борьбы, затем крика из глубины души, после – близости Духа, молчания в тишине, тревожного ожидания, затем молчаливого предвкушения и наслаждения, наслаждения в тишине и впоследствии обретаем самопознание, тот решающий пункт откровения и ведения собственного сердца, и момент выбора: принять или отвергнуть Бога? Это есть своего рода момент познания Духа.

Следовательно, все это является стремлением к Богу, которое осуществляется умом. Это похоже на беседу. В начале мы говорим с Богом, и поскольку существует столько препятствий (которые суть наши собственные помыслы), ум пытается отогнать все, что в нем находится, чтобы самому суметь взойти к Богу, то есть воззвать: «Боже мой, Боже мой, Господи мой, Господи!» Элои! Элои! ламма савахфани! – что значит: Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил? (Мк. 15:34). Здесь молящийся чувствует себя вещью, брошенной посреди земли, в то время как Бог есть «Элои! Элои! Бог мой! Бог мой». Боже мой, Боже мой. Он есть Бог мой! И я брошен; я бьюсь среди тысяч мраков, покрытый прахом.

Итак, ум мой пытается отбросить, отогнать все, что у него есть, лукавое и чуждое. Потому что оно может обратиться в помышление, а помышление топит ум, желающий взойти к Богу. Наш ум должен отогнать всякое вожделение, желание, предшествующее переживание и опыт чуждых вещей для того, чтобы достичь всецелого забвения прошлого (а не Бога!) настолько, что оно станет чуждым для нас, и так мы добьемся забвения всего, будто мы этого никогда и не знали. Я услышу: «Отец Арсений» и останусь невозмутим. Кто такой отец Арсений? Он мой брат. Если я люблю его и моя душа обратится к нему, то как войдет туда Бог? Если я действительно люблю его, то я пойду молиться, и стану молиться за него, а не за себя. То же самое относится и к здоровью, науке, желаниям, радостям, устремлениям, к чему угодно постороннему. Итак, ум старается прогнать все это.

Затем нечто иное выступает на первый план. После того, как ушло все вышесказанное, я вижу, что мой ум следит за тем, что я говорю Богу из моего сердца или из моих уст, и вспоминаю слова апостола: мы можем петь и молиться духом, но не умом. Только при этом условии мы хоть и смутно ощутим то, что он называет «духом» (1Кор. 14:15), который может изнутри искать Бога. И тогда я понимаю, что ум есть некая самость, некая сила. Ум, умное начало соединяется с тем, что говорится или мыслится. Мое слово соединяется с устами, или – с мышлением, или с чем-то сокровенным – все это я начинаю различать. Мой ум все более обращается к Богу, предмету моего помышления, Главе, о Котором пишут отцы Церкви.

Теперь я начинаю по своей собственной воле молиться Богу, и требуется вся ее сила, чтобы возобладало одно лишь: «Боже мой! Боже мой!» Чтобы слиться с Самим Богом, ум должен сперва соединиться с мыслью о Боге и взыванием к Нему.

Затем, по мере продвижения вперед, я чувствую, как мой ум во время молитвы восхищается. Я сказал вам, что показываю очень приблизительную ретроспективу, подобно тому, кто демонстрирует паломникам достопримечательности нашей обители, и при этом еще успевает рассказать об остальных девятнадцати монастырях Святой Горы.

Наш ум восхищается во время молитвы, и мы чувствуем, что он восхищается либо в теле, либо без него (мы не можем понять) и весь восходит к Богу. Я ощущаю, как он восходит ввысь, то есть чувствую, как он выходит, выступает, истекает, воспаряет. Вот какова молитва!

Молитва всегда обращена к Богу, потому и называем мы ее «восхищением»²⁹, поднимается изнутри и все ближе и ближе подходит к

Богу; восходит к Нему, ибо ум должен научиться жить вместе с Богом, и это должно происходить не вовне, а внутри.

Прекрасны мгновения, когда четырнадцать лет тому назад (2Кор. 12:2) апостол Павел увидел, как восхищается его ум; чудными являются мгновения, когда это происходит со святыми. Важно, чтобы это случилось со мной – не восхищение ума моего притяжением Бога, но восхищение Бога умом моим, опять же по благодати Божьей внутри моего собственного сердца.

В этом измерении человек видится как огонь, пламенными становятся его душа и его восхождение. Иногда огню уподобляется и он сам, светлым становится место его пребывания. Сам человек смотрит на огонь внутри этого Божественного присутствия – это как раз то мгновение мистического соединения с Богом и, следовательно, осуществление, завершение молитвы.

Молитва достигла своей цели! Отплыл кораблик из нашей гавани и достиг того места, куда мы хотели приплыть. До сих пор мы были в пути. Здесь же конечный пункт молитвы нашей! Это восхищение Бога в моем сердце посредством собственной воли в Духе Святом. Соединяются теперь ум мой и дух мой с Богом, я весь становлюсь пламенем, то есть поглощаюсь им, этим светом Божиим, бездной милости Его, словно маленькая капля в океане; у меня складывается чувство моего мистического соединения с Богом, Который присутствовал рядом посредством таинственной жизни, и я стал участником и причастником Его жизни, а Он стал причастным моему существованию, моей природе, Бог стал в этот момент единым целым со мною.

Природа моя и Его объединяются в одном лице. Не в Лице Сына Божия, но в лице молящегося человека. То, что произошло во Христе через девство Пресвятой Богородицы, когда объединились две различные природы и стало одно Лицо, одна Ипостась Божественного Слова, то же самое происходит теперь и во мне посредством девствующей души моей, которая мучается денно и ночью и в конце концов осуществляет это для того, чтобы стали они одна плоть (Быт. 2:24), один дух (1Кор. 6:17). Из-за того, что становимся мы духом единым, становимся мы единым человеком: не лицом Слова Божиего, но лицом того или иного молящегося святого.

Мы все более принимаем на себя ипостась святого, который соединился с Богом и стал Божественным, стал Богом и человеком; он стал тем, о чем предсказывал пророк: «Когда придет Дух Святой и поселится в нас, и потому станем мы сыновьями и дочерьми Его». Тогда Он будет

изливать в нас реки, как говорит пророк: Реки станут изливаться из него (Иоил. 3:2–18; Иез. 36:27–28). Тогда начнет взывать в нас Дух Святой, станет молиться и жить в нас. Это час, это, скорее, даже мгновение, о котором нам поведало истину пророчество Божие: Аз рех: бози есте (Пс. 81:6). Потому Он назвал нас богами. Потому-то мы и кричим и молимся, чтобы быть в состоянии стать поистине богами, чего от нас хочет Господь.

Отцы мои! Немногое сказали мы сегодня о молитве – по какому пути она движется и куда. Вы знаете, для чего нас собрал здесь Господь? Для того, чтобы мы стали святыми. Тогда скажите: если мы достигнем чего угодно, но только не этого, то каков, по-вашему, результат? Монастырь наш будет одним из юридических лиц, а вовсе не священной обителью, местом воспитания душ, домом обитания Бога и лоном Святой Троицы. А мы сами так и останемся жалкими существами. Будем грести и кружиться на одном месте, никогда не достигнем цели и не станем такими, какими нас задумал Господь, будучи связанными плотскими оковами, тянущими нас вниз.

Потому скажите, какую прибыль мы получили, если этого не обрели? Я полагаю, что никакой! Так давайте вести борьбу с собой, со страстями ради упражнения, бдения и поста. Давайте жаждать Бога, узнавать свою душу, упражнять ее, дабы окрылилась она, и удостоил нас Господь, пожалел и открыл нам двери милосердия. Давайте делать то, что в наших силах, дабы достигнуть цели: давайте подвизаться в сражении, в борьбе с Богом, как сказали мы в начале нашей беседы. Эта борьба и для меня и для вас. Если бы я был богат, то были бы богаты и вы. Я же беден, поэтому бедны и вы. Так давайте все вместе сделаем эту попытку.

Я возвращаюсь к тому, с чего начал. Будет насмешкой над собой, над Богом и над всем миром, если мы даже и не попытаемся научиться молитве! Потому я прошу вас, чада мои, отныне и впредь чаще собираться на подобные встречи. Тогда мы станем бороться ради Бога, станем молиться, воздерживаться, ликовать о Боге подобно плотским сердцам, увидевшим своего возлюбленного.

Я прошу и молю вас, подходите ко мне в исповедальне, в келии. Давайте вместе с горячим рвением ступим на путь духовной аскезы, ибо только она вытаскивает настоящего монаха, который есть дом обитания Святого Духа. Вы должны настроить себя на то, чтобы оставить все лишнее и возлюбить Бога. Если вы придете ко мне, погруженные в свои тленные заботы и поглощенные повседневностью и прозой жизни, то я ничем вам не помогу. Нам не о чем с вами будет говорить. Потому что не найдется точки соприкосновения между тем, в чем вы живете, и тем, к

чему стремитесь и ради чего вы уходите в монастырь. Я не в силах помочь тому, кто, приходя, приходит ради другого.

Если ты спрашиваешь у меня: «Какому плану мне следовать, отче, в моей молитве?» в тот час, когда обеспокоен тем, что тебя обнесли за трапезой, положили мало еды и ты остался голоден, или когда с тобой грубо поговорили, не осуществилось то, на что ты рассчитывал, когда не отдохнула твоя плоть, или у тебя болит живот, или если случилось что-то у тебя дома, то какой совет мне дать тебе относительно молитвы? Тебя волнует то, другое, третье – что угодно, но только не молитва. Север и юг, восток и запад, землю и небо не совместить!

Давайте начнем, чада мои, с того, что научимся получать радость от осознания того, что наш монастырь – это место подлинного воспитания души, а не отдохновения тела. Мы пришли сюда, чтобы устроить свою жизнь по его законам. Станем огненным пламенем, ибо только оно устремляется вверх, а плоть обращается в пепел. Помните ли вы чудо на Первом Вселенском Соборе (325 г.), когда огонь поднялся вверх, а пепел остался внизу?³⁰ Так возгоримся пламенем, чтобы вознестись к Богу!

Богословие и жизнь³¹

Должен признать, что если бы я давал название нашей сегодняшней беседе, видя то, что вижу сейчас, я бы предпочел назвать ее как-нибудь иначе, ибо все вы мои друзья (Ин. 15:14). Действительно, глядя на вас, я чувствую себя не гостем, а, напротив, пришедшим в свой собственный дом, в котором прожил много лет. Большинство из вас я помню как наставников и наставниц, некоторых – еще маленькими детьми. Сейчас же все вы для меня жнецы на общем поле жатвы.

Поэтому я бы очень хотел, чтобы слова, которые будут здесь произнесены, были бы словами не просто беседы, но общения в тесном кругу друзей. Я бы хотел сказать, что мне не кажется случайным тот факт, что я обращаюсь к вам как к богословам, несмотря на то, что многие из вас таковыми профессионально не являются. Ибо считаю, что крещеный христианин не быть богословом не может.

1

Итак, наша тема – богословие и образ жизни. Поэтому необходимо установить, что именно мы подразумеваем под богословием и, соответственно, кого именуем богословом. Первое, что приходит каждому в голову: богословие – это слово о Боге или, если угодно, проповедь, беседа, сочинение, наука, то есть нечто, чем занимается

человек, говорящий о Боге и обо всем, что с Ним связано. А сам этот человек называется богословом.

Чтобы изучить историю богословия, нам нужно посмотреть, кто первым занялся этим делом. Тогда, вероятно, мы сможем лучше разобраться в значении этого слова.

Итак, первым Богословом, первым, Кто заговорил о Боге, был Сам Отец Небесный, Сам Господь. Давайте вспомним сотворение человека и представим тот момент, когда Бог склонился к земле и сказал: «Да будет...», а потом решил: «Да будет человек!» Бог, конечно, это не только сказал, но и сделал. Подумав, Он принял решение и сотворил человека по образу Нашему, по подобию Нашему (Быт. 1:26). И это очень важно, что Бог создал человека по Своему образу. Это означает, что Он сделал отпечаток Своей сущности, Свой «портрет», сотворил второго Бога – вот что значит по образу и подобию. Сотворив человека, Бог открыл Себя и заговорил о Себе, явив Свой образ. Следовательно, первым, Кто заговорил о Боге, был Сам Бог, Отец Небесный. И Его богословие – это слово не о ком-то чужом, но о Нем Самом. Его богословие – это откровение Себя Господом.

Теперь давайте посмотрим, Кто был следующий, открывший Бога, не по хронологическому принципу, а по сути. Естественно, что Им была вторая Ипостась Святой Троицы. Ведь сотворив человека, Бог явил Себя как единое целое, но имеющее лица. У пророка Исаии предречены слова Сына, Иисуса Христа, ставшего перед Небесным Отцом: Господь открыл Мне ухо, и Я не воспротивился, не отступил назад (Ис. 50:5).

Итак, Христос, второе лицо Святой Троицы, беседует с Отцом и находится с Ним в полном согласии. После воплощения Христос говорит: Видевший Меня, видел Отца (Ин. 14:9), а еще мог бы сказать: «Вы видите Меня на протяжении стольких лет и еще спрашиваете, где Отец Небесный?»

Теперь мы понимаем, что Господь через Свое учение, образы, чудеса, через Свое воплощение открывает нам личность Отца, непосредственно связанную с Сыном.

Итак, Сын свидетельствует об Отце, говоря, что Отца не знает никто, кроме Сына (Мф. 11:27). И никто не может постичь Его Божество, кроме того, кому откроется Сын. Так, Сын, с одной стороны, свидетельствует об Отце как о другой Своей Ипостаси, а с другой – говорит о полном согласии между Лицами Святой Троицы.

Следовательно, богословие Христа – это открытие единства Бога, двух сущностей Христа и троичности Божества. Бог, открывая Себя, на самом

деле показывает нам следующее: что Он един и вместе с тем Он же есть Святая Троица. Значит, через богословие Бог Сам открывает людям Свое единство и троичность.

Продолжая беседу, мы увидим Господа, молящегося в ночи Отцу со смирением, но и в то же время по-царски. От Бога Он получает ответ, показывающий, что, несмотря на то, что Христос на земле, а Отец на Небе, Они прекрасно слышат друг друга. Они – одно, но и не имеют абсолютного сходства между Собой. Они – непрерывное единство дня и ночи. Они Сами показывают людям и Свою единую сущность, и особенности каждой из Ипостасей. В этом заключается общение Бога с человеком.

Углубляясь далее в Святое Писание – не по порядку книг, а по нашему собственному усмотрению, давайте вспомним слово «премудрость», которое употребляет Писание, говоря о Боге. Вспомните Соломона: Даруй мне приседящую престолу Твоему премудрость (Прем. Сол. 9:4). Значит, мудрость вечно пребывает в Отце. Они являются одним целым.

Следовательно, через мрак веков пророк открывает нам Ипостась Христа, существующую наряду с Ипостасью Отца. И, таким образом, мы видим, как Отец и Сын показывают нам друг друга. Это своего рода взаимооткрытие, самораскрытие сущностей.

В другом месте книги Премудрости Соломоновой говорится, что посему я рассудил принять ее в сожитие с собою, зная что она будет мне советницею мне на доброе (Прем. 8:9). Премудрость – это Бог, Сын Слово. Премудрость и Слово – это одно и то же, это одно Лицо.

Мы знаем, что именование «премудрость» равным образом прилагается и к Святому Духу, ибо Дух есть отражение Отца и Сына, поэтому Он и называется Духом разумения, Духом мудрости (Исх. 35:31)³², дабы показать нам, что Он тоже Бог. Они восседают на одном престоле: Бог Слово обращен к Небесному Отцу. Он повернут к Сыну, а Его собственные уста одновременно есть уста Сына.

Давайте вспомним еще одно выражение: «сеющее слово»³³, наделенное особым смыслом. Для Церкви оно значит только то, что Слово есть везде, и как семя, посеянное ветром, Святой Дух может быть повсюду и может общаться и с другими Своими Ипостасями, и с людьми.

Итак, Отец открывается через Сына и особенно через Воплощение, как говорит один из Отцов Церкви, святой Максим Исповедник: «Во плоти явившись людям, Он открыл непостижимого Отца». Но мы бы не знали о том, что Ипостась Отца отлична от Ипостаси Сына, если бы Сам Господь не явил бы нам этого через Воплощение Христа, ставшее свидетельством

того, что Он мог спуститься на землю и в то же время остаться в лоне Отца. Следовательно, «Господь учит богословию через Свое Воплощение»³⁴, а богословие, как я уже говорил, – это открытие единой Божественной природы Троицы. Дело Его – богословие, Слово Его – богословие, и сущность – тоже богословие.

Святой Дух, как сказал Господь, прежде чем нас покинуть, имеет на земле одну задачу – явить присутствие Христа, истолковать его, открыть, запомнить слова, Им произнесенные, и связать их так, чтобы получалась целостная богословская система. Дух открывает Сына, Сын – Отца. А открытие Божественной природы Отца происходит во всех Ипостасях, составляющих единую Святую Церковь.

Теперь обратимся к богословию, далее углубляющемуся в мир людей. Никто не будет отрицать, что Богородица через воплощение Слова тоже стала богословом. Еще не родив Христа, но лишь нося Его во чреве, она открыла Божество Слова, пребывающего на Небесах. Следовательно, Ее место среди святых указывает на союз трех Ипостасей Божества. Итак, Богородица – тоже богослов.

Не забудем и о прекрасном и простом богословии Иоанна Предтечи, который рукой показал на уже знакомого им Бога и воскликнул: Вот Агнец Божий! (Ин. 1:29).

Итак, богословие – это открытие Бога, Его троической сущности в единстве трех Ипостасей.

Когда мы называем кого-нибудь богословом, то это означает, что либо Бог открылся в нем, либо он познал Бога, наполнив себя тем, что даровал Ему Господь.

Богословие, идущее от первых богословов – от Ипостасей Святой Троицы – было передано нашей Церкви, как известно, через апостолов, непосредственных свидетелей жизни, проповедей и чудотворений Христа. Они стали первыми богословами среди людей, как поется о них в церковных песнопениях. Эти первые богословы знали Бога лично, поэтому когда им понадобилось выбрать двенадцатого апостола (Деян. 1:21–26), им нужен был тот, кто свыше получил полное знание о жизни Христа, слушал Христа, жил рядом со Христом и поэтому мог бы сказать, что получил знание от Него.

Чтобы показать, что он является первоверховным апостолом и первым богословом-мистиком, наряду с Иоанном Богословом, апостол Павел вынужден был засвидетельствовать, что видел Христа, разговаривал с Ним и многое в своей жизни претерпел за Него (Деян. 9:1 и далее; 1Кор. 11:23 и далее). Следовательно, связь Павла, тогда еще Савла, со Христом была

полной, и значит, он истинный апостол-богослов.

Мы знаем, что труды святого Иоанна Богослова были вдохновлены Самим Христом. Он получил откровение, взяв из рук Ангела книжку и проглотив ее (Откр. 10:9–10). После того, как он явил нам богословие о единстве Святой Троицы, его терзали сомнения. Он молил Господа о подтверждении правильности его слов – и раскололась скала, и сотряслась земля.

Реальная связь земных людей с Богом показывает нам, что откровение есть их собственное раскрытие. На их примерах мы видим возможность общения человека с Богом.

От апостолов через Святых отцов, которые были словно глашатаи, уста Христовы, богословие передалось Церкви. Но и Сам Христос был назван «уста́ми Бога»³⁵, а богословие отцов – «единоначалием Святой Троицы»³⁶. Святые отцы, которых величают глашатаями, на самом деле получали послания Слова, откровения Господа.

Поэтому апостолы и великие отцы подчеркивают, что возвещают нам то, что слышали, что видели своими очами (1Ин. 1:1 и 3), и в своих повествованиях всегда употребляют грамматическую форму греческого перфекта, дабы показать, что некогда они имели контакт с Богом, но до сих пор продолжают видеть то, о чем рассказали.

Они как образ Бога на земле, сотворенные по Его подобию (Быт. 1:26), рассказывают нам о множестве способов передачи богословия нашей Церкви.

Назовем еще некоторых богословов. Один из них – икона. Да, иконы – богословы. Что такое икона? Отпечаток и откровение Первообраза. Первообраз – один из святых, живущих с Богом, святой от Бога или Сам Бог. А поскольку преклонение перед иконой происходит ради Первообраза, то икона – тоже богослов.

Богословием являются и наши проповеди, наши молитвы. Ведь что такое молитва? Это обращение к другому: «Тебя прошу, Тебе молюсь». Личность разговаривает с личностью. Моя молитва открывает мне такие свойства Отца, Сына и Святого Духа, как близость, сверхсущность, Божественность, святость, величие.

А чудо, любое чудо – разве не откровение чудотворного Господа, скрывающегося за этим чудом? Мы видим что-то предметное, но за ним скрывается Сам открывающийся, Сам богослов, Сам Бог.

Гром на небе – это тоже богослов. «Возгремел Бог». Гром – откровение говорящего, творящего Бога. Это бездна. Разве не говорится: Бездна бездну призывает (Пс. 41:8). Ибо когда падают воды и создаются

бездны, происходят наводнения, то эти стихийные бедствия являют величие Бога, склоняющегося над землей и стоящего над водами многими. Поэтому и бездны есть откровение, образ Бога.

Ночь – тоже богослов. Ночь ночи возвещает разум (Пс. 18:3). Ночь передает дела Божии, познание Бога другой ночи, другому дню.

Являются богословами и звезды, которые ликовали перед Богом (Иов 38:7), как и ангелы, славящие Его. Поэтому, мы видим, что ангелы носят богословские имена. Так, имя Гавриил («сила Божия») открывает Бога, действующего через людей. Михаил («кто, как Бог») своим именем являет силу нисходящего на землю Господа. Серафимы («горение Божие») являют жгучее, напряженное делание Бога, говорят о Его непосредственной близости. А херувимы показывают величие единого Бога. Итак, все они богословы, говорящие о нашем Господе. Так взглянем на Господа, скрывающегося за ними.

Мы подошли к таинствам. Ведь что есть таинства, если не предмет богословия? Ведь таинство – это не то, что мы видим, например, масло при помазании, но то, что есть на самом деле, – Дух Святой. Также видимые хлеб и вино есть истинные Тело и Кровь Христа. Таинства – богословы нашей Церкви.

И пророки свидетельствовали не только о единстве Бога, но и об образах Божиих, не только о Боге, но и о Его проявлениях.

Мученики тоже были богословами. Если мы проследим за допросами, которые совершались над мучениками, то увидим, что на них происходили настоящие богословские беседы. Основным предметом был вопрос: один ли Бог или же существует множество богов. Мученики утверждали, что Бог – один, Иисус Христос. И их убивали как не признающих многобожие. Если же мы обратимся к новомученикам, укрепившим собой паству нашей Церкви³⁷, то увидим, что и их беседы с мусульманами были богословскими. Турки утверждали, что Бог действительно один и именно поэтому Им не может быть Иисус Христос. То есть спор опять возникал о сущности Святой Троицы – едином Божестве.

Наконец, каждый молящийся и его молитвы также являются богословами³⁸. Наши богослужения открывают Бога, существующего вместе со Своей паствой и в то же время полностью в ней растворяющегося.

Значит, богословие – это жизнь Господа, Его выражение в нас самих, глубинное знание нашего духа о Святой Троице.

2

Как же богослову или тому, кто хочет им стать, познать сущность

богословия? Как стать богословом? – вопрос очень простой.

Мы можем осознать это Троичное единство богословскими занятиями и логическими размышлениями. Действительно, если ты прилежно учишься, то придешь к богословию. Ведь соответственно своему духовному состоянию и благодаря способностям человек может являть собой плохое или хорошее подобие Бога.

Вспомним фразу из Псалтири: Бог ста в сонме богов, посреде же боги разсудит (Пс. 81:1). Из нее следует, что Бог не мыслим отдельно от народа, Им созданного и освященного на земле. Народ состоит из богов: Бози есте, и сынове Вышняго вси (Пс. 81:6), причастные свойствам Бога Отца, а особо Царскому справедливому Суду. Господь, восседающий на Престоле, распознает Свои подобия, их судит, изучает, собирает и, наконец, решает, кто говорит о Нем верно, а кто – нет.

Нам становится понятно, что тот сонм, о котором сказано выше, есть сама Церковь, содержащая в себе Бога. Они неотделимы друг от друга.

Следовательно, в церковной жизни участвуют и Христос, и Отец, и Святой Дух, все в Себе заключающий, и маленький бог – человек-богослов. Он должен участвовать в жизни Церкви, в церковном опыте, идти по церковному пути.

Возлюбленные мои, поиски Бога и того, что связано с Ним, – вот истинное богословие, ибо оно раскрывает Его через творения и связи с Церковью, миром. Итак, изучение, логика, благоразумная деятельность человека могут сделать его богословом.

Если мы обратимся к Святым отцам, то от них услышим вопрос, известный нам с детских лет: «А ты хочешь стать богословом?» Хочешь быть достойным Божества? Но чтобы стать богословом, ты должен стать достойным богословия, взрастить его в себе, обрести способность богословствовать.

Прекрасно сказал Григорий Богослов: «Я прошел через Заповеди»³⁹. То есть я соблюдал Заповеди Бога. Значит богословие – это не только логическое умствование, но и путь, тропа к Богу, это освященная совместная жизнь с Богом, для которой характерна особая чистота желаний и чувств. По слову Святых отцов: «Богословие – дело очистившихся». Вспомните сказанное Григорием Богословом – и, прошу, не забывайте и далее – «Богослов не каждый, но только очистившийся»⁴⁰. Итак, не все могут быть богословами, а очищенные, ибо они узрят Бога: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф 5:8). Узрят – значит обретут, постигнут, причастятся, станут с Богом единой плотью. «Узрят» – этим словом нам открывается просвещающая деятельность Бога. То есть

сохранять и святить себя означает стать причастным Святому Духу. Он – свет от света. Так и я становлюсь светом через принятие света. Этот свет, исходящий от Духа Святого, растекающийся и наполняющий мое существо. Этот свет – мое «я»; свет, делающий меня собой; свет, совершенствующий все; это Бог, вечно пребывающий с людьми.

Богослов должен обращаться к Духу Святому, дабы стать богословом от Бога. Должен Ему довериться, Его просить, перед Ним преклоняться, Его ожидать, чтобы связь с Господом и хождение перед Ним не прекращались.

Выше мы вспоминали слова Григория Богослова: «Я прошел через Заповеди». Святитель сказал – прошел. Дорога – Дух Святой. Поэтому отцы говорят, что «действующий по воле Бога в Святом Духе не может не быть богословом»⁴¹. Ибо этот дар – от Святого Духа. Он делает человека богословом, ибо тот, познав, кто он есть и чем обладает, затем рассказывает об этом остальным. Ведь без дара Духа Святого все, что видит человек, – лишь фантазии, а все, что он произносит – слова, пущенные на ветер. Об этом свидетельствуют отцы.

Теперь, осознав, что богослов – это тот, кто изливает из себя свою Божественность, Бога, Который в нем, давайте обратимся к примеру одного из очень известных святых Русской Церкви – преподобному Серафиму Саровскому. Посмотрим на его богословие. Он говорит: «Стяжай Святой Дух в себе, и вокруг тебя спасутся тысячи».

Говоря о богословии, мы говорим о Боге как проповедники, миссионеры. А Серафим Саровский восклицает: «Хочешь быть миссионером? Хочешь, чтобы многие спаслись? Тогда сам обрети Святого Духа, ибо только тогда сделаешься богословом. Дух внутри и снаружи сотрясает меня, как на органе, играет на моих клавишах, на моем сердце и моем разуме». Итак, Дух Святой – это Бог, открывающий свою Божественность.

Дух Святой через освящение моей жизни в Церкви, через познание Своего богословского существа ведет меня и становится моим собственным бытием до того рубежа, пока я не встану перед Ним, не буду иметь никаких с Ним различий. Святой Дух открывает нам ожидание Бога. Как же можем мы, ожидающие Господа, разыскивающие Его, видящие Его во всем (ведь все вокруг нас исполнено богословием и богословскими посланиями человеку), суметь принять Божественные послания?

Для этого Церковь определила некоторые качества, без которых человек не может стать богом, то есть богословом. Это пост, бдение, аскеза, молитва, участие в жизни Церкви. Путь к встрече с Богом в Святом

Духе – это такая же аскеза, как бдение и пощение. Это тот язык, на котором я обращаюсь к Богу: «Боже мой, я жду Тебя и нуждаюсь в Тебе».

Вы помните, как был призван апостол Павел? Когда Дух Святой пришел к Своим ученикам тогда, когда они служили Господу и постились, и сказал: Отделите мне Савла на дело, к которому Я призвал его (Деян. 13:2). Вспомните, когда Бог открыл Небесные тайны Петру? Когда тот голодал и постился (Деян. 10:9–16).

Вы видите, насколько велика связь между аскезой и причастием Духу, нашим богословским достоинством. Вот наши родовые муки, мы мучились и рождали как бы ветер (Ис. 26:18). Значит, богослов – это не тот, кто говорит о Боге, но тот, кто молитвенно предстоит перед Ним. Здесь Бог. Здесь же и я. Таким образом, я вижу «руку твою, прикоснувшуюся пречистому верху Владычню»⁴². Я уподобляюсь Иоанну, который смог указать на Христа со словами: Вот Агнец Божий (Ин. 1:29). Мое чувство, моя жизнь, сердце, существование – это рука, касающаяся Бога. Значит, я богослов.

Разбирая те средства, которые делают человека богословом, упомянем еще одно.

Вспомним очень известный и тысячу раз повторяемый отрывок из творений аввы Нила, такой пугающий и страшный для нас, но вместе с тем благотворный и утешительный. Вы помните: «Если богослов, то помолится истинно»⁴³. Ты богослов? Хорошо, если это так, тогда молись, и молись истинно. Да, я богослов. Святой Нил не лишает меня этого права. Он есть истина, ибо не чуждается боли человека, его несчастий, проблем и дает блестящие ответы, решающие все эти проблемы.

Сколько раз мы, богословы, говорили: «Богослов ли я? Достоин ли быть им?» Святой Нил отвечает: «Богослов ли ты? Я не отбираю у тебя этого. Просто хорошо молись». А вот другие его утешительные слова: «Ты не достоин богословия? Если будешь истинно молиться, станешь богословом». Он говорит так, ибо оставляет решение вопроса – быть или не быть – на наше собственное усмотрение. Вы видите, сколько утешения, успокоения он дает богослову, который сознательно становится мучеником и, страдая, восклицает: «Какой я богослов?», Горе мне, погиб я! (Ис. 6:5). И тотчас Нил отвечает: «Хочешь быть богословом? Молись. Молишься? Ты богослов».

Особенно святой Нил и все наши отцы, говоря об объединяющей Божественной молитве, всегда говорят о «мольбе», о призывании имени Иисуса, ибо «умное делание» – непрерывный взгляд, обращенный к Богу и к Его Сыну, Который всегда и повсюду, передо мной и во мне, хочу я того

или нет. Я осознаю это, верю этому и говорю: «Господи, Иисусе Христе!» Вот здесь, внутри меня живет Бог!

И как мать понимает и чувствует все жесты, вздрагивания, звуки, движения своего малыша, так и Бог позволяет мне почувствовать все Его движения в себе самом. Как мои глаза то светятся радостью и весельем, то плачут, так и я сам то спокойно говорю, то вопию: «Господи, Иисусе Христе!».

Следовательно, молитва делает человека богословом. Святой Василий Великий говорит, что «от пристального взгляда на Бога богоносная душа становится достойной даров богословия через получение силы от Самого Бога, открывающего очи этой души»⁴⁴. То есть в непрерывном взывании: «Господи, Иисусе Христе», в этом простом, естественном и дружеском обращении к Богу заключается тот самый пристальный взгляд на Него.

И мне, смотрящему на Него, Бог дарует способность к богословию, силу видеть то, что я захочу. «Бог открывает очи жаждущему видения». Почему видения? Ведь мы сказали, что богословие – это жизнь невидимого Бога, невидимых Его проявлений. Поэтому-то мне и необходимо видеть творения Бога так живо.

Итак, принятие Святого Духа возможно в молитве. Посредством Святого Духа я получаю видения и образы, открывающие Бога. Через них я научаюсь Господу и делаюсь богословом.

3

Теперь давайте скажем еще одно, о чем никак нельзя умолчать.

Ясно, что дар богословия, то есть эмпирического знания и силы, открывающей Бога, – это высший и широчайший дар, по словам святого подвижника Горы Афонской Максима Кавсокаливита⁴⁵.

Это самый высший дар из всех даров Святого Духа, и поэтому так нелегко стать богословом. Он содержит, как птица птенцов своих (Мф. 23:37), видения, которые должен узреть каждый богослов. А поскольку это дарование, высшее, широчайшее и глубочайшее, то оно открывает Святого Духа и передает Его тому, кто этого хочет. Но кому именно?

Григорий Богослов говорит: «через учение мы выйдем из всякой грязи и смятения», тогда Бог сможет разговаривать с нами. «Человеку необходимо изучать и познавать Бога»⁴⁶.

Следовательно, это толкование на слова, произнесенные Псалмопевцем Давидом, очень просто: занимайся только богословием! Когда ты пристально вглядываешься, то ничего не видишь. Поэтому и будучи богословом, невозможно интересоваться многими вещами, а именно «грязью и смутами», тем, что отвергает Церковь, что приводит в

смятение сердце, ибо в штормовом море не разглядишь ничего – вокруг тебя должны воцариться спокойствие и тишина.

А чтобы мы осознали это, я бы хотел на минуточку задержать ваше внимание на словах святого Григория, вторящего апостолу Павлу. «Что со мной? Ища Господа, я побежал и взошел на гору, и рассек облако. А когда взглянул, то увидел лишь спину Господа»⁴⁷. Помните слова апостола Павла: Бедный я человек! Ищу, борюсь и что в результате? (Рим. 7:24). «Что со мной? Бедный я, – говорит Григорий Богослов. – Я бежал, чтобы схватить Бога, вошел в облако, рассек его, вошел в него, все обошел в поисках Бога. Но увидел лишь Его спину» (библейский сюжет о Моисее). Это значит, что ни один богослов не может познать Бога в Его сущности, но лишь в образах, в том, что человеческий ум может увидеть и понять, чем может наслаждаться и вместиать.

Бог является людям через откровения. Но наше знание о творящем Боге, о Божественной сущности ограничено. Значение ограниченности выражено словом «спина». Человеку всю жизнь приходится усердствовать, чтобы однажды встретиться с Богом лицом к лицу.

Как старался Моисей! Он просил у Бога увидеть Его, и Бог обещал ему, но показал Себя только сзади (Исх. 33:20–23). Когда же Моисей лицезрел Бога в полном явлении Его Божества? Спустя много веков, во время Преображения на горе Фаворской (Лк. 4:30–31). Давайте во что бы то ни стало помнить о том, что и мы, подобно Моисею, не будем восходить на Синай и не иметь насыщения. Но настанет день, когда мы поднимемся на Фавор нашего сердца и увидим Бога Таким, как Он есть (1Ин. 3:2). Все наши попытки будут сопряжены с трудом и напряжением, радостным и приятным общением с Богом. Благодаря этим спокойным, тихим и ежедневным беседам с Господом я смогу подготовить себя к обретению богословия «ради славы Евангелия», как сказал один из отцов Церкви – святой Диадокх⁴⁸.

Сколь прекрасны рассуждения Святых отцов! Да, ты станешь богословом, но не ради своей собственной жизни, ибо ты – часть Церкви. Церковь – слава Бога. Ради славы Божией, славы Церкви ты изучаешь богословие.

Теперь обратимся к самим себе. Богословы ли мы?

Как богословы мы обязательно должны непрестанно вопрошать себя: «Что я пережил? Что понял? Что постиг? Что имею?» Каждый из нас является богословом. Ведь мы ежедневно молимся словами: тайная премудрости Твоя явил ми еси (Пс. 50:8).

Значит, выявление неясного и скрытого Бога – мое собственное

богословие. Но, ощущая свою греховность и недостойность, мы добавляем: Окропиши мя иссопом, и очишуся (Пс. 50:9). Ты сделал меня богословом. Мне же остается, слезами очищая свое сердце, стать богословом в еще большей мере и достигнуть своего Фавора.

Если мы богословы, то нам необходимо ежедневно чувствовать свою полную несостоятельность, неспособность, но в то же время и благодарить Бога за дарование нам богословия. Давайте вспомним то, о чем мы уже говорили ранее. Вот слова преподобного Иоанна Лествичника: «Воздержимся, братья, от всего остального и запишемся в богословы»⁴⁹. Воздержимся, удалимся от всего, ибо наше главное занятие – богословие.

Давайте посвятим себя главному, запишемся в монахи, в богословы. Нас сотворил Господь. Он обручил нас богословию, и со своей стороны мы должны облачиться в брачные одежды и возыметь готовность постоянно видеть Бога-Жениха. Интересно, получится ли у нас это?

Давайте вернемся к Серафиму Саровскому. Вы помните, как один ученик спросил у него: «Как же распознать, стяжали мы Духа Божия или нет? Святой Серафим, возложив руки свои на плечи ученика, отвечал: «Да вот, Ваше Боголюбие, мы оба теперь с Вами в полноте духа Божия. Что же Вы мне убогому Серафиму в глаза не глядите?» – А тот: «Не могу, потому что из них молнии рассыпаются, и затмевают мой взор, и я не могу смотреть на Вас, батюшка отец Серафим, потому что Вы светлее солнца». Ученик оказался в лучах Божественного сияния нерукотворного света Духа Святого, охватившего их обоих.

И сказал тогда Серафим в час богословского откровения: «Ты увидел, дитя мое? Ты убедился, что для того, чтобы мы стали богами, наполнились Божеством, я даже не перекрестился, а лишь минуточку помолился в сердце своем. И этой молитвы хватило, чтобы мы оба окунулись в Божественное. Видишь, Господь тотчас отозвался на голос смиренного Серафима».

Он хотел показать, явно или нет, как одно лишь наше призывание Бога может осветить нас Самим Божеством. Мы ограничены. Но кто совершенен? Один Бог во Святой Троице. Поэтому Отцы и говорят нам: Чрез меру трудного для тебя не ищи и что свыше сил твоих – того не испытывай. Что заповедано тебе, о том размышляй, ибо не нужно тебе, что сокрыто (Сир. 3:21–22). Не проси больше того, что Бог посылает тебе. Не ищи глубже того, что открывает тебе Господь. Этого достаточно. Довольствуйся им. Благодарим Господа за то, что получил и «славь Бога за то, что познал Его»⁵⁰.

Мы все получили откровение от Бога, многое узнали о Нем.

Благодарность поставляет нас, богословов, еще ближе к Богу. Так мы служим народу, ибо, двигаясь вперед, мы ведем за собой и народ, и Церковь к Господу, Который сжигает все тленное, опаляет меня изнутри. Он существует ради меня. Ибо я погибну, как только Он прекратит Свое существование во мне. Святой Григорий говорит: «Перед Господом, Который слушает меня и отвечает, перед Господом, Который сделал меня Своим богословом, Своим священнослужителем, как устоять мне?» Как нам устоять?

Моисей испытал то же самое перед купиной (Исх. 3:2–6) и убоился оттого, что его избрал Господь для передачи людям Своих Заповедей. И Бог дал ему Аарона (Исх. 4:14–16) в помощники. А у нас с вами множество «ааронов». У нас есть святые, таинства, иконы, небо и земля, все, что открывает наш ум и сердце, делает недостойных достойными, устами Божиими, богословами.

Эта легкость, это утешение, когда ничто становится всем, ибо я становлюсь богом, нас утешает, укрепляет, не позволяет умереть, сказать «я погиб» подобно пророку Исайе (Ис. 6:5), ибо не всякому дано говорить о Боге, но только чистым душой и телом. Только очистившиеся могут стать богословами. Какие именно очистившиеся? «Душу и тело очистившие, и очищающие»⁵¹.

Очищающийся? Еще не чистый? Значит, можешь приступить к очищению прямо с этой минуты. Вы видите, как Бог смягчает все, дабы мы смогли устоять и стать еще более приблизиться к Нему. «Очистись сам, затем обращай к чистому»⁵². «Не всякий – истинный богослов, но лишь очистивший свой ум»⁵³. И тут Григорий Богослов задается вопросом: «Кто же в таком случае предстанет перед Богом? И сам отвечает: «Очищающиеся – не значит очистившиеся. Они лишь идут к очищению». Он дает нам духовный стержень в словах: «Каждый может стать богословом, ибо призван стать богом, а значит и богословом».

Возлюбленные мои, мы богословы. Наше богословие – это открытие нашей личности, которая и по разуму, и по сердцу, и по желанию, и во сне, и наяву находится перед нами, наполняет наше существование Божеством. Давайте обратим наши старания к очищению, к молчанию, к познанию, то есть к занятиям богословием. Пусть наше богословское рвение напоминает рвение, которое поглотило тягу к дому Божию, к Церкви. «Мы познаем как сквозь тусклое стекло, подобно тому, как я познан».

Лишь сорок дней радовался Моисей, а ожидал этого момента веками. Нам же уготованы дни и ночи, годы и десятилетия чаяний, по воле

Божией, чтобы однажды переступить тот предел, за которым мы увидим сияние лица Божия, где сами станем Его отражением, «светом от Света».

Глава 2. Богослужение

Что же такое Церковь?

– Христос.

А что такое Христос?

– Церковь.

Церковь – Тело Христово⁵⁴

Представьте себе: царь, в порфире и короне, восседает на троне. Чуть ниже расположились придворные, с которыми он держит совет. Они обсуждают весьма важный вопрос. Их лица сосредоточены. Глядя на царя, ты восхищаешься им и одновременно трепещешь. Вдруг в решающий момент царь стремительно поднимается с места – он видит, как в зал соборов заходит его маленький сын и идет ему навстречу, но по пути падает, ушибается и пускается в слезы. Царь, облаченный в царскую порфиру и увенчанный короной – ты только что видел его, содрогался и благоговел перед ним, – в порыве тревоги и заботы спускается по ступеням и бежит к ребенку, наклоняется, берет его на руки и прижимает к себе так сильно, как только может, чтобы избавить малыша от боли. Дитя, чувствуя родительскую ласку, перестает плакать. Вот прекрасный образ Бога Отца и Его любви и заботы, являемой Своим детям.

Так и Господь увидел, что тот, кого Он сотворил Своими руками, тот, кого Он объявил царем всей твари, – человек, в одно мгновение скатился в трясины греха и покинул рай. Не мог дольше Христос, Слово Божие, взирать на падшего человека, поэтому Он оставил царский трон, оставил отеческие объятия и сошел на землю⁵⁵. Бог, Божественная природа слилась с человеческой⁵⁶: Бог и человек стали едины! Христос не просто объял человека, но уподобил его Себе, принял его в Себя Самого (Рим. 11:17 и 23). Он не только объял человеческую природу, но соделал ее Своей. И с тех пор Господь носит плотской образ, стал плотоносцем! Бог стал человеком! И человек носит образ Бога, то есть стал Богом, Богоносцем! Так Христос хватает человеческую природу, природу падшего, греховного человека, и своим Вознесением возводит ее на Небеса. Бог и человек становятся одним Телом, одним деревом, одним корнем.

Веточка, привитая к дереву, становится с ним одним целым. То же

самое происходит и с Телом Христовым. Каждый может быть привитым к древу, к корню, имя которому Христос, к Телу Христову, и стать с Ним одним. Это происходит во время Крещения: Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь (Гал. 3:27), поем мы в Церкви. При Крещении ты надеваешь на себя Божество, принимаешь Христа, соединяешься с Богом, становишься Богом! Следовательно, каждый крещеный человек становится одним Телом с Христом. Глава этого Тела – Христос (Еф. 1:22–23). Значит и я, и ты, и все мы составляем единое Тело, единое общение, единую паству, которая зовется Церковью. В этом смысл сегодняшнего праздника.

И вот теперь, мои дорогие, мы продолжаем двигаться вперед, к завершению чреды наших непростых богословских бесед⁵⁷. Мы начали от сотворения человека. Сейчас продолжаем говорить о его падении. Мы видели его у звезд, и вот он уже валяется в грязном месиве греха. Сегодня мы должны увидеть человека вновь восходящим на трон, уготованный ему Богом. Ведь Христос соделал нас членами Своего Тела, называемого Церковью.

Священное Писание говорит, что все, что было сотворено, было создано для Церкви (Быт. 1:26). Ее слава превосходит славу Небесную. Ее слава не имеет конца, потому что Церковь – это Тело Самого Христа (Кол. 1:18–24), и я, входя в Церковь, становлюсь Самим Христом. Вот насколько это серьезно! Как плачевно, когда мы, называя себя православными христианами, принадлежа к православной соборной Церкви, не понимаем, что такое Церковь. Вот несколько примеров.

Мне вспоминается один священник, который попытался разъяснить в проповедях своей пастве некоторые сложные догматические вопросы. Вскоре он заметил, что аудитория поредела. И вот как-то раз он снял очки и посмотрел на людей. Увидел одного здесь, другого там, еще кого-то поодаль. Ему не хватило мужества, чтобы их посчитать – боялся отчаяться. В следующее воскресенье утром он сказал: «После обеда на проповеди мы обсудим невероятный страшный скандал, который случился в одной большой, всем вам известной семье». До полудня все семьи города обсуждали, о каком скандале идет речь. И что за семья? Номарха⁵⁸? Мэра? Генерала? После полудня Церковь была полна. Однако все эти люди пришли не для того, чтобы услышать проповедь, но узнать о том, кто виновник скандала. Они не имели подлинного интереса, которым, как я смог убедиться, обладаете вы. Именно поэтому каждую неделю я становлюсь свидетелем того, что число слушателей не только не уменьшается, но наоборот все умножается. И я радуюсь, что сегодня вы пришли услышать проповедь на столь важную тему.

Итак, что же такое Церковь? Помните блудного сына? Его Отец – Сын Божий, Христос – увидел, что сын убежал «в страну далече» и сделался блудным. Что стало с Отцом? С этого дня Он потерял покой. Он перестал радоваться жизни. Он ушел из селения в горы, пытаясь оттуда высмотреть, не идет ли его дитя. И когда однажды сын показался вдали, Отец бросился ему навстречу и крепко обнял. Он привел сына домой и снабдил его всем необходимым (Лк. 15:11–24). Это и есть Церковь: дом, куда приводит нас Отец. Церковь – дом Божий, духовное строение, духовное жилище, храм духа, который снабжает нас всем необходимым и спасает от греха, гибели, смерти.

Давайте для примера рассмотрим другую притчу – о заблудшей овце, отбившейся от стада. Пастух оставил девяносто девять овец и встревоженный бросился в овраги, устремился в бездонную пропасть лишь затем, чтобы спасти одну. Ему страшно было потерять и одну. Когда он ее нашел, то на своих плечах принес целую и невредимую (Лк. 15:4–5). Это и есть Церковь.

Христос поднял всю овцу, всего человека⁵⁹, всю человеческую природу на Свои плечи. Когда мы, священники, надеваем епитрахиль, то делаем это подобно Христу, Который положил человека Себе на плечи, нес, принял на Себя его грехи и этим спас. В Церкви наше спасение. Церковь – дом Божий, кивот спасения. Тот, кто выходит из Церкви, теряет себя. Церковь – это стадо Христово. Вне – лютые волки (Деян. 20:29)⁶⁰, еретики, дьявол, губительный грех.

Кто есть Христос? Царь. Церковь – град Царя великаго (Пс. 47:3), новый Иерусалим. Это дворец великого Царя, его трон. Это Царствие Божие, которое продолжается на Небесах и поэтому называется Царствие Небесное. Сама Церковь, Само Тело Христа будет жить в вечности. Именно поэтому Церковь, Царствие Божие и Царствие Небесное – это одно и то же.

А вот иной образ Церкви. Церковь – это гавань. Ты видишь корабль, носимый по морским волнам. Столько опасностей ему угрожает и столько неприятелей! В прежние времена их бывало и больше. Заходит корабль в гавань – обретает безопасность. Ни пиратов отныне, ни бурь. Это и есть Церковь. Вот почему говорит один из Святых отцов, что «вне Церкви нет спасения»⁶¹. И если ты добрый христианин, и если ты честный, смиренный и порядочный человек, и если ты одарен многими талантами, а верным членом Церкви не являешься и в жизни ее участия не принимаешь, то все тщетно.

По этой причине Иоанн Златоуст, великий Святой отец и светоч

Церкви, обратился с такими словами к одному человеку, гнавшему и презиравшему Церковь: «Не беги далеко от Церкви, потому что нет ничего более прочного. Твоя надежда, твое спасение и твое прибежище – в Церкви. Она выше Небес. Она земли просторнее»⁶². Она более устойчива, чем самая высокая из гор, что ты видишь вокруг. Ее величие, слава, великолепие столь же велики, как слава, величие и великолепие Самого Христа.

Когда была основана Церковь? Прежде всех век⁶³. Прежде чем были созданы звезды и солнце, до сотворения мира. Церковь существовала всегда, ибо она есть Тело Христово, а Христос вечен. Церковь существовала в выси на Небесах, но однажды, как прекрасно сказано в Апокалипсисе, спустилась с Небес и ступила на землю, подобно невесте, украшенной для мужа своего Христа (Откр. 21:2). Когда это случилось? С Воплощением Слова произошло соединение человека с Богом. Церковь существовала и прежде, а теперь Сам Бог приходит и соединяется с человеком. Поэтому один из мужей апостольских говорит: «Церковь из всех первая была основана... и ею мир искуплен»⁶⁴. Ею Господь предуготовил спасение миру. Он сделал ее столь незыблемой, что даже если и все силы мрака обрушатся на нее, то не смогут причинить ей ни малейшего вреда (Мф. 16:18). Когда-нибудь мир состарится. Все умрет. Звезды опадут подобно осенней листве. А Церковь не пострадает ничуть. Ее юность неподвластна тлению⁶⁵. Она может обновляться благодатью Святого Духа, и когда все исчезнет, то на Небесах воссияет в венце Божества она одна и своим присутствием и славой наполнит Вселенную.

Церковь соединяет Бога и человека. Она есть новый рай, сотворенный Богом. Мы утратили земное, и Он даровал нам рай, который никогда не иссякнет, но продлится в веках.

Почему Церковь называется по-гречески «Экклесиа»? Само это слово происходит от глагола «экало»⁶⁶, что значит «призывать», и Церковь действительно призывает всех своих чад, весь мир. Христос хочет ввести весь мир в райские обители, в Свою паству, в Свою Церковь.

В Притчах рассказывается, как Премудрость, то есть Христос, послала своих слуг, и они взошли на высокую гору, чтобы возгласить на весь мир: Кто неразумен, обратитесь сюда!.. Идите, ешьте Мой хлеб, пейте вино, Мною растворенное (Притч. 9:3–5). «Все, кто не имеет попечения о мире и не помышляет о заботах тщетного мира, все, кого считают глупцами из-за того, что храните в себе Божественное помышление, – все вы, приидите и возрадуйтесь, и разделите Мою трапезу, ешьте Мои хлеба и пейте Мое вино», – говорит Премудрость, то есть Христос.

Что такое хлеб? Это то, что насыщает человека, это символ человеческой природы. Это также и Премудрость, Христос. Тело Христово. А вино? Вино символизирует духовное упоение, Святого Духа. «Приходите, – говорит Христос, – и принимайте Духа Святого так часто, как только почувствуете неутолимое желание насладиться общением с Ним».

Мы остановились на осмыслении Тела Христово. Необходимо понять, что Телом Христовым являемся мы сами. Наверное, повторение этой фразы уже утомило вас, но смею предположить, что и вы точно так же поступаете со своими детьми. Сколько раз вы им твердите, что они должны уважать отца и мать. И к тому же ежедневно даете своим детям хлеб для еды, потому что их организм нуждается в подкреплении. То же самое и с духовным организмом, которому нужно усвоить несколько вещей, чтобы преодолеть преграды в полете ко Христу.

Мы сказали о том, что сами составляем Тело Христово. Что происходит в Церкви? То, что случилось с Девой Марией. Внутри Нее свершилось Воплощение Слова. В Ней объединились Бог и человек, и родился Богочеловек Христос. Христос прошел сквозь утробу Богородицы. Церковь, невеста Христова, поступает со всеми нами подобно Богородице. Нас рождает Христами. Это таинство нашего рождения осуществляется во чреве, в утробе Церкви. Тот, кто крестится, входит в купель человеком, а выходит Христом. Повторю: «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь». Под «облечением» имеется в виду «я уподобляюсь Христу, я становлюсь Христом». Поэтому наша Церковь – это та, которая продолжает таинство рождения Христа. Своим воплощением Христос принял на Себя человеческую природу. Я же со своей стороны должен соединиться со Христом, вступив в Церковь через Крещение.

Приведу пример из жизни театра. На сцене идет великолепная постановка. Вы небогаты, и вам не хватает денег на билет. У меня доброе сердце, я с любовью отношусь к вам, и поэтому иду и покупаю билеты на всех: «Вот ваши билеты. Я заплатил за них, возьмите!» Если ты не подойдешь ко мне и не возьмешь свой билет, то попадешь ли в театр? Разумеется, нет. Я купил, но ты должен подойти сам и взять у меня билет. Это именно то дело, которое осуществляет Церковь с помощью Святого Духа. Христос Своим рождением предоставил нам всем билет в Небесный театр, где каждый может лицезреть Святую Троицу. Однако каждому необходимо иметь свой собственный билет для того, чтобы получить разрешение войти. Это происходит во время Крещения, когда тебе дают билет через соединение со Христом, когда ты становишься с Ним одним

целым. С этого момента врата рая открыты для тебя. Христос сотворил это великое чудо, даруя всем нам Свою Церковь.

И все же давайте разберемся, кто из нас принадлежит Церкви? Кто вместе со мной составляет одно Тело? Мы не можем сказать, что правая рука – моя, а левая не моя. Обе – мои. Я – единое Тело. Моя глава и мой мозг, и мои руки, и мои ноги, и мое сердце составляют одно Тело. Так что это за руки и что за ноги, которые объединены в единое, честное Тело Христа? Прежде всего пречестное, чтимое, прославленное Христом Тело клириков. Их крест – священническое служение. Порой многие люди демонстрируют свое презрительное отношение к ним или изрекают пренебрежительные фразы. Но несмотря ни на что клирики занимают верховное место в Церкви. Они – достойны, они – пастыри.

За ними следует народ, состоящий из монахов и мирян. Монахи шествуют впереди, устремляясь за наградой нетления. Это те, кто спешит увидеть Христа. Это мир, красота, слава Церкви. Каждый приукрашает свой дом приятными на вид предметами. Так и Христос благоукрашает свою Церковь. Монашеский чин, иноки, которыми «красуется церковная скиния»⁶⁷, украшается Церковью Христова, есть начатки, то есть первое отборное приношение. Они – благоухающий фимиам, возносящийся к Престолу Христа. Монашеский лик составляют «о горнем имеющие попечение и с Богом спутешествующие»⁶⁸. Монахи летают словно на крыльях архангелов. Они летят с Богом и к Богу. Это знаки Божия присутствия в мире. Горе нам, если упразднят монастыри! Это будет означать, что не осталось душ, для которых Христос – все. Уж лучше пусть разверзнется земля и поглотит нас! Уж лучше пусть погаснут все звезды и упадет солнце!

За монахами шествуют миряне, борцы и воины Христовы. Они непрестанно сражаются, ведут брань в миру с его бедами и искушениями. Миряне – дети Божии, чада Христовы, за которых была пролита Его Кровь. Господь заботится о каждом из них, чтобы враг не тронул никого.

Итак, клир и народ, живые и умершие – все они входят в Церковь Христову. Вместе с нами молятся и наш прадедушка, и дедушка, и отец – люди, которые умерли уже давно. Но они не мертвы, ибо составляют одно с нами Тело. В нашем Теле и святитель Николай, память которого мы сегодня празднуем, и Пресвятая Богородица, и святой Иоанн Креститель, и мученица Варвара, и мученица Параскева, и все святые нашей Церкви, а вместе с ними и ангелы, и архангелы, что даны нам в ограждение. Это творение, созданное Богом для служения нам.

Внутри Церкви находятся и грешники. Неужели и грешники? Да,

безусловно. Бог никогда не прогонит их, но удержит до последнего мгновения в Своем Теле, чтобы они не отчаялись и не лишились в унынии венца. «И ты, грешный человек, – говорит Христос, – все равно Мое чадо, частичка Моего Тела. Дерзай, дитя Мое, в своей борьбе и победишь. Если хочешь, то дарую тебе изобилие благодати, и в конце концов мы пребудем вместе на Небесах».

Еще в Церкви есть Христос. Он – глава. Но Он не один, а со Святой Троицей. Следовательно, в Церкви вместе с нами в единении сосуществуют Отец, Сын и Святой Дух.

Все это являет дивный мир Церкви. Когда мы собираемся – двое, трое, десять человек и епископ или иерей, который приходит от лица епископа⁶⁹, то в этом месте учреждается вся полнота Церкви. Сюда приходит Святая Троица, святой Иоанн, Богородица, святой Николай. Все святые нашей Церкви, наши предки, абсолютно все. Поэтому восшествие епископа на трон обозначает Вознесение Христа, Который возносит вместе с собой человека. Нельзя представить себе Церковь без епископа. Где епископ, там и Церковь⁷⁰. Последуем по стопам епископа, подобно птенцам за наседкой. Там – Церковь. Там – Христос. Там – Святая Троица.

Следовательно, наша Церковь – это Небесное Тело и в то же время земное, невидимое и видимое, Божественное и человеческое. Тело Христа – это мистическое Тело. Однако оно, а значит, и Церковь, имеет самое практическое назначение.

Что же такое Церковь? Христос. А что такое Христос? Церковь. Некоторые говорят: кто видел Христа? Они так говорят, потому что у них нет разума Христова. Когда ты смотришь на Церковь, то видишь перед собой Самого Христа, Святую Троицу. Как я смотрю кому-нибудь в глаза, люблюсь им и говорю: «Это мой приятель» – также и ты можешь быть уверен: когда ты видишь соборную Церковь, как мы сейчас, то в Ней – Христос. Для этой Церкви был уготован мир. Христос создал нас и возвел к жизни с тем, чтобы обратить нас в свои члены и даровать нам возможность ликовать вместе с Ним на вечном Его торжестве.

Однако сколько преследуют Церковь, сколько относятся с пренебрежением, даже возмущаются: «Откуда ты знаешь, что священники говорят тебе правду?!» Я помню, как в Пирее, неподалеку от дома моего отца, одна девочка стала часто посещать занятия в воскресной школе. Тогда в ее голубых глазах отражались просторы небес. Как-то раз ее мать побывала в Германии и вернулась оттуда неузнаваемой. Она с энтузиазмом обрушилась на дочку, стараясь изменить ее образ мышления: «Послушай, доченька, то, что говорят в Церкви, – это сказки для бедных, а

не для нас с тобой». Она, конечно, принадлежала к бедному классу, но заработав в Германии несколько марок, решила, что уже разбогатела. Каждый день мать издевалась над дочерью. Однажды, когда та читала Евангелие, мать принялась выговаривать: «А, опять со своими попами наговорила?». А девочка, – Боже мой, как Ты только терпишь нас малодушных, трусливых, никчемных! – ей было так неловко перед матерью, что она в страхе схватила Евангелие и – мне страшно это даже произнести! – швырнула его в мусорное ведро. Однако Господь сотворил чудо. Другой человек нашел это Евангелие, и оно привело его в монастырь и обратило на путь иночества.

Мне вспоминается героическая личность. Этот человек путешествовал на машине по ущельям, прижав к себе честные мощи и веруя в их богоносность, то есть запечатление печатью Святого Духа. На одном повороте он попал в аварию, и мощи упали с кручи. Этот святой человек, не раздумывая, бросился с обрыва, чтобы спасти мощи. Почему? Потому что он ощущал свою связь со Христом. Разбился? Нет. Из пропасти вернулся целым и невредимым. Он имел честное, искреннее и сильное сердце. Он не мог жить без благословения Христова.

Прежде всего мы не имеем права стыдиться нашей Церкви. Мы должны защищать Ее. Если нет Церкви, то мир с его красотами становится твоим стражем. Если ты не любишь Церковь, если не считаешь Ее своей Матерью, то никогда Бог не станет тебе Отцом⁷¹.

Второе. Церковь – это Христос. А что такое Христос? Аз есмь путь, и истина, и жизнь (Ин. 14:6). А, следовательно, если мы хотим быть подлинными членами Церкви, то должны находиться в Пути, в Истине и в Жизни. «Путь» символизирует христианскую жизнь, чистую и далекую от страстей и грехов. Это значит, что ты не принесешь в жертву Бога, Которого имеешь внутри себя, сколько бы тебе ни заплатили. Ты предпочтешь лучше умереть, чем согрешить.

«Истина» обозначает постижение нашей Церкви, ее догматов, бытия, житий святых. Да застигнет нас заход солнца за изучением не только мирских книг, но и Слова Божия! «Жизнь» – это таинства церковные, Крещение, Исповедь, Божественное Причащение.

Третье. Церковь – это Тело Христово. А значит, все мы есть не разрозненные и независимые тела, но принадлежим Телу Церкви и являемся его частями. Я – одна рука, а ты – другая. Ты – правый глаз, а он – левый. Каждый из нас – ее член (1Кор. 12:14–18). Поэтому подобает не смотреть на другого с безразличием и холодностью, но согревать его внутренней любовью. Когда у меня болит рука, страдает все тело. Давайте

чувствовать боль других людей как свою собственную. Давайте их любить. Особенно будем ласковы к бедным, страждущим, вдовицам и сиротам, больным и всем тем, кто в нас нуждается. Будем любить, уважать и почитать покровителей церковных.

Таким образом, все мы вместе образуем, формируем и развиваем Тело Христа. Как мы заботимся о нашем собственном теле, так необходимо радеть и о других, обо всей Церкви. Мы живем ради Церкви, ради Церкви проливаем нашу кровь: Усердие дома твоего пожрало мя (Пс. 68:10), говорит пророк Давид. Внутри нас горит огонь, и он не позволяет нам успокоиться. Он подобен псалмопевцу, восшедшему в Иерусалим поклониться Богу, сошедшему, видевшему храм Господень и сказавшему: аще забуду тебя, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильти язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего (Пс. 136:5–6). Так могли бы сказать и мы: «Если позабуду тебя, Церковь Христа моего, пусть язык мой пристанет к моей гортани». В страданиях мы ищем Христа. Мы – это те, кто ожидает Его пришествия, «на одно лишь небо взирая»⁷², как говорил Григорий Нисский. Мы должны идти вперед, не глядя по сторонам, устремлять свой взор только вперед, на Бога. Так наши глаза привыкнут видеть Его часто – и при свете, и во мраке. А мы, ступая по земле, головою коснемся Небес. Мы сделаемся тленными и в то же время Небесными. Мы одновременно будем и люди, и боги. Мы станем частями Церкви Христовой.

Я желаю, чтобы Христос воплотился посреди нас, дал каждому по его сердцу, исполнил все прошения, обогатил жизнь. Это сделаем не мы, бедные проповедники, но Сам Христос, для Которого мы – орудия⁷³. Он, «совершенная пища нашей природы, Дух Святой, в Котором есть жизнь»⁷⁴, существует для того, чтобы вас напитать. Он все, в чем вы нуждаетесь. Он – все, чего ни пожелаете: попуститель брани и ее венец, «распределяющий жребий» и «добрый жребий», «добрая доля» и «тебе долю дарующий», «богатый» и «богатство», «показавший тебе сокровище и для тебя сокровищем ставший»⁷⁵. Он – земля обетования, гавань упокоения, Вечное Царствие и слава, невыразимое блаженство, красоты неизреченные и незримые. «Всегда и за всех Божественная будет совершаться жертва»⁷⁶.

Слушайте беседы ангелов, созерцайте пророческие лики и апостольские престолы. Наслаждайтесь радостью мучеников и ликованием преподобных, станьте участниками непрерывного и неизреченного празднования чад Бога.

Я прочту вам один текст: «Как дивно я чувствовала себя во время литургии! Мне казалось, что я была в раю. Там – святые, Христос. Вот – Тот, Кого ты ищешь. Так поклонись Ему, поблагодари Его. Успокойся, сердце мое. Ты обрел то, что искал. Подобно человеку, идущему по цветнику, меня охватывало желание глубоко вдыхать аромат, чтобы вместить в себя Бога. Иудеи трижды в году предстояли пред лицом Господа (Исх. 23:17). Мы же благодаря богослужению имеем возможность предстояния во всякое время и во всякий час. Вот такое представление о жизни в Боге есть Божественная литургия».

Давайте рассмотрим духовный опыт, описанный в этом тексте. Когда мы идем на Божественную литургию, мы в чем-то подобны ветхозаветным пророкам, которые провидели все новозаветные события, но сами не имели личного опыта познания и полноты понимания того, что будет происходить. Пророк Давид, к примеру, и пророк Исаия, прозревав в Духе, открыли людям о рождении Христа, о Его страстях (Пс. 21:1–23; 131:11; Ис. 7:14, 9, 6–7; 52:13–14; 53:2–12), обо всем. Удивительное дело! Они пророчествовали, заступили во владения Духа, предсказали все до мелочей, но сами этому таинству были не причастны. Поэтому в Евангелии говорится: что желали видеть (Мф. 13:17) пророки и цари, видите и имеете сейчас вы. Так и мы, как пророки, переживаем это таинство Духа, не прочувствовав его хорошенько.

«Как дивно я себя чувствовала во время литургии!». Прежде всего литургия – не есть некое ощущение. Истинность литургии не зависит от наших субъективных эмоций. Сегодня служба показалась мне безотрадной, сухой, я даже не понял, какое Евангелие было прочитано. Это не означает того, что я не был на литургии. Я сегодня причастился, но не пережил ничего. Это не означает того, что я не причастился. Божественная литургия не зависит от эмоционального состояния человека, ибо оно обманчиво.

Но то, что я ощутил, по-житейски важно. Бывают ситуации, через которые мы осознаем свои чувства. Представьте: мы десять лет вместе, десять лет радуемся нашей любви, но однажды во время нашей беседы ты вдруг говоришь: «Вот теперь я поняла, как сильно ты меня любишь». – «А разве раньше ты этого не знала? Если не знала, то ушла бы от меня. На самом деле ты знала, но сейчас пережила опытно мою любовь». Сегодня твой дух почувствовал то, что у тебя всегда было, но только сейчас ты столкнулась с этим лицом к лицу, остановила свой взгляд на этом. То, что

ты сегодня поняла, как я тебя люблю, или то, что я сегодня осознал, как ты меня любишь, означает, что до этого момента ты был заключен в стенах своего собственного эгоизма и притязаниях других людей к тебе. Центром твоего существования был твой «яшка», а не я. Поэтому ты не замечал моей любви. А сегодня ты почувствовал жертвенность, дар, преданность. Сегодня ты умер, насколько смог, для себя и через это понял, что я люблю тебя, что я являюсь в некотором роде твоей жизнью (Мф. 16:25). Это и есть опыт.

«Я была в раю». Но ведь рай – это не что иное, как собрание святых. А что есть литургия? Собор святых. «Здесь Христос, святые. Вот – Тот, Кого ты ищешь. Так поклонись Ему». Сколь чудная картина! Это и есть литургия. То, о чем тоскует душа, то, ради чего мы принимаем Крещение, Миропомазание, собираемся в Православной Церкви – все это мы находим на литургии. Тот, о Ком мы читали в книгах, в Священном Писании, предстоит перед нами в час литургии.

Даже если ты Его еще не видишь, но Тот, Кого ты ищешь, уже здесь. Поклонись же Ему! Поэтому когда священник благословляет нас, мы преклоняем главы. Когда он выходит с Евангелием на Малом входе, мы снова преклоняем главы, равно как и на Великом. Следовательно, мы поклоняемся Самому Богу, всем святым, всей Церкви в ее видимых и невидимых элементах, во всем произносимом и слышимом, совершаемом и мыслимом.

И далее: «Так поклонись Ему, поблагодари Его. Успокойся, сердце мое. Ты обрел то, что искал». Чем является для человеческого восприятия Божественная литургия? Это бескровное воспроизведение крестной жертвы Христа (1Кор. 11:26)⁷⁸. Но называется не крестной жертвой, а Божественной Евхаристией⁷⁹. Почему же мы говорим: «Божественная Евхаристия», тогда как это есть жертва, приношение, молитва, славословие, Тайная вечеря? Потому что мы переживаем реальную действительность через загадку, мистически, в таинстве, живем за тусклым стеклом (1Кор. 13:12). И если мы этого и не осознаем, то каждый раз Бог призывает нас, чтобы мы благодарили Его за то, чего сами пока не понимаем.

Сколько раз Христос обращался к Своим ученикам: Еще ли не понимаете (Мк. 8:17). Еще ли не понимаете? «Понимаем, Господи, понимаем», – отвечали они Ему. Но вскоре происходило нечто, и вновь непонимание. «Не понимаете?» – вопрошал Господь. «Понимаем» – отвечали ученики. Их любовь говорила за них: «понимаем». На самом деле они не понимали.

Мы благодарим Бога за то, чего не понимаем, но среди чего живем. Неужели ты можешь объяснить, как стучит твое сердце? Или как движется кровь и образуется молоко в груди матери? Знаешь ли ты, почему человек моргает? Или как зарождается в тебе нечаянная радость или внезапная грусть? Понимаешь ли ты, как растешь? Разумеешь ли ты законы жизни и смерти? И ты хочешь понять, что происходит на литургии? Ты просто живешь во Христе. Литургия называется Евхаристией, ибо мы, присутствуя на ней, понимаем и благодарим Бога⁸⁰. Словно я говорю: Верую, Господи, помоги моему неверию (Мк. 9:24). Я вполне осмысленно произношу слова: «Господи, помоги неразумию моего сердца и ума».

А затем мы наблюдаем такую картину: «Подобно человеку, идущему по цветнику, меня охватывало желание глубоко вдохнуть». Как когда ты заходишь в сад и вдыхаешь глубоко его ароматы, так и приходя на литургию, ты реально вдыхаешь все блага Небесного рая и насыщаешься Богом.

После этого в разбираемом нами тексте содержится воспоминание: «Иудеи трижды в год предстояли пред лицом Господа». Не обязательно три раза, но как минимум (Исх. 34:23–24; Втор. 16:16)⁸¹. Они были уверены, что пришли к существу Богу. Но где же Он? Во Святая святых (Исх. 25:21; Чис. 7:89; 3Цар. 8: 6). Иудеи падали ниц и поклонялись Ему. Так и оглашенный говорит: «Поклоняюсь Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней»⁸². С юношеским пылом живет он в этот миг, широко открыты его глаза, распахнутые Духу. Так и во время литургии подлинно, не только трижды в году, но каждый раз мы предстоим в поклонении Отцу, Сыну и Святому Духу.

Я спрошу у вас: «Какая разница – понимаю или не понимаю, если я в любом случае живу в этом таинстве?». Я не понимаю, что есть жизнь. Если спросить у ученых, то и они не знают. А мы все равно живем. Живем во Святом Духе, возделываемые Отцом через Сына (Ин. 5:17; 2Кор. 5:5). Я живу, значит я имею Бога (1Ин. 5:12). Следовательно, как вдыхает и выдыхает человек по естественной жизненной потребности, так же естественно для него, вдыхая и выдыхая, поклоняться Богу – так мы делаем, когда кладем земные поклоны, говоря: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Отсюда эта простейшая, чудная, исключительная молитва, основанная на вдохе и выдохе⁸³, – есть образ и символ богослужебного собрания и нашей непрерывной жизни во Христе. Мы живем поистине, когда находимся и дышим в Церкви, потому что воздух есть Бог. И, следовательно, с дыханием входит и исходит из меня Сам Бог, в то время, как кажется, что вдох и выдох есть простые

материальные элементы. То же происходит, когда мы кладем поклоны со словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного» или когда просто на дыхании произносим эту молитву. Так советуют многие Святые отцы.

Некоторые с тем, чтобы не разрушить образец и понять больше в молитве, пользуются тем, чему учил святой Никодим⁸⁴: «На середине вдоха и выдоха произноси молитву». На середине вдоха и выдоха человек делает задержку, сосредоточивает свой ум и говорит: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя». В мгновения остановленного на вдохе или выдохе дыхания, или совершенного покоя и неведения, или, когда человек слышит лишь биение сердца, или не слышит и этого, облегчается сошествие молитвы и имени Иисусова в сердце⁸⁵. Ум прикован к сердцу, сердце сжимается, и человек ощущает муки, страдание, тепло, жар, приходят слезы, вырывается стенание, подступает чувство сокрушения, греховности, покаяния, присутствия Божия⁸⁶.

Но не возбраняется произносить Иисусову молитву и свободно, просто, без ощущений, о которых я только рассказал. Если мы молимся вышеописанным способом, то намного быстрее окрыленный ум достигнет Бога, легче соединится с Ним и стяжает умиление, покаяние и ощущение Бога. Если мы молимся по-другому, то для достижения всего этого могут потребоваться годы. Следовательно, как богослужение означает «есть Тело Христа и пить Его Кровь», точно так же и молитва есть переливание Христа через воспоминание⁸⁷. Таким образом, Божественная литургия – это значит, что «я вдыхаю и выдыхаю Троицу».

Божественная литургия подобна собору архангелов Гавриила и Михаила. Ведь собору архангелов предшествовало падение Денницы (Ис. 14:12–15; Лк. 10:18)⁸⁸, далее своего рода борьба сознания и чувства между ангельскими силами и опасностью, как бы не пали остальные ангельские чины. Перед началом этой битвы, этого сражения, перед падением Божественных, архангельских творений, ставших демонскими, стоит архангел с огненным мечом и восклицает: «Станем добре. Станем со страхом»^{89.90} Бдите, да не пасть и нам, оставшимся. Вот именно это и происходит на литургии.

Божественная литургия – это собрание, которое предвещает, которое предполагает опасность, брань, падения, но в то же время и наше спасение словами: «Станем добре. Станем со страхом». Литургии бы не было, если бы не было этой брани и этих падений. Более того, мы видим самое мелочное, а истинного не замечаем. Мы не видим не только ангелов и святых, но даже и всех опасностей, сквозь которые пробираемся. Вы

помните, что сказал Господь Петру: Симон! Симон! Се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу. Но Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя (Лк. 22:31–32). Видите, сатана сам посетил Симона Петра, и в тот день Петр, сам того не заметив, подвергся опасности утратить веру. Это понял Христос и сотворил молитву об апостоле Петре.

Каждый день это происходит и с нами. Вы не можете себе представить, какая жуткая брань ежедневно ведется в нашей душе, сколько легионы бесов нас окружают и хотят расхитить наши сердца! Сегодня подкупят нас нежностью и любовью, завтра подкинут помысел, послезавтра искушение, позднее нехватку или избыток чего-либо, потом грех, искусят деньгами, водой, едой, мясом, рыбой, латуком⁹¹ – к каждой душе найдут свой путь. Бес скрывается за всем этим. Это титаническая брань. Муки души и тела, головная боль, ноющие руки, тяжесть, давящая на спину, – все это может быть следствием нашествия демонов. От них – всякий недуг, всякая болезнь. Наша Церковь произносит заклинательные молитвы против нечистой силы (Иов 2:7)⁹². Перечитайте, что пишет Василий Великий в трактате «О Святом Духе» о состязании, которое ведет Церковь и обломках, валяющихся вокруг поля брани⁹³, чтобы понять какую войну мы ведем с силами мрака ежедневно. Какие падения мы претерпеваем, сколько раз поднимаемся после них! А ополчившись против Бога, мы становимся игрушками лукавых бесов.

Мы часто не замечаем этих поражений и брани. Как же мы сами сможем одержать победу, пребывая во сне, просыпаясь и ничего не замечая? Поэтому Сам Господь по Своему промыслу продлевает присутствие Христа в истории посреди богослужебного собрания.

Итак, ангелы не осознали опасности, но ее почувствовал архангел и стоит с мечом, взывая: «Станем добре». То же делает и наша Церковь во время богослужения. Но здесь «архангел» – тот, кто созывает собрание, Церковь; по его повелению приходят и Господь, и святые, и живые, и усопшие; он есть глава служения. Без предстоятеля богослужебное собрание не состоится. Подлинный предстоятель – епископ. Где епископ, там и Церковь. Созвать Церковь может только епископ, который является образом Христа, или поставленный на епископское место – викарный епископ, игумен, архимандрит, προϊстамен⁹⁴, иерей «с ведома и согласия епископа»⁹⁵. Таким образом, разрешение епископа есть непременное условие для служения. Иначе я стану нелегальным священнослужителем, схизматиком, попавшим в ловушку сатаны. Благодать Божия снисходит туда, где соблюдены каноны. Следовательно, в женском монастыре огромное значение имеет присутствие геронтиссы как предстоятельницы

служения и его исполнительницы⁹⁶. Без нее богослужebное собрание было бы невозможно.

Второе, на что мне бы хотелось обратить ваше внимание: мы постигаем богослужение, когда соединяемся с Лицами, которые его животворят или с празднуемым святым, или с совершаемым таинством. Из этого проистекает потребность в чтении святоотеческих сочинений о богослужении и, с особым тщанием, богослужebных книг – Октоиха, Постной и Цветной Триоди, Минеи, а также Житий святых, в которых повествуется о любимых нами угодниках Божиих, о святом, которого празднует Церковь сегодня, о Богородичных праздниках, один из которых мы отмечали вчера, о мученике, день памяти которого мы торжествуем завтра, пророка – послезавтра. Когда у меня есть кто-то, кого я люблю, то и все, что с ним связано, мне кажется любимым. Я все начинаю понимать и различать то, чего не замечал раньше. Вступая в связь с человеком, я соединяюсь с совокупностью людей и предметов.

Так что необходимо идти на службу подготовленными, уже заранее зная о событии дня. Сегодня воскресенье – я отправляюсь на встречу с Христом воскресшим. В понедельник, во вторник – я прихожу как грешник, что выражено в покаянных тропарях Октоиха. Кроме того, в понедельник я поклоняюсь архангелам, а во вторник – честному Иоанну Предтече, в среду и пятницу – честному Кресту, в четверг – святым апостолам и святому Николаю, в субботу – мученикам, Богородице и усопшим⁹⁷.

Если каждый день имеет для нас свое значение и своего святого, которого я призываю, то я, идя на литургию, чувствую себя, как будто направляюсь в хорошо знакомый дом, как любой из нас, когда идет с подарками к другу на день рождения. Нарядно одевается, украшается, радуется и всем своим видом показывает, что он направляется на день рождения и затем, ликуя, возвращается сам одаренный. Точно так же случается и на литургии. Это собрание единомышленников.

Рассмотрим еще один текст: «То, о чем я вам расскажу, я пережила час назад, на литургии. Когда служащий священник возгласил: «Благословенно Царство», я почувствовала, как отверзаются врата рая». Неужели она впервые услышала слова: «Благословенно Царство»? Но только тогда впервые их осознала. Ну а раньше, когда она этого еще не понимала, неужели врата Царствия не отверзались? Возглас: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа» обозначает открытие дверей Царствия. Завеса при распятии Господа раздралась надвое (Мф. 27:51), и стал видимым огненный трон Бога⁹⁸. Это нужно

испытать однажды, чтобы усвоить навсегда. Она почувствовала это именно тогда, когда пришла подготовленной, а не с рассеянным умом, но прежде пережив муки, радость, бдение и горячее моление Богу, дабы ей понять происходящее.

«И вот я почувствовала, как врата рая открываются, и очень умилилась. Внезапно в моем уме всплыло все то, что я вижу каждый день: монастырь, игумен, служащий сейчас литургию, церковь, где я в данный момент стою, эти дивные службы, которые я переживаю. Начиная с евангельского чтения и до конца литургии я не видела и не слышала ничего другого, кроме того, что произносилось на литургии, слезы катились из моих глаз. Я не могу выразить словами то, что я чувствовала во время Божественного Причащения. Каждый раз, когда священник произносил «Тело Христа, Кровь Христа», я реально чувствовала, что это Тело и Кровь Христовы. Я никогда так не причащалась! После трапезы мне не хотелось ни с кем разговаривать. Я быстро побежала в свою келию и оставалась одна без света, с именем Господа на устах».

«Я премного умилилась», – говорит она. Умиление – это чувство в некотором роде двусмысленное. Вот пример: ты все глядишь и глядишь на одного человека, а он смотрит в другую сторону. Тогда ты огорчаешься: «Он меня не любит, он вообще на меня не смотрит».

Позднее ты идешь на вечерню и задаешься вопросом: «Но все же любит ли он меня?». В это время певчие поют Господи, воззвах... да исправится молитва моя... положи, Господи, хранение устом моим (Пс. 140:1–3). Твои чувства соединяются с песнопениями, которые возсылает Церковь Христу, и так создается дивная покаянная атмосфера. Почему? На самом деле потому, что ты почувствовал, что он тебя не любит, потому что на тебя не взглянул. К примеру, я молюсь о моей матери, чтобы Господь сохранил ее, я плачу, разговаривая с Богом. На самом же деле я проливаю слезы ради матери, а не ради Бога. Это не всегда ясно. Однако каждый должен давать себе в этом отчет. Умиление человеческое отлично от Божественного умиления.

Обратите внимание: наши чувства лишь тогда подлинны в Церкви, когда нет никаких посторонних мыслей, желаний, человеческих ран. Когда мы ощущаем себя задетыми, забытыми, уязвленными – все наши эмоции ложны. Умиление, которые мы испытываем, – не от Бога, но мы сами себя ласкаем. Если же у меня нет вожделения, если я не ощущаю себя расстроенным, оставленным, когда прихожу в церковь в радостном и мирном расположении, тогда мои чувства глубоки и надежны.

«И внезапно, – говорит она – я представила себе все, что переживаю

ежедневно». Это есть объединяющая сила богослужения. Нас связывает место и время. Поэтому тот, кто поистине молится на литургии, чувствует объединение со всеми людьми, со своим духовником, с игуменьей, с сестрами, с миром, с грешниками, мертвыми, святыми⁹⁹ и, кроме того, со всем временем. Литургия есть подлинное излияние Божественной благодати и раскрытие нашего ума. Это то, о чем мы говорим: «Возсияй в сердцах наших... свет лица Твоего»¹⁰⁰, просвети наш ум и наше сердце, чтобы мы могли видеть. Таким образом, она подошла к основному значению богослужения, литургии. Возгорелось ее бытие, и исчезло одиночество, недостаток.

Отметим и еще кое-что из сказанного ею: «После трапезы мне не хотелось ни с кем разговаривать. Я быстро побежала в свою келию и оставалась одна без света, с именем Господа на устах». Зачем нам дано свободное время после службы? Чтобы отправиться в свою келью. Если вы видите, что кто-то после службы идет пообщаться с другим человеком, то очевидно, что он ничего не понял в час богослужения, и не важно, причащался он или нет, были ли у него слезы или нет. Человек, имеющий связь с Богом, всегда ищет уединения – не душевного, меланхолического, тягостного, скорбного – это ощущение человека, который ждет признания и имеет радужное расположение. Он хочет скрыться, убежать далеко от человеческих глаз, чтобы не потерять сокровище¹⁰¹.

Когда ты получаешь письмо от человека, которого сильно любишь и ждешь, то тотчас начинаешь его читать. Если кто-то в этот момент стучит в дверь, ты не говоришь: «Войдите», но молишься, чтобы перестали стучать. Зачем? Чтобы не видеть человека, который может прервать чтение письма. То же самое случается и с любимым, кто почувствовал Христа во время богослужения. Ему не хочется ни с кем разговаривать, но сразу же удалиться в келью, и это есть свидетельство подлинности богослужения.

Наша жизнь истинна лишь тогда, когда имеет признаки молчания, покоя, радостного одиночества, уравновешенного общения¹⁰². Нужно любить всех, чувствовать всех, трепетать за всех людей. Когда я молюсь за литургией по-настоящему, соединяясь со Христом, я соединяюсь со Вселенной. Это невозможно, чтобы настоящая любовь была неистинной. У меня больше нет врагов, зависти, ненависти, страстей. Все это брошено в Святую Чашу и омылось в ней, остается лишь глубокая моя любовь к Богу и людям, как нечто невероятно сильное, как Тело Христово. Вот это богослужебный собор, который мы совершаем. И печатью служат слова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Эти слова

произносит мое сердце, сердце, видимое благодаря Телу и Крови Христа. Это есть богослужебный собор, который мы совершаем.

Наше богослужение, наша литургия существуют как высшее проявление нашей молитвы и отправная точка к продолжению молитвы. Только тот, кто молится и держит имя Иисуса на устах перед тем, как пойти в церковь, может сказать, что он полноценно участвует в литургии, что он все понимает. А для этого мне необходимо встать пораньше на час, два, три и поклониться Богу, помолиться Ему, преклонить колена, исследовать и распахнуть свое сердце, высказать свои желания, взлететь к Небесам, произнести слова Иисусовой молитвы. После я отправлюсь в храм и достигну высшей точки моей молитвы. Затем я вернусь к себе в келию и продолжу молитвенное общение со Христом, непрестанно повторяя Его имя.

Понимаете ли вы, что литургия есть переживание Бога в нас самих, победа Христа, определенность в жизни. Как говорится в Ветхом Завете, всесильное Твое слово, сказанное в ночи, содержащей все (Притч. 18:14–15), внезапно. И подобно оно всаднику, спустившемуся с неба и упавшему на врагов, и победившему всех. Или царю, который наносит удары своей саблей направо и налево, сокрушает главы врагов, все падают замертво к его ногам, и выходит победителем на своих колесницах (Пс. 109:5–7). То же происходит и на Божественной литургии. Это победа Христа в наших душах и в Церкви, и в обществе, во времени и пространстве. Следовательно, что же такое Божественная литургия? Это умное и истиннейшее именование Бога. И вышел Он как победоносный и чтобы победить (Откр. 6:2). Мужайтесь! (Ин. 16:33). Живите с вдохновением победителя! Девица, не задыхайся! Сердце, бьющееся в твоей молодости, не беспокойся, одержишь ли ты верх или будешь побеждено. Ты уже победил! Потому что победил Христос! Победа – Бога. Наша глава, Христос, одержал верх. Врагам нанесено сокрушительное поражение.

Не следует сомневаться юноше, который приходит ко Христу, в том, одержит он победу или нет. Господь – победитель. И пусть он насладится победой над смертью и оставит славу Начальнику жизни (Деян. 3:15). Христос вышел как победоносный и чтобы победить (Откр. 6:2), говорит Иоанн Богослов. «Победоносный». Вышел, как победитель на войне. Он одержал верх над язычниками, мраком, отчаянием, бесами всем. Но также сказано: «Чтобы победить», то есть чтобы продолжить свои победы. Это значит, что существует один образ победы – Божественная литургия. Ты продолжишь шествие на своих колесницах (Пс. 67:18–19), завоевание наших душ, наших страданий, страстей и мрака. Поэтому Божественная

литургия значит то, на что ты надеешься, то, что приближает Бога, то, чем возможно насладиться на Небесах, – все это ты имеешь здесь неподверженным перстности.

Дальше Иоанн Богослов говорит: «Дерзай, дочь!», ибо победил Христос. Задумаемся, какой смысл заключен в этих словах, если мы еще не понимаем, если мы молоды и не знаем этого! Победил Христос. Чувствуем ли мы или нет во время присутствия на литургии, молитвы и причащения, какой смысл в этих словах? Все это заключено в нас самих.

Так вот, чада мои, давайте жить мирно, смиренно, внутренней духовной жизнью, угодной Богу. Давайте жить прежде всего в глубине духа, то есть в молчании ночи. Тогда мы приобретем опыт жизни во Христе и ощущение богослужения.

Ни у кого так не сияют глаза и нет счастливее того, кто после дивного богослужения идет в свою келию и там продолжает общение с Христом! И если он спит, то и во сне помнит о Христе. Если творит Иисусову молитву, то и в этом случае он помнит о Спасителе!

Краткое изложение Божественной литургии¹⁰³

Сколь радостно, мои дорогие, было молиться за сегодняшней литургией! Мы закончили – еще не рассвело. И, думаю, что сейчас самое подходящее время поговорить вот о чем: много раз вы жаловались мне на то, что у вас нет чувства удовлетворения после литургии, вы не можете принимать ее с благодарностью, не понимаете происходящего, с трудом молитесь. А в другой раз с радостью мне сообщали: «Я сегодня так хорошо помолился за литургией! Я прожил эту литургию».

Поэтому давайте разберемся, в каком случае мы можем сказать, что прожили литургию, а когда это всего лишь пустые слова. Да, мы молимся за литургией, но о чем? Или, скорее: что нам дается на Божественной литургии? О чем мы должны просить? Какой результат укажет нам на то, что молитва услышана?

Несомненно, что конечная цель Божественной литургии – это участие в Божественной жизни, это дар и воздаяние; мы даем и мы же получаем. Что же мы даем? Дары, «Твоя от Твоих». Это Божии Дары; их-то мы и отдаем Ему. Они – Его собственные, и их мы Ему приносим¹⁰⁴. Мы приносим Ему хлеб и вино. Для чего? В древности иудеи совершали приношения Богу в виде жертв: золотой и серебряной утвари¹⁰⁵, начатков (Исх. 22:29–30; 23–19), то есть первых плодов от земли, от животных¹⁰⁶ и от всего, чем питается человек.

Мы же не совершаем приношений такого рода, но приносим хлеб и вино – то, что есть у каждого человека и служит ему основной пищей, то, что обеспечивает нашу земную жизнь¹⁰⁷. Приношение хлеба и вина, то есть того, что наилучшим образом подходит для насыщения человека, символизирует приношение нашей собственной жизни, тленной, земной, временной. Мы приносим тленное, чтобы стяжать вечное, вечную жизнь. За наше даяние нас ожидает воздаяние от Христа: Он предает нам Свою собственную жизнь – Свое Тело и Свою Кровь¹⁰⁸.

Об этом прекрасно сказал святой Николай Кавасила¹⁰⁹: «...и хотя Бог дает нам всякую святыню даром, мы же ничего святого Ему принести не можем, ибо наши дары лишены благодати»¹¹⁰. Что бы ни даровал нам Бог – все: и успехи на стезе своей духовной брани, и добродетели, и благочестивые намерения, – все это святое; всякий дар совершенный (Иак. 1:17)¹¹¹ нам дается Богом даром. Своего же, чтобы принести Богу, мы не имеем ничего, ибо все происходит от Него.

Но для того, чтобы совершилось это воздаяние, конечная цель Божественной литургии, и осуществилось в нас то, что произошло со Христом, в Котором благодаря такому воздаянию соединились Божественная и человеческая природа¹¹², нам должно хорошо подготовиться. Без предварительной подготовки литургия для нас пройдет впустую. «Он настоятельно требует от нас того, чтобы мы были способны и принять святыню, и сохранить; людям, не приготовленным к сему, Он не подал бы освящения»¹¹³, говорит в другом месте своего сочинения Кавасила. Да, Господь предоставляет нам все, но Он хочет, чтобы мы были способны воспринять Его святыню и Дары и достойно их сберечь. Поэтому для того, чтобы Он их предоставил, нам нужно настроить себя надлежащим образом. И поскольку «необходимо, чтобы мы приступали к принятию Таин с достойным ответом за свои прегрешения и приготовлением», то один из святых нашей Церкви, автор Толкования на Божественную литургию¹¹⁴, разъясняет, что мистическое и практическое приготовление к Причащению осуществляется и во время самой Евхаристии. Каким же образом? С помощью молитв, псалмопения, чтения из священных книг и всего, что произносится и совершается¹¹⁵.

Тогда в чем заключается наше личное приготовление? Мы готовим свое сердце вместить Божество. А как к этому нас готовит литургия, и чем именно она нам помогает? Что должно испрашивать у Бога, чтобы, получив, не сомневаться: готовы ли мы принять Тело и Кровь Христа или еще нет?

Этот вопрос, чада мои, занимает нас сейчас, и в нем попытаемся мы

разобраться. Подспорьем нам станут творения святого Николая Кавасилы, слова которого я вам уже приводил чуть раньше, чтения сегодняшнего Апостола и Евангелия, текст службы¹¹⁶.

Первое, что мы получаем во время литургии, – это отпущение наших грехов. Это действительно так. Каким же образом, спросите вы. Прежде всего через молитвы, которые возносит к Богу священнослужитель и которые обладают великой силой. Дивный смысл их сокрушает наши окаменевшие сердца, заставляет ощутить свою греховность. Воссылаемые молитвы делают Господа милостивым. Он принимает эти прошения, ибо Сам обещал, что наша молитва будет услышана. Во всех молениях мы просим Бога о прощении. Возможно ли, чтобы не внял Он нам в этот страшный час совершения священнодействия? Конечно, нет, Он слышит и отпускает наши грехи¹¹⁷. Так задумаемся о своих прегрешениях и постараемся разбить черствость своего сердца, чтобы получить прощение.

Второе, что мы приобретаем, – это возношение нашего ума и сердца к Небесам. В час литургии¹¹⁸ мы живем не на земле. Смотрите сами – вот как поется на утрени в одной их стихир на стиховне: «Твоим Крестом, Христе, едино стадо бысть ангелом и человеком, и во едином соборе Небо и земля веселится, вопия: Господи, слава Тебе»¹¹⁹. «Твоим Крестом, Христе» – Крест воздвигается без пролития крови в час Божественной литургии, которая есть изображение жизни Христа, его Крестной смерти – «Твоим Крестом», а следовательно, и Твоей литургией образуется «едино стадо, едина Церковь». Ангелы, архангелы и люди, Небеса и земля соединяются. Все становится Небом. Все и вся смешивается, все и вся вкупе славят восседающего на троне Христа.

Таким образом, литургия – это собрание паствы, всего Божьего творения: ангельского, духовного и человеческого миров. Это сотворение Небес духовных, перед красотами которых меркнут красоты мира с его земным небом.

И если ты однажды пережил во время литургии эту истину, почувствовал духовные Небеса, то тебе уже никогда не будет по-настоящему хорошо на земле. А тот, кто умеет довольствоваться нашей тленной жизнью здесь, в миру, тот не благонадежен для Царствия Божия (Лк. 9:62). Стоя на литургии, ты делаешься чуждым для мира. Радуйся, ибо имя твое записано в Царствии Небесном. Желание возгорается в твоём сердце, и ты становишься гражданином Царствия Божия (Фил. 3:20). Это трудно постичь человеку, но именно в этом заключается Божественное делание.

Когда ученики Христа ушли, как мы читали в сегодняшнем

Евангелии, радуясь тому, что Господь сотворил многие чудеса, несли благовестив, обращали души ко Христу, сокрушали демонов со словами: «И демоны нам послушны, Господи», что Он им на это ответил? Не радуйтесь всему этому, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах (Лк. 10:20). Эту благодать трудно получить. Однако это то реальное благо, которое мы можем приобрести.

О том, что такое литургия, сказано: «стань и ты избранным, и да будешь причислен к жителям Царствия Божия. Тоскуй более всех благ о Небесах, причастии к ангелам и людям, которые там радуются, славословя Бога».

Третье, что мы получаем через литургию, – это освящение¹²⁰. Только в святых людях обитает Бог и только с ними имеет общение. «Яко свят еси, Боже наш, и во святых почивавши»¹²¹. Поэтому мы непрестанно молим Его об освящении наших душ. Что же это такое и как происходит? Освящение – это наше отречение от мира и всего мирского. Святой – это тот, кто отошел от мира и посвятил себя Богу (Ис. 52:11). Следовательно, на литургии мы отчуждаемся от мира и желаем всецело принадлежать Богу. Уже само такое добровольное желание нас освящает. Оно же помогает нам стяжать и другие добродетели, необходимые для освящения.

Литургия – есть наш дар, наше повторяющееся приношение Богу, подтверждение договора, подписанного нами при Крещении и Миропомазании¹²². Приходя на литургию снова и снова, каждый из нас обещает: «Господи, я вновь отдаю себя Тебе».

Мы освящаемся через Причастие Телу и жизни Христа. На литургии собирается народ Божий. Участвуем в ней и мы с вами, а значит, вступаем в общение с Богом. И святость Бога перетекает в нас, и мы делаемся частью Христа, сами становимся Христом. Он – наша Глава, а мы – Его Тело. А поскольку Голова свята, то и мы освящаемся как члены Тела (1Кор. 12:27), плоть от плоти и кость от кости Его (Быт. 2:23. Эф. 5:30).

Мы участвуем в Его жизни. Как это понимать? Литургия есть молитва, дар и воздаяние¹²³, а также воспоминание¹²⁴ и повторение жизненного пути Христа. Христос незримо стоит перед нами. Прежде всего «мы созерцаем здесь образ Христа, Его дела в отношении к нам и Его страдания. Ибо в псалмах и в чтениях, и во всем том, что совершается священнослужителем во всем последовании священнодействия, изображается домостроительство Спасителя»¹²⁵.

Следовательно, все Божественное тайноводство есть образ самого Тела Христова. Божественная литургия – это повторение в том же месте и в то же время пребывания Христа на земле. Вся Его жизнь проходит перед

нашими глазами. «Все, совершаемое на Божественной литургии, относится к домостроительству Господа. Видимое для наших глаз изложение тех событий совершается ради того, чтобы освятить наши души и подготовить нас к принятию Святых Даров». Своей жизнью на земле Христос даровал воскресение всем людям. Поэтому и до сего дня «с усердием изображенная»¹²⁶ жизнь Христа открывает нам путь в Его жизнь.

Все, что читается и совершается на Божественной литургии, прежде имело некую практическую цель. В более поздние века появилось еще одно назначение – изобразить жизнь Христа. Эти две цели друг друга дополняют. Так, перенесение Евангелия в древности происходило по необходимости¹²⁷. Теперь же мы воспринимаем это действие как явление Самого Христа. Другой пример: одежда, которую мы носим, служит вполне реальным нуждам – прикрывает нашу наготу, защищает от холода или зноя и вместе с тем свидетельствует о возрасте, статусе, характере человека; также и священные облачения¹²⁸. Наконец, есть в литургии действия и слова, являющие жизнь Христа, исключительно символического характера¹²⁹.

Поэтому во время литургии наши духовные очи должны быть непрестанно обращены к тому, что произносится и совершается. Таким образом, мысленно приобщаясь к жизни Христа таинственно, мы сможем вместить и реальное к ней причастие. Лучше всех других средств подготовки, «добрее... и Божественнее воздействует на душу»¹³⁰ сама Божественная литургия, и именно она делает нас достойными принятия Тела и Крови Христовых¹³¹.

Четвертое благо, которое дарует нам Божественная литургия – это безграничная любовь к нашим ближним, к нашим братьям¹³². Апостольское чтение призывает: Приветствуйте друг друга лобызанием любви (1Петр. 5:14). Такое целование воздавали друг другу древние христиане. В наше время эта традиция уже вышла из употребления. Но можно хранить ее внутри себя, зорким сердцем обнимая друг друга. Приходить на литургию подобает со всей полнотой любви к другим людям и единения с ними; во время службы просить о приумножении этих добродетелей. Как человеку соединиться со Христом, если он разобщен с членами Его Тела?

И наконец, Божественная литургия через приготовление, которое мы осуществляем внутри себя, укрепляет нашу веру. Имеющий сильную веру возлагает все свое упование, все печали и скорби на Бога¹³³. Мы приходим на литургию не для того, чтобы попросить Его о чем-либо, и не затем,

чтобы разрешить свои личные беды, но обрести Христа. Согласно апостольскому чтению, которое мы слышали сегодня, мы во всем полагаемся на Бога, все заботы возложивши на Него (1Петр. 5:7)¹³⁴. В этом уповании мы похожи на того, кто бросается в море и пускается в путь по воле волн. Такой человек приобретает отвагу и «оправдания», получает свободу положиться во всем на Бога во время Божественной литургии. А когда мы полагаемся на Бога, то для нас делается реальной возможность обожения, ибо Он начинает жить в нас. Тогда уже Он Сам руководит нашей жизнью, упорядочивает ее внешние и в то же время духовные нестроения. Бог же всякой благодати, призвавший нас в вечную славу Свою во Христе Иисусе, Сам, по кратковременном страдании вашем, да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми (1Петр. 5:10). Сам Христос принимает на себя ответственность за нашу жизнь, Он дает нам силу, Он поддерживает нас, учит и совершенствует. Он все принимает на Себя.

Итак, мы сказали, что во время литургии нам даруется оставление грехов, обращение ума ввысь к Горнему, освящение, соединение в совершенной любви со всеми; укрепление веры и возложение жизни на Бога.

Все это мы получаем по молитвам, которые произносим вначале. Помогают и псалмы – особенно псалмы антифонов, из которых сегодня читаются только избранные стихи, те, которые повествуют о Христе¹³⁵. Блаженны, что следуют за антифонами, а также апостольское и евангельское чтения, рассказывают о любви Божией и Его делах, побуждают к соблюдению Его Заповедей.

Через все видимое и совершаемое на литургии мы получаем возможность сделать свои души добрее и прекраснее. Именно поэтому святой толкователь литургии призывает нас: «Да убоимся Спасителя, милующего нас, и да доверим Ему наши души». Давайте вверимся Ему, «предадим Ему свою жизнь и воспламеним сердца огнем любви к Нему; а затем, достигнув такого состояния, безбоязненно, уже как свои, приступим к пламени Святых Таин»¹³⁶. Вверяя свои души Богу и предавая Ему свою жизнь, воспламеняя свои сердца огнем любви к Нему, мы становимся через это пригодными для того, чтобы «безбоязненно, уже как свои, приступить к пламени Святых Таин», опытно прикоснуться к их огню. И в эти мгновения, когда мы своим реальным опытом прикасаемся к жизни Христа, Он входит в нашу жизнь. И лишь тогда Божественная литургия дарует нам через причастие Святых Таин, причастие Божеству – обожение.

Кусочек хлеба, которому предстоит пресуществиться в Тело

Христово, вынимается из просфоры¹³⁷. Мы приносим Господу не всю просфору, но ее часть. Просфора изображает человеческую природу, наше тесто, приготовленное для обожения¹³⁸. Так давайте же оставим свое человеческое тело для обожения, для Бога. Принося Богу «вместообразное»¹³⁹, мы приносим себя самих. Образ честных Тела и Крови Христовых предлагается Господу на Проскомидии, и только потом на Великом входе их, уже как жертву, переносят на престол. Так соделаем себя даром избранным, даром особым, даром, преданным в руки Божии, даром, который мы не стремимся получить от Него обратно. Отдавая себя безвозмездно Господу, мы единственно можем приближаться и обходить Его жертвенник (Пс. 25:6), приносить все свое существо – ум, душу и сердце как жертву, живую, святую и благоугодную (Рим. 12:1). Ведь наше существо нам даровано Богом. Поэтому мы – в долгу перед Тем, Кто никогда не перестанет быть Главой и Основанием нашей жизни, нашей целью.

Божественная литургия¹⁴⁰

Сегодня, мои дорогие, я совершаю большое дерзновение. Я попытаюсь говорить о том, что превосходит все мои силы. Однако я это сделаю из любви к тем, кто столько раз с горячими взорами внимательно выслушивал меня в этом священном месте.

Тема нашей беседы – духовная жизнь. Та жизнь, которая вдохновляется, руководится, направляется, действует Святым Духом. Это шествие на Небеса. Человек, который ведет такую жизнь, хоть и по земле ступает, но в то же время восходит на Небо, торжествует на Небесах. Его колесница – крылья Святого Духа, а его цель, стремление, пульс, ежедневное попечение – Небеса.

Как часто, живя в удовольствиях и размениваясь на мелочи, которые поглощают нас, мы забываем о Небе! Житейские попечения, словно магниты, притягивают сердце, и поэтому Небо нам кажется далеким и недостижимым. А если к тому же человек никогда не имел духовного опыта, не ощущал в нем потребности, не обращал свой взор и сердце горé, то опасность возрастает. Когда ты слышишь рассказ о каком-то человеке, то можешь почувствовать радость и стремление к нему. Однако если его не увидишь, то, вероятно, о нем позабудешь. А если увидишь, то скорее всего полюбишь его всем сердцем, прилепишься к нему и навсегда удержишь в своем помышлении. Так и с Небесами. Давайте на мгновение обратим свой взор к Небесам, взглянемся в их просторы, красоту, радость и

величие! И тогда все труднее будет нашей душе позабыть о них.

Что сделали израильтяне, когда хотели войти в Иерихон, куда так долго стремились? Они знали, что город огражден высокими и неудобовосходимыми стенами. Израильтяне послали разведчиков принести плоды от той земли. Посланные возвратились с огромными гроздьями винограда (Числ. 13:1–25), что принесли из сокровищ ее, принесли из жемчужин ее, принесли из красот ее. Когда израильтяне увидели это, сердце их пленилось, и сказали они: «Мы победим врагов». И устремились они к стенам, и с Божией помощью сокрушили их, и ворвались в город (Нав. 6:1–20). Вот если бы так и нам распахнуть окно в Небеса, полюбоваться на дивные неземные пейзажи и, если пожелаем, шагнуть вперед, войти внутрь и, увидев, какова жизнь там, сделать ее своей собственной.

Повторю, сегодняшняя моя проповедь дерзновенна. Удастся ли моя попытка? Я предупредил вас, что и сам страшусь. Молитесь, чтобы Господь вразумил меня и отворил ваши сердца для постижения того, что я не смогу выразить словами.

Если у тебя есть желание во всех подробностях рассмотреть какое-либо место дивной красоты, что расположено за горой, что ты сделаешь? Ты поднимешься на одну из вершин и оттуда обымешь взглядом ту прекрасную местность, куда стремился. Так поступим и мы. Ведь мы пришли в храм, в церковь Божию, туда, откуда лучше всего можно лицезреть Небо, освещаемое и украшаемое не вечерним светом Трисятельного Божества.

Церковь, дорогие мои, где мы собрались сегодня, и каждая церковь есть отпечаток, образ, маленькая частичка самого Неба. Когда мы стоим в храме, то истинно чувствуем, что пребываем на Небесах. Почему наверху, над нами, возведен такой огромный купол? Для того, чтобы мы возвышали свое сердце горе. Зачем нужны Царские врата, которые отверзаются во время литургии? Затем, чтобы показать нам, как отверзаются Небеса. Для чего же на них столько крестов и наверху изображен Христос – священник? Чтобы объяснить нам, что, находясь в храме, мы переносимся на Небеса. Мы мистически и вместе с тем абсолютно реально переживаем Небесные мгновения.

Именно поэтому Григорий Палама учит, что Церковь «расположена высоко, будучи ангельским и надмирным местом». Ангельским и надмирным является то место, где мы собраны. «Храм, – говорит он нам, – возводит человека на Небеса и... представляет Самому «еже над всеми» Богу»¹⁴¹. Церковь принимает нас, возводит на Небо и приводит к Самому

Богу. Но осознаем ли мы это? Рождаются ли в нашей душе подобающие чувства, когда мы приходим в храм?

Ведь что такое мы, люди? Мы знаем все породы собак и лошадей, разнообразные виды растений, марки автомобилей, радиоприемников, но зачастую не замечаем того, что непосредственно связано с нашей жизнью. Поэтому мне бы хотелось, чтобы вы серьезно отнеслись к тому, о чем я говорю вам сегодня.

Все, что есть вокруг нас – бездонные глубины океанов и небесные высоты, тысячи и мириады звезд, – все это, если хорошенько подумать, так далеко отстоит от богатств нашего мира. Вы видели не раз, как в один день разрушают старые здания, чтобы на их месте возвести многоквартирные дома – точно так же в прах обратится все сущее в этом мире. Не останется ничего, лишь духовное Небо, где Христос. Так туда и нужно устремить свои взоры.

Мы стоим в церкви. Отсюда лучше всего можно разглядеть Небо. Но где же окно? И как его открыть? Оказывается, очень просто. Окно есть Божественная литургия, которую мы служим. Однако, когда речь идет о столь тонких духовных материях, нам надобно обратить свои души к Святому Духу и просить Его направить луч света во мрак нашей мысли и осветить ее, чтобы мы почувствовали, поверили, поняли и с пользой восприняли все то, что совершается, произносится и слышится на Божественной литургии.

Вы с таким трудом приблизились к сокровенному. Так стойте прямо и держитесь стойко. Ваш труд не должен пропасть даром. Нужно призвать Святого Духа, и пускай ни одна мысль не останется нами не понятой. Мы не уйдем отсюда, пока наши сердца не поклонятся Богу, а мы сами не почувствуем, что наши души устремились к Небесам и увидели все, происходящее там.

По окончании беседы вы поймете то, о чем говорил один святой нашей Церкви: «Теперь душа моя уязвлена, и не могу стерпеть Твоего пламени. Воспев Тебя, к Тебе я направляюсь»¹⁴². «Боже мой, – говорит святой Иоанн Лествичник, – я увидел Тебя, услышал и почувствовал рядом с собой. Ощутил, как Ты пронзаешь мое сердце Своими стрелами, обжигаешь мою душу, воспламеняешь огонь, который я не в силах стерпеть. Поэтому я пою Тебя и устремляюсь за Тобой. Ибо Ты – Тот, Кто научает истине».

Итак, окном для нас служит Божественная литургия – нечто, столь хорошо нам знакомое, то, к чему мы привыкли с детских лет и чему нет подобного на земле.

Как начинается литургия? «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь». Почему именно это возглашает иерей? Что он этим хочет сказать? Перед нами Христос открывает изумительное зрелище: некое Небесное видение предстает нашему взору. Перед нами Христос отверзает свое Царствие. Так, когда ты идешь в магазин и продавец показывает тебе ткань, ты ее трогаешь, берешь в руки, проверяешь на прочность, разглядываешь, любишь ее красотой и затем говоришь: «Да, я ее покупаю». То же самое делает и Христос на литургии. Перед нашим взором Он распахивает врата Своего Царствия, чтобы мы могли его рассмотреть, ощутить, им насытиться и сказать: «Для своей жизни я выбираю это». Но такие ли чувства возникают в нашей душе?

Осознание этих слов приходит к священнику на проскомидии¹⁴³. Сильно-сильно бьется его сердце. Это состояние, близкое к ослеплению, подобно тому, что испытал апостол Павел на пути в Дамаск, увидев Христа (Деян. 9:3–9). Духовными очами видит иерей совершающий проскомидию ослепительный свет Христов. Поэтому из его преисполненной восторгом груди вырывается: «Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа». Слава Твоя во Царствии Твоем, Христе мой, исполняет Вселенную. Вы видели, как наряжают невесту для свадебной фотографии, когда ее огромная фата заполняет всю комнату, и подол платья покрывает пол. Это делают для того, чтобы всем продемонстрировать славу и красоту девушки. Так и Церковь Христова в час литургии заполняет все пространство пред нашими очами.

Что это за благословенное, прославленное, «честное», высшее над всеми Царствие? Это Царствие Небесное, Царствие Божие. Это рай, куда нас поместил Христос. Это святая наша Церковь. Царь есть Трисиятельный Бог, Отец, Сын и Святой Дух. Служители Царя – ангелы и архангелы, престолы, начала, власти, господствия, силы, многоочитые херувимы и шестикрылые серафимы. Воины Царя – святые. Царица – Госпожа Богородица. Верные воины – христиане, готовые следовать за Христом, что бы им это не стоило, все те, кто готов носить Его честное имя, все те, кто образует Церковь Христову. Все – Сам Христос, святые, Богородица, ангелы, верные христиане всех веков в час литургии собираются вместе.

А поэтому, когда священник произносит: «Благословенно Царство Отца», он забывает себя, свой дом, забывает мир – все то, что видит, и прилепляет свое сердце и помышление к тому, что в этот час постигает – к тайнам невидимым, которые ему открывает Христос. Именно поэтому, опытно чувствуя славу Небесного Царя Христа, он с дрожащими

коленими, душой, которая вот-вот прогнется под тяжестью ответственности, и глазами, погруженными в таинство Царствия Небесного, произносит с трепетом: «Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение». Тебе, Христе мой, Который столь славен, Который доносим¹⁴⁴ столькими святыми и ангелами, Тебе подобает слава, честь и поклонение. И вот – перед нами вся Церковь. Перед нами – Истина, явственно и мистически Христос! Ибо где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них (Мф. 18:20) – говорит Христос. Это происходит в час литургии.

Таким образом, что есть литургия, которую мы служим? Вы видели, как на белом киноэкране некая фигура, появившись вдали, сперва кажется точкой, но постепенно, приближаясь, увеличивается и в конце концов становится хорошо различимой. Так и на литургии. Перед нашими глазами шаг за шагом открывается Христос и Его Царство.

Тогда Христос учил, и по Его слову хромые вставали и ходили, слепые прозревали, мертвые восставали от гробов. Сейчас, в час литургии, все это снова предстает перед нашими взорами. Мы это не просто воображаем, но на самом деле посреди нас ходит, посреди нас обитает Он – Учитель, Пророк, Чудотворец. В этот час Он – перед нами, Христос распятый, воскресший и вознесенный.

Все то, что мы видим здесь в храме, – паникадила, священника, святой престол, Евангелие, честные Дары, Малый и Великий входы, – все это знаки присутствия Христова.

Следовательно, во время Божественной литургии мы продолжаем дело Христово. Каждый раз вновь и вновь приходит к нам и Он Сам. Это говорится и в молитве: «Иже горé со Отцем седяй, и zde нам невидимо спребывай»¹⁴⁵. Он – наверху на Небесах и в то же время незримо соприсутствует здесь. Поэтому священник перед приобщением Святых Таин смотрит на Него духовными очами и обращается к Нему на Ты: «И сподоби державною Твоею рукою преподати нам пречистое Тело Твое и честную Кровь»¹⁴⁶. Ты, Христе мой, Своей державной и нестареемой десницей, преподай мне пречистое Твое Тело и честную Твою Кровь. Кто имеет духовное зрение, тот ощутит, что перед нами – Сам Христос. Как ты поступишь, если увидишь рядом с собой человека, которого любишь? Ты бросишься к нему. Литургия – есть движение, бросок, попытка прикоснуться ко Христу, ухватить Его за край хитона.

Вы помните Марию Магдалину? Когда она поняла, что возле нее Сам Христос, то сказала Ему – «раввуни», учителю мой, и поспешила коснуться Его одежды, Его тела (Ин. 20:16–17). Вы помните кровоточивую

жену? Там, где толпы обступили Христа, она прошла и дотронулась до Него с верой и страхом (Лк. 8:42–48). Помните Фому? Он вложил свои персты в раны Христа и воскричал: Господь мой и Бог мой (Ин. 20:27–28). Это делаем и мы в час литургии. А после спрашиваем: «Где же Христос?» Да вот же Он! Перед нами, совсем рядом. Учитель здесь и зовет тебя (Ин. 11:28), – сказала Марфа Марии, которая плакала о своем брате, умершем Лазаре. На литургии молится Сам Учитель Христос. Он каждого из нас призывает по имени. Глаза тех, кто это чувствует, сияют, а они сами живут радостью Христовой. Все исполняется ликованием. Все наполняется светом. Все славословит Христа.

Таким образом, христианин, отправляющийся на литургию, должен осознавать, что идет на встречу с Самим Христом, и иметь намерение с трепетом к Нему прикоснуться.

Об этом говорит священномученик Мефодий Патарский: «Для Тебя, Жених мой, девствую и с горящими светильниками встречаю Тебя!»¹⁴⁷ Женише мой Христе, я соблюдаю свое целомудрие и чистоту и держу в руках зажженный светильник, чтобы принять Тебя! Вот так подобает собираться на Божественную литургию, которая есть пришествие Христа и Его Царствия.

Теперь пойдем еще глубже. Зачем нужны входы? Только что те из вас, кто был на вечерне, видели священника, совершавшего выход и затем заходившего в алтарь. Завтра на литургии то же произойдет на Малом и Великом входах¹⁴⁸. Молебная процессия, направляющаяся к алтарю, и есть литургия, Небесное шествие. Как крестный ход святому покровителю нашего города, когда мы носим по кварталу его икону, честную главу, идем с хоругвями на площадь, где пропеваем ему молитвы¹⁴⁹, так и литургия – есть совершение крестного хода на Небо. «Я пришел на литургию» – это значит, что я реально, а не умозрительно ступил на путь, ведущий к Небесам.

Вы, наверное, видели, как во время солнечного затмения на улицах стоят дети и взрослые с биноклями, сквозь которые стараются разглядеть солнце. Так и на литургии. Наш взгляд и сердце приковываются к Тому, Кто восседает на Небесном троне. Наша жизнь сосредоточена вокруг Христа. И лишь одно имеет для каждого истинное значение – это Царствие Небесное.

Тогда давайте оставим семью, работу, детей и побежим на литургию? Нет, дорогие мои. Задумайтесь, сколь велики любовь и премудрость Бога. Все наши повседневные житейские попечения могут войти в Царствие Небесное, вернее, стать теми мостиками, что приведут нас туда. Во всем

может найти выражение наша любовь к Богу. Доброе отношение к жене, заботу о детях, ежедневный, изнурительный труд, работу, борьбу, слезы, скорби, которые переживаешь втайне, – все это ты принесешь на воскресную литургию и оставишь в Царствии Небесном. Бог освятит тебя и даст силы прожить следующую неделю. Все наши дела имеют ценность перед Христом, но не стоит забывать, что целью и конечной остановкой для нас является Царствие Божие, и душа наша жаждет прежде всего Бога. Он – наш маяк. Небеса – наше отечество. И именно это мы имеем в виду, говоря «аминь»: «Да, Отче мой Небесный, я принимаю все, что Ты говоришь мне. Я положил начало своему шествию. Я вступил на тот путь, что приведет меня на Небо. И я не остановлюсь, пока не достигну того места, где живешь Ты».

Во время литургии мы отправляемся в путешествие в Царство Христа и одновременно уже в этом Царствии пребываем. Христос возвел нас на Небо, или лучше сказать, Небеса опустил на Церковь. Все блага, наше спасение, святость, смирение, таланты Он даром дает нам¹⁵⁰ в Церкви.

Литургия для нас – словно обручение для жениха и невесты. Как обручальное кольцо, которое ты надеваешь во время обручения на палец, является знаком обязательства вступить в брак¹⁵¹, в точности так же и литургия есть обет преданности Христу, Который в ответ обещает за верность принять нас в Царствие Небесное. За свою жизнь на земле мы получаем рай. Столь великий обет мы даем во время литургии!

Здесь, в храме, на литургии собрана вся Церковь Христова. Мы соединяемся со Христом и становимся частью Его Тела. Если ты возьмешь черную ткань и за ней поставишь очень сильную линзу, то появится белый сияющий луч. Так и нашу черноту поглощают лучи Христа и делают нас христианами. Мы становимся храмом обитания Христа, частями Христа, а Он – нашей Главой. Глава, Христос – глава Церкви (Еф. 5:23), символизирует исток, источник. Когда ты испытываешь жажду, то идешь к роднику, чтобы утолить ее. Христос – это Тот, Кто напояет наше жаждущее сердце. Наши члены, наша плоть и наши кости становятся членами и костями Христа. Мы живем жизнью Христа, и со своей стороны Христос воспринимает нашу человеческую жизнь. Как един Хлеб, который мы кладем в дароносицу, так един и хлеб, который мы поставляем на святой престол; как един Христос, так едины и мы со Христом и между собой. И таким образом мы все делаемся одним Христом.

Что же происходит далее на литургии? Мы устраиваем некий прием, или званый обед. Себе в сотрапезники мы зовем святых нашей Церкви,

приглашаем нашего умершего отца, деда, прадеда, людей, любимых нами, но уже почивших, зовем ангелов. И тогда приходит Сам Христос и предлагает нам Свое Тело и Свою Кровь. Именно об этом говорится в возгласе: «Вся святые помянувшие, сами себя и весь живот свой Христу Богу предадим»¹⁵². Поскольку мы уже собрали здесь всех святых и, помолившись им, и призвав всех святых в заступники, вверили им себя, то теперь мы предаем свою жизнь Христу.

Как предстает перед нами Христос во время литургии? Давайте сосредоточимся, чтобы лучше понять, что сейчас происходит. Посмотрите: на литургии предстоит Сам Христос и вся Церковь. Образ Христа – это образ епископа¹⁵³. Только там, где есть епископ, может быть Церковь Христова. Поэтому епископ во время архиерейского служения поднимается на высокий трон, чтобы показать, что в этот момент Христос должен занять место внутри нас. Там, где архиерей, там, где епископ, там и Христос. Как Христос зашел в дом, где были собраны Его ученики, и сказал им: Мир вам (Ин. 20:19, 21, 26), точно так же и архиерей восходит на трон и говорит: «Мир всем», символизируя Самого Христа. Ибо Церковь есть «приносяй и приносимый»¹⁵⁴. Христос посреди нас совершает литургию, и мы все собраны вокруг Него. Когда нет архиерея, то служит его представитель, который должен иметь, согласно церковным канонам, разрешение епископа (а если он его не имеет, то не имеет и права служить литургию)¹⁵⁵.

Священник облачается в белые роскошные и расшитые золотом одеяния. Почему? Потому что он любит красиво жить? Нет, дорогие мои. Когда он облачается в светлые одежды, то хочет изобразить Христа, Который во время Преображения явился в белых, словно снег, одеяниях (Мк. 9:2–3). Так, в облачениях священнослужителя приходит Христос. Иерей надевает на себя эти великолепные одежды, чтобы явить славу Христа. Надевая сначала стихарь, он облачается во Христа. Через епитрахиль он принимает на себя Божию благодать. В фелони перед нами – законченный образ Христа¹⁵⁶.

Ты видишь иерея в облачении? Он для тебя уже больше не какой-то конкретный священник, но Сам Христос. Никто в мире не носит таких облачений, как священнослужители. Это нечто надмирное. Это чудесное зрелище, некое Небесное видение, когда Сам Христос сходит к нам, чтобы рассказать о Небесах¹⁵⁷.

Итак, открываются Царские врата, и в алтаре показывается священник. Но почему же он смотрит не на нас, а в алтарь? Он стоит перед престолом и молится, просит Христа за нас. Он – наш ходатай. Во время

входа он опять минует нас, не глядя. Он – наш предводитель, и идет перед нами по дороге, ведущей к Небесам.

Чем так занят священник и почему он все время проходит мимо нас безо всякого внимания? Сосредоточьтесь, чтобы понять это. Приходилось ли вам забираться в метеорские монастыри?¹⁵⁸ А бывали ли вы в Больших Метеорах? В древние времена люди попадали туда с помощью специальных сеток. Им завязывали глаза, чтобы не закружилась голова, и поднимали наверх лебедкой. Позднее проложили тропу, узенькую, очень близко к скале; она доходила до монастыря Преображения. Как человек мог подняться по этой узкой тропе? Один взгляд вниз – сорвешься и разобьешься насмерть. Однажды спустившийся из монастыря инок наставлял паломника: «Когда я поднимаюсь, то смотрю только наверх; ты держись за край рясы. Станем подниматься вместе. Не гляди вниз. Если посмотришь, то упадешь и потащишь за собой меня». И вот по этой-то тропочке, на которой было слышно, как билось сердце паломника, понимавшего, что под ними – пропасть, монах привел его в обитель. Когда они достигли верха скалы, инок сказал ему: «Здесь – Христос». В точности это делает с нами и иерей. Он возводит нас горе по узкому пути. Берегись оглянуться вниз, запутаться в земном! Ввысь устрями свое сердце, пусть твой ум сделается орлом, рассекающим эфир и Небеса. Ибо ползающие по земле животные не летают. Так стань орлом! Смотри ввысь!

Между тем певчие поют антифоны: «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас». Они комбинируются с разными стихами из Псалтири, содержащими пророчества о Пришествии Мессии. Они говорят нам, что уже грядет Христос. Затем священник совершает Малый вход – он выходит как Моисей на облаке, в котором скрывается Христос. Если мы вспомним Моисея, когда он восходил на Синай, то какие там были громы, какие землетрясения, какие огни, какой дым, какой страх и трепет! Ибо сущий Бог! (Исх. 19:16–18).

Точно так является Бог и священнику. Землетрясений не происходит, чтобы мы не ужасались, не видно дыма (лишь благоухает кадильное благовоние). Иерей же знает, что перед ним шествует Христос, и из его сердца с трепетом вырывается: «Яко свят еси, Боже наш, и Тебе славу возсылаем». Свят и неразделен еси, Боже – священник смотрит в алтарь и уверен, что там – Бог, Дух, ангелы.

После Малого входа священник, вернувшись в алтарь, просит Христа вместе со входом клира совершить вход святых ангелов и архангелов¹⁵⁹. Затем следует возглас: «Благословен вход святых Твоих». Иерей благословляет вход, во время которого вместе со священником приходят и

чины, и мириады ангелов, и сонмы святых. Вместе с ними, на умном облаке, заходит и священник. Поэтому с трепетом, чтобы не быть попаленным огнем Божества, он возглашает: «Яко свят еси, Боже». Я грешник, Боже мой, не попали меня.

Мне посчастливилось знать одного святого человека, который многократно во время служения литургии выходил из алтаря со взглядом надмирным, со взором, обращенным вдаль, за горизонты. Он служил один, ему помогал пономарь, которому в эти мгновения он говорил: «Иди прочь, иди скорее». Закрывал дверь и оставался в алтаре один. Он был там час, два. После того, как его дух омылся светом Бога, после того, как им были осияны его глаза, он вновь выходил и открывал дверь: «Заходи, заходи, – говорил ему, – здесь Дух Святой, здесь серафимы, здесь херувимы» – и весь дрожал от трепета, исполненный радости и ликования¹⁶⁰.

И святой Спиридон «ангелов имел сослужителями»¹⁶¹. На самом же деле это священник является сослужителем ангелов и святых. И народ, те, кто знает, поет слова Трисвятого: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный». Поют и ангелы: «Свят, Свят, Свят», и их голосам вторим и мы. Так земля и Небо становятся одним хором, одним ликованием, одним песнопением. И мы прибавляем: «Помилуй нас». Это вопль грешного человека, потому что ангелы – святые, они не нуждаются в милости. А на Великом входе вместе с ангелами предстоим и мы, грешные и недостойные. Страшно! Входит Христос, а с Ним – святые, ангелы и вместе с ними, я, грешный иерей.

Поэтому в древние времена благочестивые цари во время Великого входа следовали за иереем подобно свите Небесного Царя, Который входит в эти минуты. Сохранилось предание, что некий царь, ощутив в этот трепетный момент ужас от присутствия Христова и ангелов, упал навзничь в порфире и короне.

После ангельского гимна, во время подготовки к чтению Евангелия и звучания Апостола священник первый раз поворачивается к народу и благословляет: «Мир всем». В эту минуту благословляет не священник, но Сам Христос. Перед Вознесением Христос, подняв руки Свои, благословил Своих учеников, а они поклонились и поспешили в Иерусалим (Лк. 24:50–52). Именно это происходит сейчас. Священник, ходатай, грешный, удаляется и пускает Самого Христа служить литургию.

Поэтому на Малом входе священник держит Евангелие над головой не для того, чтобы скрыть свое лицо, но для того, чтобы показать, что это уже не он, но Сам Христос. И когда он поднимает Евангелие, мы поем: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу». Мы поклоняемся Христу,

а не просто Евангелию и не просто священнику. Перед нами – Христос, Который учит, Христос, Который служит, Христос, Который говорит, Христос, Который скрывается за иереем. Перед этим священник возглашает: «Премудрость, прости!» Что означает «прости»¹⁶²? «Это побуждение требует, чтобы мы находились перед Богом и таинствами в подвиге не лениво, но с усердием и всяким благоговением держали себя»¹⁶³. Необходимо стоять прямо, ожидая Христа, с борьбой, рвением и вниманием, чтобы увидеть Его и вступить с Ним в общение. Поэтому мы поклоняемся Христу.

Кроме того, на Великом входе, когда заходит Христос, священник говорит: «Всех нас помяни, Господи, во Царствии Своем». И каждый повторяет: Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем (Лк. 23:42). Мы видим Христа духовными очами и просим Его вспомнить о нас. Следовательно, Господь Сам служит. Господь проходит между нами. Господь приходит принять наши дары и положить их на престоле.

В качестве даров мы приносим хлеб и вино. Хлеб поддерживает жизнь человека, тогда как вино дарует крепость и здоровье. Следовательно, когда мы приносим Христу хлеб и вино, то даем Ему то, что нас питает и дает нам жизнь¹⁶⁴. Мистически, символически мы предлагаем Христу нашу жизнь, здоровье, радость. Мы приносим себя самих: свои трудности, страдания, боль, своих детей. Мы приносим все, что у нас есть, и весь мир. Совершается Евхаристический канон¹⁶⁵, читается молитва анафоры. Сущность анафоры, или «возношения», сформулирована в самом этом слове, происходящем от греческого глагола «анаферо», то есть «возношу». Это значит, что Христос в этот страшный миг принимает в Свой поднебесный жертвенник наши дары, жизнь – все то, что мы Ему приносим. Он принимает нас.

Следовательно, мы идем на литургию для того, чтобы принять Христа. Но прежде следует настроить себя и быть готовым дать Ему то, что Он попросит, отдать Ему себя. Если нечто нас сдерживает, то тогда мы уже не можем соединиться со Христом. В этот миг перед нами предстает закланый Христос. И мы должны почувствовать себя заклаными за Него, быть готовыми, если понадобится, принести себя в жертву.

В то время, когда Христос стоит перед нами, поется «Аллилуйя». Это песнопение исполняется дважды: на Малом входе, после апостольского чтения, и на Великом входе. Какой оно имеет смысл? «Аллилуйя» – это приветствие, которое произносят на браке Господа. Для брака у нас есть особые пожелания и приветствия. «Живите до ста лет!» – желают новобрачным. «Аллилуйя» – брачный гимн, приветствие на

браке Христовом, где Он обручается со своей невестой Церковью.

Следовательно, литургия, с ее богоявлением и присутствием Христа есть прикосновение к некому мистическому браку с Господом. Брак зовется и радостью. Быть на литургии, по слову Христа, значит войти в радость Господа Твоего (Мф. 25:23), прийти на брак Своего Христа. Или не хочешь? Если ты – против, то куда убежишь, чтобы спрятаться? Даже если в глубины морские ты удалишься или в высоты Небесные, то и там встретишь Его (Пс. 138:7–10)¹⁶⁶. Не лучше ли просто Ему довериться? Ведь Он всюду тебя отыщет. И ты увидишь, сколь великой будет твоя радость. А если отречешься, то это равносильно самоубийству.

Священник после причащения народа поднимает Святую Чашу со словами: «Всегда, ныне и присно и во веки веков аминь», напоминая нам о Вознесении Христовом. Это момент, когда Христос обещает нам пребыть с нами до века то есть всегда (Мф. 28:20; Лк. 24:50–51). Приняв Святого Духа и увидев тайны Царствия, мы уходим, окинув духовным взором его красоты.

Следовательно, дорогие мои, литургия – это обручение со Христом, некое подобие брака. Мы оказываемся в Царствии Божиим. Скоро мы снова разойдемся по домам, унеся с собой страдания, грехи, скорби. Это не так важно, ибо мы вернемся сюда, на литургию, и снова прикоснемся ко Христу, а Он снова осуществит наше обожение. И так, в постоянной борьбе, совершая непрерывное восхождение, впереди – священник, за ним – мы, достигнем Царствия Небесного. Но с таким ли намерением мы приходим на литургию? Живем ли достойно Царствия Небесного?

Мы увидели во время литургии, как отверзаются Небеса. Мы увидели блага Небесного Царства. Мы «даром» получили Святого Духа. Мы узнали, что Тот, Кого мы ищем, может оказаться в наших руках. Мы, грешники, можем получить Его в Церкви. Поэтому если мы приходим на литургию, чтобы принять Христа в себя мистически и незримо, то уходим домой в праздничном настроении, говоря: «Мы вверили Ему наши души и предали нашу жизнь». Так давайте доверим Христу, Которого только что лицезрели, наши души, и посвятим Ему свою жизнь, «воспламеним свои сердца огнем Его любви»¹⁶⁷. Давайте зажжем наши сердца пламенем Его любви, огнем, который поpalяет всякую душевное гниение, очищает нас и готовит к жизни в вечности.

Приготовление к богослужению¹⁶⁸

Перед тем как отправиться в храм, необходимо возыметь желание

подготовиться к богослужению душевно и духовно. Что бы ни произошло в нашей жизни, нам подобает оставаться кроткими и спокойными. Мы не можем сохранять ни толики осуждения в своей совести во время богослужения, ибо с дерзновением предстоим перед Богом и просим Его о том, чтобы увидеть Божественный свет – да узрим свет (Пс. 35:10)¹⁶⁹. Надлежащее приготовление вселяет в нас надежду на то, что мы услышим голос Бога, а следовательно, и Его вещание, которое войдет в глубины нашего сердца.

Когда вы заходите в храм, то вполне осознаете, что идете говорить с Богом, и с того самого момента, как вы входите, вы реально стоите перед Ним. Поэтому все ваше стояние должно быть священоподобным. Избегайте разговоров и посторонних вмешательств. Конечно же, вы имеете право сказать что-то, напомнить, но предполагается, что вы преодолели состояние брэнного человека, который раздваивается и расстраивается в то время, когда отвлекается, спрашивает что-то или отвечает. То есть разговаривать можно, но при условии, что наш ум и наше сердце при этом остаются с Богом.

Следовательно, вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему (Пс. 5:8) – не пустые слова. Наш вход должен стать священным поклонением и неким живым и действенным предстоянием перед Богом. Сколь страшно возвысить свой голос! Но он не сможет достигнуть Небес, если мы будем как муравьи, которые не могут поднять рук и главы.

Подумайте, что весь народ – не только пять, десять, пятьдесят, сто пятьдесят человек, стоящих в церкви, но весь народ, вся Церковь ждет от нас этого воздеяния рук. Мы суть те, кто переносит биение всех сердец и борение живых душ к Престолу Божию. И поэтому великое несчастье, если мы обманываем себя самих и других, и всю Церковь, если мы бесплодны, имеем бесплодные сердца и бесплодные руки и, следовательно, находимся в алтаре, не осуществляя свою миссию.

Войдя в храм, необходимо очень быстро, совершенно умиротворившись, достичь, сосредоточения нашего ума. Ведь мы не учим кого-либо ходить, объясняя, что вперед выносятся то правая нога, то левая; или как дышать: я сделал вдох, затем выдох, снова вдох и опять выдох – все это происходит само собой. Точно так и здесь. Однако необходима тренировка.

Чтобы сконцентрировать свой ум, нужно ощутить место, где он находится, почувствовать, что он – на Небе. В храме стояще славы твоя на Небеси стояти мним¹⁷⁰. Мы на самом деле стоим на Небе, сердца – горé, и руки воздеют приношения и моления Церкви перед Господом.

Мы должны пребывать в атмосфере Церкви и в то же время достичь сосредоточения ума и сердца, чтобы реально замкнуться в себе, потому что Царствие Божие, Самого Бога, Небо, мы обретем внутри себя. Там должны мы заключить и всю Церковь. Все сосредоточено внутри нас. Раздвоенное сознание, раздвоенное сердце, раздвоенный ум, как вы понимаете, представляют из себя обломок, не годный, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу (1Пет. 2:5)¹⁷¹. Сосредоточение – вот основа для богоугодного служения¹⁷².

Есть и другой вопрос, который имеет отношение к атмосфере, необходимой для доброго молитвенного прохождения службы. Может ли священник обращать внимание на случайные непорядки, что творятся в храме? Лучше бы не надо, потому что, с одной стороны, таким образом мы нивелируем должность уставщика и алтарника¹⁷³ и создаем им проблемы и недоразумения, а с другой стороны, в этом проявляется личный характер каждого священника. Более того, сделанным замечанием он не должен разрушить созданную молитвенную атмосферу. Легко ли это обеспечить? Во время освящения, в те мгновения, когда я произносил слова – Пейте от нее вси (Мф. 26:27), я услышал, как вы закладываете дрова в печь. В те секунды я не смею разрушать созданную атмосферу и рассеивать свой ум. Я же остановил вас и продолжил священнодействие, будто бы ничего не случилось, в полной невозмутимости. Я мог бы, не отвлекаясь на ваш шум, делать свое дело, будто ничего не заметил. Но на это способен не каждый. Это трудно. Вероятно, что за замечаниями священника кроется страсть, даже если сам он себе в этом и не признается.

Следить за порядком и тишиной в церкви – это прямая обязанность таксиарха¹⁷⁴. Но каждый церковнослужитель должен знать, что время шестопсалмия – это время абсолютной тишины, духовного напряжения, поэтому запрещается любое действие. Он исполнит свое дело после окончания шестопсалмия на чтении кафизм Псалтири, на которых люди сидят, что следует из самого слова¹⁷⁵.

Лучше всего каждому из нас держаться просто: своей позой, или взглядом, или жестом, или голосом не подавать повода другим людям обращать на нас внимание. Давайте станем как можно проще. Но для этой простоты необходимо сосредоточение, которое проистекает из нашего мистического общения с Богом и нашего вхождения в Царствие Божие. Это обязательное условие для служения Богу. Богослужение есть дело, совершающееся исключительно в Церкви.

Когда начинается полунощница, наступает самое подходящее время для такого приготовления в глубочайшем обращении к самому себе,

потому что именно этого нам не хватает больше всего. Уникальны мгновения полунощницы, с ее псалмами, тропарями, и всем ее значением, в котором выражено ожидание Бога. Одно «Се Жених грядет в полунощи» – есть полунощница¹⁷⁶.

И поскольку полунощница есть служба, совершаемая в полночь, что следует из самого названия, то и для нас хорошо, начиная с полуночи пребывать в состоянии бодрствования. Если ты выходишь в храм в последний момент, только что встав с кровати, ты не сможешь служить Богу в полной мере. Но разве возбраняется вставать в последний момент, спросите вы? Нет, такая ситуация не исключена, но предполагается, что перед этим человек долгое время бодрствовал и вследствие этого прилегал отдохнуть по естественной потребности организма. В таком случае, когда человек начал всенощное¹⁷⁷ с вечера, а после отдыхает, то дух его продолжает бодрствовать. Тело отдыхает, но дух живет своей жизнью. И во сне он совершает бдение, общение с Богом. В таком случае едва его разбудят, он тотчас уловит основной смысл богослужения и продолжит бдение уже пред лицом Господа.

Некоторым людям после того, как их разбудишь, требуется полчаса, чтобы прийти в себя после сна. Такое допустимо лишь в случаях тяжелых телесных недугов. Либо же это выдает человека, погруженного во мрак, утомленного, непригодного, плотского, не имеющего никакого отношения к беседам с Богом. Он может пребывать в глубоком сне, который одновременно должен быть легким, как говорится в одной из молитв малого повечерия: «и даруй нам Боже... сон легок». Глубокий и в то же время легкий сон не отягчает дух человека, который живет и летает на Небесах. Только тогда он может просыпаться в последний момент. В остальных случаях необходимо пытаться встать пораньше, потому что все плотские люди нуждаются в приготовлении к богослужению.

Мы можем стремиться на полунощнице сосредоточить свои чувства и ум; что касается помышлений, то предполагается, что мы уже осуществили надлежащую борьбу против наших мятежных и бунтарских помышлений. Мятежные помыслы обозначают плотского человека. Наши помышления всегда должны быть устремлены к умным сферам, в противном случае они коснеют в инертности. Тогда наш ум – правитель, который может обращаться прямо к Богу. Когда приходит помысел, душа раздваивается. Итак, наше умное делание нам помогает и приготавливает к молитве.

Продолжаем разбирать первую часть утрени, которая столь же как и полунощница молчалива, покаянна, чудесна. В сущности, это своего рода

полунощница, приготовление к основной части утрени, ее вступление. Мы вновь чувствуем напряженный характер ожидания Бога во мраке, вплоть до того, пока не ворвется в него этот прекрасный прокимен: Бог Господь, и явился нам (Пс. 117:27), который мы должны любить и глубоко переживать внутри своего сердца, когда он звучит, потому что это есть смысл утрени: «Бог Господь, и явился нам», и лицезрение Бога во свете. Мы завершаем утреню пением экзапостилариев, или светильное, смысл которых заключен в самом названии: послы свет Твой (Пс. 42:3)¹⁷⁸. Если и экзапостиларии приобрели вид похвалы святому, но все же глубочайший их смысл именно таков.

После «Бог Господь» звучат чтения кафизм Псалтири, что является самой древней, важнейшей и неотъемлемой частью утрени. Они представляют собой углубление в историю народа Божия, в откровение величия его и лицезрение Бога в нас, Бога, соделавшего спасение народа. И на самом деле в чтении псалмов является Сам Господь Саваоф, Который возвеличивает и возвеличивается. Следовательно, у нас есть панорама зарождения и становления Церкви. Псалмы вкладывают в наши уста слова покаяния, сокрушения, исповедания – то есть то, чего не могут найти наши холодные сердца, но в чем они так нуждаются. Таким образом, Господь нас удостаивает того, что не могут сделать наши оледеневшие сердца, но можно достичь чтением Псалтири и за это иметь от Него награду за приложенное усердие¹⁷⁹.

В Псалтири мы отыщем псалмы, которые славословят Бога, через которые Бог говорит с нами, псалмы, в которых говорим с Богом мы, особенно к ним относятся мессианские и лирические – отзвуки колебаний наших сердец. Здесь мы встретим и соборность Церкви в ее длительном созидании.

За псалмами поется канон. Вероятно, это есть самая трудная часть богослужения по многим причинам. Это благоприятная возможность для упражнения нашей души и ума, для того, чтобы мы могли следовать за святым, которого чествуем, или за Господом, с Которым мы вместе во время Распятия, Воскресения, каждого Господского праздника. В каноне нам необходимо услышать ноты сокрушения, покаяния, славословия, крестные, прославляющие Воскресение, мученические части, капли слез, – все то, что нам хочет дать Церковь. Надо окунуться во все это, надо иметь движение вперед, облечение себя в это пространство, сумрачное, но касающееся света, и, следовательно, приближающее к Царствию Небесному (Исх. 20:21; Пс. 17:10; Иов 23:17).

Внутри канона читается седален, который обычно красив и звучен.

Есть в большинстве случаев и дивный икос, кондак, который весьма полезен, и затем синаксарь¹⁸⁰, повествующий о святом этого дня.

В завершении канона мы подходим к мелодичнейшим песнопениям девятой песни, которая для святогорцев имеет огромное значение и должна иметь для всех нас, потому что никто не достигнет Бога, Богоявления, без ходатайства Богородицы, Которая есть Лествица, приводящая к Престолу Сына и Бога нашего¹⁸¹.

Далее переходим к стихирам, к хвалитным псалмам и стихирам на Хвалитех¹⁸². А если день посвящен какому-либо святому, то как они хороши! Они должны занимать особое место в нашей душе, и стоит следить внимательно за их пением. А еще лучше, если мы накануне или заранее, еще до службы в храме, прочтем полунощницу, кафизмы Псалтири – все, о чем я только что сказал, и уже будем знать, что происходит в храме.

Мы достигли конца, сугубой и просительной ектений, которые есть бурное проявление движения сердца и выражение чувства нашей священнической ответственности перед полнотой Церкви. Мы должны на самом деле молиться в это время и предстоять перед Богом как посредники, которые возмещают этими молениями разрыв между землей и Небом, между падшим человеком и человеком, принявшим Бога.

Мы должны с особым жаром произносить молитву главопреклонения утрени, равно как и вечерни¹⁸³, потому что они чудесные, и никогда нельзя их опускать, даже если по каким-либо причинам мы не смогли прийти в храм. Их чтение возьмем себе за ежедневное правило – не важно, были мы в храме, или нет.

Далее – первый час, который теряется в приготовлении к литургии, и кажется элементом, который можно бы и не совершать. Если нам удастся достичь умиротворения и сосредоточенности при входе в храм, то мы прекрасно можем и готовиться, и выстоять первый час, и пребывать в устремленности горé, в искании Божественного света: «Христе, свете истинный»¹⁸⁴, «просвети мои мрак», «возсияй в сердцах наших»¹⁸⁵. Эти слова реально должна произносить наша душа. Да отверзутся наши уста для славословия Бога и беседы с Ним на литургии.

И на самом деле необходимо, чтобы Господь просветил глубины нашего сознания Своим светом. Этот свет есть не просто некое мистическое понятие, не наше нравственное бодрствование и не улучшение нашего характера, не благочестие и не слезы, но реальное посещение Бога, которое мы сознаем подобно ожиданию, аскезе и трудам, которые претерпели за Бога. И таким вот образом мы готовимся к тому,

чтобы предстать пред лицом Бога, чтобы переступить порог Его Царствия и отворить дверь, дабы увидеть в Троице воспеваемого и действующего Господа.

Это приготовление должно происходить каждый раз и не как некое механическое действие или рациональное понуждение. Но по доброй воле, просто, естественно-духовно и духовно-естественно – это то, что совершается ежедневно на литургии, в ежедневном нашем предстоянии перед лицом Бога. И вслед за предварительной подготовкой идет сама литургия.

Я полагаю, что вы чувствуете, какую пользу мы извлекаем из службы, когда приходим в храм подготовленными. Тогда мы уже не просто несчастные, поднятые из кровати и силком приведенные в церковь христиане – Бог такому духу не причастен и ему останется невидим. Немым пребудет Он к нашим прошениям, и Его уста останутся затворенными к нашим мольбам.

Я хотел, чада мои, чтобы мы вели ежедневную подготовку, даже если и не являемся служащими священниками. Ибо то, что мы не служим, вовсе не означает того, что мы не являемся служителями Всевышнего и что от нас не требуется соучастие во время литургии. Как бывает соучастие в убийстве святых: И побивали камнями Стефана, который молился... и сказав сие, почил (Деян. 7:59–60), так есть и соучастие, сослужение, соработничество в собрании святых, осуществляемом каждый день и каждую ночь. Все мы приходим как сослужащие, поскольку священничество даровал нам Бог.

Христос во мне¹⁸⁶

Тема нашей сегодняшней беседы связана с Божественной литургией. Но это не значит, что мы будем говорить об одной литургии, ибо она вписана в целый круг богослужений. Божественная литургия есть стержень, центр, сердцевина богослужебного собрания. Мы придаем ей совершенно особое значение, потому что Литургия – это главным образом наша пища, Причащение, своего рода благодарение и некое «торжество в воспоминание», которое мы совершаем в единении со Христом и Святой Троицей. Именно в силу столь великой значимости Литургии в жизни человека мы говорим сейчас с вами о ней, понимая, что это наиболее доступное, привычное и понятное для всех богослужение. Каждый из нас может радоваться, торжествовать и праздновать на литургии, вместить ее и стать сопричастным ей полностью, а не одному только хлебу и вину.

Бывает, однако, что литургия кажется нам чем-то трудным для усвоения или вообще непостижимым. Поэтому мне бы хотелось дать вам несколько простых и практических советов, по сути составляющих одно целое. Давайте постараемся понять и вместить вещи привычные и созданные для нас.

Что я могу сделать для того, чтобы лучше прочувствовать Божественную литургию? Первое и основное условие – это подготовка, которая заключается в изучении евангельского чтения дня¹⁸⁷. Не раз мне приходилось увещевать клириков и диаконов, чтобы они прочитывали Евангелие заранее и после проверять их. Они отвечали «да», но в большинстве случаев это означало «да, я посмотрел и заложил на нужной странице». Но говоря о том, что при подготовке к литургии необходимо изучить Евангелие, я имею в виду вовсе не это.

Священник и диакон имеют абсолютную свободу в церкви, ибо и алтарь, и весь храм – их вотчина. Поэтому они могут позволить себе прийти на службу после шестопсалмия или даже после «время сотворити»¹⁸⁸. Они раскрывают Евангелие перед Богом и, поставив Христа напротив себя, наспех проглядывают тот евангельский отрывок, который им придется читать на литургии. Христос здесь и зовет меня (Мк. 10:49; Ин. 11:28), Он взывает ко мне, хочет со мною поговорить. Он – здесь, рядом со мной. Нельзя относиться к Евангелию как к некому уставному указанию, которое мы обязаны исполнять. Таким подходом мы заранее обрекаем богослужebное собрание на провал. Если я не разобрался в Евангелии, то это значит, что «литургия прошла мимо меня».

Что такое Евангелие? Что такое Священное Писание? Это слово об откровении Бога. Мы знаем, что Господь являлся святым мужам, которые по вдохновению Святого Духа записали Им рассказанное (2Пет. 1:21). Это откровение Бога было запечатлено евангелистами, веками читалось за богослужением и таким образом передавалось от поколения к поколению. Каждое описанное евангелистами событие есть и событие моей собственной жизни, то есть в евангельском чтении Бог открывается лично для меня.

Евангельский текст есть слово Откровения. Откровение – это не процесс чтения, но Христос, приходящий ко мне в эти мгновения, со мной говорящий. Он живой Человек, а не глухой и не деревянное изваяние. Как тонко подмечено в Псалтири и других книгах Священного Писания, идола лишены ушей, уст и глаз (Пс. 113:12–14; 134:15–17; Прем. Сол. 15:15)! Христос же имеет и уста, и уши, и глаза. Он слышит, видит и внимает нашим молитвам и отвечает на них.

Таким образом, «я читаю Евангелие» означает, что я стою прямо перед Христом в ожидании услышать новое поучение от Него, наставление на сегодняшний день, которое приоткроет для меня Бога и наполнит собою мои размышления. Ум, как вы понимаете, при этом должен оставаться непоколебимым и распахивать свои просторы для посещения Божественного Духа.

Поэтому Евангелие – это то, что заложено в основание сердца, рассуждения, разума. Интеллект каждого индивидуума составляет как бы собственное Евангелие, ибо всякий извлекает из прочитанного что-то свое. Все, что от нас требуется, – осознанно подойти к чтению Евангелия, понимая меру ответственности, и дать себе отчет в том, зачем это вообще делается. Наша способность вмещать Божественное и предварительная подготовка обеспечивают успех.

Следовательно, когда я говорю: «Я буду читать Евангелие», это значит: «А что я сегодня узнаю от Господа, о чем Он мне поведаст?». Мое сердце преисполняется избытком чувств, потому что через откровение возвещена тайна (Еф. 3:3–5; Кол. 1:26) в прочитанном Евангелии, или от ощущения присутствия Бога, или от того, что сейчас по Божией милости Сам Христос явится ко мне с сегодняшним известием Откровения. Он наполнит смыслом мое сердце, научит меня чувствовать, сознавать, услаждаться, плакать.

Евангелие учит нас правильно принимать решения. Каждая литургия – это смерть, мученичество, соучастие, касание края риз Христовых. Если я знаю о том, что кровоточивая жена, мытарь, кто бы то ни было другой смог, ухватившись за одежды Христа, получить силу, то совершенно непонятно, как можно к такому не стремиться. Но для этого поступка необходимо иметь силу, а значит, встать на путь принципиально иного подхода к принятию жизненных решений: отложить рациональную мотивацию поступков и прислушиваться к своему сердцу, глубинам совести. Моей целью пусть станет стяжание дерзновения перед Христом, чтобы «со дерзновением неосужденно смести призывати Его»¹⁸⁹. Ибо никто не может служить Богу без дерзновения. Я обретаю это качество – значит, я отдаю себе отчет в своей греховности, негодности и виновности.

Вставая на путь новых решений, я сразу же отделяю злую составляющую своего «я» от той, с которой я предстою перед Богом, возрожденной и ставшей снова по Божией милости доброю, той, что молится, воздевая руки, имея дерзновение ко Христу (1Ин. 3:21)¹⁹⁰. Таким образом, обновленное мышление – это и сила, что возрождает меня и возвращает к участию в богослужебной жизни.

Мои мысли наполняются добрым содержанием. В них теперь живет идея о том, как возможно открыть для себя Бога, ибо знание о Царствии Небесном – основное для нашего интеллекта (Ин. 17:3). Кроме того, мое сознание наполнено идеями, суждениями, выступлениями против моего злого «я», а также радостью и наслаждением, полученными в результате Богопознания. Желание прикоснуться ко Христу сегодня и сейчас является причиной для моего откровения Бога.

Все клирики могут делать то же самое, не просто осведомляясь, какое Евангелие им предстоит читать на службе, но нося в себе свое собственное евангелие. Кроме того, полезно вооружиться знанием богослужебных последований. Я имею в виду главным образом Божественную литургию и чтение Священного Писания на ней.

Мне всегда перед службой требуется время на изучение Евангелия. Ибо, раз я верю, что передо мной в храме стоит Сам Христос, а не некая умозрительная энергия, если я ощущаю Его присутствие всем своим существом – духом, душой и телом, то как я могу упустить шанс поговорить с Ним? Если я этого не сделаю, то максимально удалю себя от Бога.

Итак, я ощущаю, что Бог здесь. От Его присутствия я испытываю подлинную радость, наслаждаюсь, держу на руках Христа, сокровенного и открывающегося в Евангелии, и не выпускаю Его из поля зрения ради возможности побеседовать с Ним. Я уверяю вас, что ни разу Он не ушел от меня, не сообщив мне нечто новое.

Я вам рассказал о том, как я готовлюсь к служению в соборе или просто в храме. Но это можно делать и в своей часовне. Это имеет первостепенное значение. Все просто: ты встречаешь Господа, заходишь с Ним в алтарь, затем ведешь Его к святому жертвеннику, далее отправляешься со Христом на Малый и Великий входы и совершаешь свое собственное дориношение. Этим ты облегчаешь себе дело, ибо исполняешь его не сам, но с помощью Бога. Без Христа ты будешь служить себе в осуждение.

Еще мне бы хотелось обратить ваше внимание на необходимость сосредоточения ума в час подготовки к службе. Я не имею в виду саморефлексию: «Ну кто я такой и что я наделал, а почему же я не поступил так-то», ибо она слишком человечна. Но говорю о самообличении, об углубленном взгляде, устремленном внутрь души, с порицанием и уничтожением, принесением себя в жертву. Необходимо исчезнуть перед Богом для того, чтобы все пространство могло наполниться Им.

Когда мы оказываемся на литургии, мы входим в Небесное Царствие, то есть вступаем в непосредственное общение с Богом, Который непостижим. Если Он и имеет что-то постижимое, то это Его непостижимость^{191, 192}. Она превосходит все и может быть названа дивным словом «святость». Святость Бога имеет этическое значение, но прежде всего это безграничность и совершенство Божества, Его непричастность всему остальному. Святой – это всецело отделенный, уединенный, посвященный. Бог ни в чем не испытывает недостатка¹⁹³.

Причащение святости Бога есть участие в Его жизни, приближение, прикосновение к таинству вездесущего Господа, совершенного, превышающего человеческое разумение. Мы воспринимаем образ Его жизни. Он исполняет нас лучами Своей славы и делает причастниками Своей святости. Мы каждый раз ступаем на неведомые земли. Если воплощение Слова нам кажется «таинством странным»^{194, 195} то задумайтесь над тем, сколь странным и неизреченным таинством является существование и святость Бога.

Святость Бога – это то, к чему мне следует устремиться. Сейчас она для меня столь исключительна, что наполняет собою Вселенную. Явственная, осязаемая и отраженная, она тотчас передается людям как сияние Божественной природы, как слава, блистание Трисиятельного Божества. Поэтому и мы вынужденно вступаем в славу Трисиятельного Божества, совершенно по-особому ощущая Самого Христа.

Мы обретаем Божественную славу не ради нравственности или величия, но ради реального участия в жизни Христа, которую Он в Своем домостроении дарует нам через Божественные энергии. И, таким образом, наше участие в славе Бога есть дело, совершаемое, без всякого сомнения, Самим Христом. Сами по себе мы ни на что не способны. Мы предстоим перед величием познания святости Бога, причащаемся Его славы, и так вступаем в ядро жизни, в место любви Святой Троицы.

Кто есть я, вступающий в славу и святость Бога? Никто. Насколько Он свят и совершенен, настолько я ничтожен. Ведь без Него я бы так и пребывал во мраке небытия (Быт. 2:7; Иов. 42:6). Сегодня у меня есть место в жизни, потому что Господь взял меня на Себя. Как только Он прекратит освящать меня Своими лучами, я погасну. Следовательно, раз Бог как некая сущность присутствует и действует в моей жизни, значит и я должен стоять перед Ним. Моя сущность есть ничто, небытие.

Поэтому на литургии я должен увидеть свою подлинную сущность и понять, чем она является в сравнении с Тем, перед Кем я предстою, Кто есть Тот Бог, Которого я разыскиваю. Итак, я должен постичь свое

ничтожество.

И, как вы сами понимаете, это не есть дело саморефлексии, самопорицания: «Господи, прости меня за то, в чем я провинился». Эти слова есть ничто. За ними неосознанно может стоять: «Господи, вообще-то я почти святой, но вот ошибся в том-то и том-то, прости меня, ведь я же святой». Если человек так говорит, то значит, он ничего не понял.

Осознание своей ничтожности происходит вследствие познания Бога, Его святости, непостижимости Его величия. Входя во мрак неведения, понимая, что ты не знаешь Бога¹⁹⁶ и пребываешь в потемках, но видя Его славу и величие, ты начинаешь замечать свою собственную ничтожность. Это ощущение будет тем сильнее, чем чаще я унижаю себя при подготовке к богослужению.

Следовательно, я должен совершить приношение: очистить себя от всего, что я приписываю себе, считаю своим собственным, забывая, что все дано мне от Бога, что все является Его собственностью. А то, что я это получил, еще не значит, что оно стало моим. А если получил, то что хвалишься, как будто не получил? (1Кор. 4:7) На Страшном Суде я лишусь всего, данного мне Богом, и останусь обнаженным (Евр. 4:13), пустым местом, болтливым зародышем, таким, каким меня родила мать, в этом виде я предстану перед Богом, пред страшной Ипостасью Бога¹⁹⁷. А Он наклонится надо мной, покроет, придаст форму моему бесформенному эмбриону и сотворит Своим подобием. Мне необходимо осуществить это унижение, принести свой пустой зародыш Богу и пробудить своего подлинного «я», стяжать дерзновение перед Богом, ибо искренность рождает дерзновение.

Вы помните слова проскомидии: «Приносим дары и жертвы духовныя»? Под этими словами подразумевается жертва Христа. Но, если хотите, когда мы приносим Богу в дар (а то, что ты отдал, уже больше твоим не является, оно для тебя отныне не существует) самих себя, то это ничто. Давайте приносить Богу дар, единственную жертву, жертву всесожжения, жертву совершенную, которой Он был бы доволен.

Поэтому очень важно почувствовать Божественную литургию как вопль страдания, а не как крик, бранящий свое «я», из которого не вытекает никаких сущностных изменений.

Об этом точно говорит святой Николай Кавасила: «Давайте доверим Богу свои души». Давайте предадим Господу наши души, и пусть Он с ними делает то, что хочет. Мы возвращаем Богу душу, Им же нам данную, «предаем» Ему «свой живот». Мы отказываемся от всего, что нас интересует, имеет для нас значение, от того, что уже прожили, от того, как

проживем и после этого «добровольно и без колебаний вступаем в беседу с Богом»¹⁹⁸. Кавасила имеет в виду огонь Святых Таин. А «вступаем в беседу» – значит «добровольно и без колебаний» вступаем в общение, единение и так уподобляемся Христу. Насколько мы смогли отречься от себя, настолько мы наполнимся Божеством, и следовательно, получим гарантию, что Евхаристия не прошла мимо нас, но принесла свой плод, а мы отслужили совершенную, надежную и «настоящую» литургию.

Существует очень простая вещь, которая нам поможет как при подготовке к литургии, так и во время службы. Это молитва. Но не та молитва, которая отвлекается на попечения, теснящиеся в нашем сердце, помышления, устремления, желания и аффекты, которые мы хотим сейчас высипать перед Богом и услышать Его суждение. Мы только что отказались от всего этого и оставили на суд Божий наши заботы, так зачем же нам вновь их получить в том же виде! Вы сами знаете, что в большинстве случаев наша молитва есть выражение нашего эгоизма. Редко она бывает духовной! Она плотская и слабенькая! Надо бы молиться повнимательнее, ведь это в наших силах! Несмотря на это, наша молитва – это молитва самолюбования, пресыщенности, эгоизма, поиска своего потерянного «я».

Давайте постараемся научиться принципиально иной молитве. Давайте молиться о себе с осознанием того, кем мы являемся на самом деле, понимая, что в беззакониях зачаты (Пс. 50:7)¹⁹⁹, пресны, несведущи, ужасны, безобразны. Ты видишь, что я валяюсь в греховной утробе, в гнили, на дне Вселенной, а вовсе не в Царствии Небесном. Так вот об этом подлинном своем состоянии мне стоит молиться, чтобы Господь воскресил меня от греха во время литургии, чтобы я был вместе с Ним вознесен, принял в себя Святого Духа и остался со Христом навеки.

Также я могу молиться и о народе Божиим, о Церкви. Не будем забывать о том, что, приходя на богослужение, мы составляем единое Тело со всеми христианами, живыми и усопшими, со всей полнотой Божества и Тела Христова. Поэтому мне необходимо молиться о себе, ибо я – это и Церковь, и другие люди, живущие уже не порознь, но объединенные в одно Тело Христово (Рим. 12:4–5; 1Кор. 12:12).

О людях следует молиться, не вдаваясь в подробности. Не возбраняется, если хотите, молиться о братии, к которой мы принадлежим и благодаря которой нам дается право участвовать в богослужебном собрании. Можно молиться и о людях вообще. Можно поминать их проблемы, но все они касаются нашей плотской жизни, а не реальной во Христе, в Его Теле. Поэтому самим лучше не вдаваться в эти запутанные

дела, а оставить их для Бога. Ибо погружаясь в решение подобных проблем, я изгоняю Бога из своего сердца. «Давайте вверим Господу свои души»²⁰⁰ – как свои собственные, так и чужие.

Такого рода молитва есть уничтожение своего «я» на новом уровне. Это состояние ожидания Бога, причастия Его любви, святости и славы.

Возникает вопрос: если богослужebное собрание является общим делом и никого не оставляет в стороне, то как мы можем одновременно и участвовать в службе, и сосредоточенно молиться? Наши богослужения столь продолжительными кажутся нам вначале, что мы можем успеть все, или, по крайней мере, многое. Священники так или иначе вынуждены успевать. Читаем ли мы кафизмы Псалтири, или последование к Причащению, совершаем ли проскомидию или говорим: «Возрадуется душа моя о Господе, облече бо мя в ризу спасения»²⁰¹, мы молимся. Такое право нам предоставила сама Церковь. Богослужebное собрание взывает ко Господу одними словами, мы же, священники, предстоящие перед Господом, другими.

Не забудем и о том, что во время литургии мы молимся сразу о многих. Добро каждому священнику и каждому диакону иметь свои помянники, содержащие столь много имен, сколько вы в состоянии поминать. Требуется особое искусство, чтобы успеть помолиться за всех. Можете прочитать имена у себя в келии перед литургией или на самой литургии – ваше право выбирать! В практике Русской Церкви каждый священник, придя в Церковь, надевает епитрахиль, берет дискос и просфору и принимается за поминовение²⁰². Это чудесно! Я не предлагаю вам ввести это в наши обычаи, но просто хочу, чтобы вы усвоили, что иерей может и должен поминать многих, потому что этого хочет от него народ. А желание народа есть неременное требование для священника. Чем проще и традиционней священник, тем больше имен он поминает. Образованные клирики к этому не приучены.

Человеческий мозг способен заниматься сразу многими вопросами: предаваться размышлениям о том, «почему мне не ответил игумен», и в то же время вспоминать свою больную маму, и кроме того, молиться на службе. Возможности человека огромны!

Следовательно, молитва не мешает участию в богослужении. Не вызывает никаких сомнений, что возможно при этом постигать дух богослужebного собрания, и не надо воспринимать службу как препятствие для сосредоточенной молитвы.

Теперь давайте поговорим об одном из самых трудных вопросов духовной жизни. Постараемся привыкнуть держать свой ум свободным от

суетных мыслей. Что это значит? Пусть наш разум будет пустым и просторным²⁰³. Ибо если наш ум занят и заполнен, то он уже не может последовать ни за чем другим, он больше уже ничего не может вместить. Наш ум имеет нечто для него исключительно ценное, стремится к целостности и единству. Господь хочет видеть наш ум цельным и недробимым на части. А такое единение происходит в умозрительных сферах, ибо Божественная литургия – это Евхаристия, совершаемая в воспоминание о жерве Христа. Естественным образом она воспроизводится в нашем уме. Поэтому надлежит хранить его свободным, дабы нашлось там место для Христа. Бог заполнит наш ум тогда, когда мы поставим себе целью изгнать оттуда все постороннее. И тогда почувствуем, как присутствие Бога входит в него, и возликуем.

Мы все время жалуемся на одно и то же: мы не умеем молиться, мы ничего не понимаем на литургии, мы не извлекаем из нее никакой пользы для себя. Но как же можно молиться, понимать, получать пользу, когда голова переполнена всякой всячиной? Необходимо отложить свои умствования. Отпустить ум. Пусть сделается он легким и пустым, пускай бежит от тебя, летит. Закинь его, словно удочку в море, на нее непременно поймается рыбка. А ты обретешь Христа.

Вместе с тем ты стараешься удержать свои мысли, потому что не вправе позволить им витать где вздумается, расцвечивать и гноить твой ум, захламлять простор души тем, что давит на нее и ее сковывает.

Следовательно, помышление должно стать свободным и прочным для усиленной молитвы²⁰⁴. Мы сейчас не имеем в виду «умное делание», но молитву на богослужебном собрании. Даже если помышление и наполнено своим собственным содержанием, то пусть держится независимо от ума и не давит на него. Помышление подобно пауку, свившему паутину, который расставляет свои сети и ловит в них кого захочет. Пусть минуют его все проблемы, беспокойства, огорчения. Ведь наша радость означает решение проблем. Печаль есть следствие боли, выведшей меня из состояния равновесия, или испитой горечи. Ликование случается и от того, что нас услышали и полюбили, на нас обратили внимание, а вовсе не от присутствия Бога.

Пусть наш ум станет независимым и доброй волей устремится к тому, чтобы вместить Бога, предстоящего и открываемого в евангельском слове. Именно Он становится моим сегодняшним Евангелием, наполняет мое сердце, принимаемые мною решения, мой разум и помышления. Теперь у меня есть свое собственное слово откровения. Мой мозг, то есть мое помышление, но не ум, сам приходит к осознанию ничтожности моей и

славы Бога, Его святости и моей греховности, рассеянности, к постижению подвига святых Церкви, и так уловляет Христа. Эта независимость не мешает уму соединиться с Богом²⁰⁵.

Это очень просто, ясно и в то же время естественно для человека. Мы так ведем себя ежедневно в обычной жизни, но никогда так не поступаем в духовной. В этом наша трагедия. Если мы только захотим, то поймем, как это легко. И кроме того, увидим, что обличение ума и помышления необходимо для начинающего. Когда кто-то ступает на богослужбное поприще, то учится этому постепенно, непринужденно. Когда ты впервые идешь куда-то, то тебе, чтобы дойти до своей комнаты, требуется провожатый, а в следующий раз твои ноги уже сами тебя приведут в нужное место, даже если ты увлечен разговором. Твой ум «истощается», «истощаются» и помышления или обращаются туда, где находится ум.

Итак, мы поднимается на следующую ступень приготовления к литургии. Речь идет об осознании, постижении каждой клеточкой своего существа того, что во мне Христос. Этот опыт засвидетельствован и у Святых отцов нашей Церкви (Пс. 81:6)²⁰⁶. Я – Христос, ибо составляю с Ним одно Тело. Каждый, кто подходит ко Святому Причащению, становится Христом, подобно тому, кто становится огнем, причащаясь огню. Я – Христос, ибо я – Его храм. Я принимаю участие в богослужбном собрании. Я – Христос, потому что жажду литургии. Я – Христос, ибо я иерей и образ Христа, а не просто некий Его представитель на земле. Я – Христос, ибо я верный христианин и Его ученик. А быть учеником Христа означает быть Христом. «Я христианин» – это значит «я – Христос». Пониманию этого могут способствовать беседы, собрания, бдения, покаяние, наполнение Святым Духом наших сердец. В конце концов ведь это так просто: понять, что я Христос.

Перед собой я ставлю Христа, явленного в Евангелии, и открывшееся мне Его Я. Кому Он открывается? Мне, который есть полное ничтожество. И я становлюсь Им. Вы понимаете, каким величием преисполняется моя душа, можете ли вы это вместить? В мгновение ока выпрямляется осанка, становятся иными взгляд, сердце, отношение к богослужению, и особенно к литургии, как только вы реально ощутите, что вы – Христос.

То, что Христос на литургии присутствует в агничной просфоре, не отрицает Его присутствия повсюду, в предлагаемом хлебе каждого православного храма во всем мире. И то обстоятельство, что я – Христос, вовсе не мешает Ему постоянно находиться возле меня. Когда я понимаю, что я Христос, то немедленно с ликованием ощущаю Его присутствие рядом со мной. Где Христос, там и радость (Ин. 15:11; 16:22,24; Гал. 5:22;

1Пет. 1:8). Истинная радость – это ощущение присутствия Христова.

Вместе с радостью чувствую не только то, что я Христос, но и становлюсь способным Его постичь и осязать. Это два разных чувства. Одно – «я – Христос» и совсем другое – углубление откровения Христа в себе, повышенная чувствительность, видение и осознание Бога, которое происходит в полумраке, в котором Христос и я, – мы сражаемся, танцуем, играем, радуемся, обнимаемся, идем вперед по жизни, чудесно и духовно. На Божественной литургии Христос открывает, кому хочет открыть (Лк. 10:22) существо Своего Отца, Свое и Святого Духа.

Когда мы осознаем, что все это есть мистическое делание²⁰⁷, которое совершается в нас через пришествие Святого Духа, то пойдем, как легко ему научиться, поднять на крылах своего разума, сердца, совести и сделать своим. Если я это понял, пережил и уверовал, то немедленно познаю и все остальное.

Вчера после обеда один из отцов посетил меня в келье, и мы договорились совершить ночную литургию. С этого момента я погрузился в атмосферу служения Божественной литургии, и ни во время бодрствования, ни когда уснул, из нее не выходил. После разговора с этим братом я повстречал некоторых из вас. Одного похвалил, другого побранил, третьего обличил, но при этом не нарушил сосредоточения своего сердца. Мой ум ни на мгновение не покидала мысль о предстоящей литургии, будто бы я уже был там и предстоял перед Богом.

До 2.30 я писал. Около 4.30 прилег, но и во сне не прекращал подготовки к литургии. В 6.30 меня разбудили. Причем тот монах, что пришел за мной, не мог понять, проснулся я или нет, и стоял выжидательно. А я своими мыслями уже давно был в храме. Это трудно понять. Перед началом литургии нужен хотя бы час на подготовку. И тогда, после освящения Честных Даров, радость и ликование наполнят всю Вселенную. Это было такое чувство, что я понял, что совершил литургию, что стал Христом. Однако сила радости после литургии, как вы понимаете, не всегда одинакова. Она зависит от Божиего домостроения.

Подготовка к литургии должна войти в наше ежедневное правило. После сегодняшней литургии необходимо жить ожиданием завтрашней и подготовкой к ней. Мы воспринимаем литургию как нечто обыденное, не понимая, что промысел Божий уникален и не повторяется из раза в раз. Жаль его потерять! Необходимо осознать то, о чем дивно сказано у Кавасилы: «Господь даром дает нам дары»²⁰⁸.

То, о чем мы говорим с вами, не есть дело нашего собственного подвига. Задумайтесь, ведь есть люди, которые приходят с желанием

увидеть Бога, которые достигли некоей сосредоточенности ума, а в результате им ничего не удастся. Ибо они возомнили, что собственными усилиями могут всего добиться, но «Господь дает нам дары даром и безыскусно». Что значит безыскусно? Искусство здесь бессильно. Действительна благодать. Все, что ты приобретаешь в Церкви, все, чем ты наполняешься, – это благодать святости и Божественной славы, нерукотворных Божественных энергий. Все даруется нам Божественной благодатью. А раз оказывается, что все так просто, то задам вам вопрос: так почему же мы не торопимся стяжать эту великую благодать от Бога, которая уготована ежедневно для нас?

Ты плетешь четки для монаха и ждешь, когда он придет за ними. Если не придет, четок не получит. Так и Господь каждый день держит наготове для каждого из нас Свою благодать. Если мы обратим горе наши сердца, умы, души, то получим Его дары. Если нет, то потеряем. Только такого рода подготовка делает нас воистину причастными Богу.

В храме²⁰⁹

За эти два дня, проведенные с вами, я понял и почувствовал, сколь благочестивы ваши сердца, как вы стремитесь к Богу, как в самые трудные минуты своей жизни ищете знаки Его присутствия, стремитесь к покаянию и исповеди. Покидая вас, я бы хотел немного рассказать вам о святом, память которого празднует сегодня Церковь.

Святой священномученик Иаков – одна из наиболее замечательных личностей Древней Церкви. Святой Иаков, брат Господень, был сродником Христа не только по плоти, но глубоко впитал и Его Дух. Он был столь добродетельным, что за это главное его качество ему усвоили прозвание «праведный»²¹⁰.

Согласно церковному преданию, он составил текст первой Божественной литургии, из которой потом произошли и все остальные литургии²¹¹. Нам не известно доподлинно, как развивалось чинопоследование литургии, но это предание является свидетельством того, что празднуемый сегодня святой любил богослужение. Он – тот, кто оставил свой след в Церкви, особенно же в Церкви Иерусалимской. А предание перешло и другим Церквам. Божественная литургия есть воистину дар Святого Духа нам, людям. Это – тайноводство Духа, способ откровения Бога и всего Небесного. На литургии нет ничего, что бы не являлось откровением Божества и Божественных энергий²¹² Святой Троицы.

Если мы считаем Бога своим Отцом и верим в это, тогда и Церковь, особенно во время богослужения, признаем своим домом. Мы приходим, уходим, радуемся, осеняем себя крестным знамением, зажигаем свечи, иногда можем и поговорить о чем-то, и всякий понимает, что православный человек воспринимает храм как дом. Свой собственный дом. А входящих в него людей – как свою семью. Ибо наша семья – это не только один, два, три или сколько бы то ни было у нас детей. Это все мы: и тот, кто справа, и тот, кто слева, и даже тот, кто всерьез еще не задумался о Боге, не отважился признать, что чувствует внутри себя зов, благодаря которому стремится приоткрыть окошко в Небо и услышать ответ Бога, но в смущении отдалается. Литургия – это наша семья, наше собрание, наш дом. Вместе с нами: и с вами, и с теми, кто сегодня не пришел в храм, и с грешниками, и с умершими соприсутствуют и те, кто сейчас находится в аду, и, быть может, здесь они вспоминают о Боге. Молитвы Церкви, поминовения на Божественной литургии – кто знает, скольким из них это поможет, возведет из их ада и избавит вечной муки^{213, 214}. Все это наш дом. Вот такой у нас, верных чад Церкви, огромный дом. Мы приходим в Церковь, к себе домой, и искренне радуемся. Это есть величайшая привилегия, которая дается каждому христианину. Здесь мы живем по благодати Божией. Глубоко переживаем спасение, полученное за искупительное дело Бога, великого Первосвященника (Евр. 2:17; 5:9–10; 7:24–27). Здесь, в Церкви, мы можем ощутить место апостола. Христос со Своею кровию однажды вошел во святилище и приобрел вечное искупление (Евр. 9:12). Христос живет для нас, пророчествует и воздевает Свои руки к Небесному Отцу. Один раз Он пролил Свою Кровь, один раз вошел во Свята святых и с того дня не престаёт молить святых, и прежде всех Божию Матерь, о ходатайстве пред Небесным Богом о нас, о наших сердцах, прегрешениях, страданиях, жизненных разочарованиях. Однажды Он взошел на Небо и «всегда» там пребывает, не покидая трона, но который навсегда воссел одесную Отца (Евр. 10: 12). Наш приход в храм и присутствие на Божественной литургии не есть некая случайность. Это не то, про что можно сказать: чепуха, приду завтра или послезавтра. Каждая литургия уникальна. Мы идем к Нему, к Тому, Кого возлюбили, к даровавшему нам жизнь Христу.

Но где же Христос? Он здесь и повсюду. Основное место Христа, второго Лица Божества, – одесную Небесного Отца (Мк. 16:19; Евр. 12:2), во Свята святых. Поэтому не думайте, что когда мы приходим в храм, то мы просто приходим, а потом уходим, а затем снова возвращаемся. Нет. Мы поднимаемся и входим во Свята святых, на Небеса. Как когда

открывается завеса на царских воротах и появляется Христос, выносятся Святая Чаша, так и для нас отверзаются Небесные ворота, и заходим мы, грешники. Каждый раз на литургии, мы совершаем восхождение в Горний Иерусалим. Вы представляете, какого величия достигают наши души? И мы восседаем одесную Отца и принимаем честь от чести нашего Христа и от честной Плоти Господа Бога нашего (Ефес. 2: 6)^{215, 216}

Находясь в церкви, мы прорубаем ход от земли до Неба. Мы раздвигаем звезды, оставляем ангелов за собою и поднимаемся туда, где пребывает Святая Троица. Это таинство нашей Церкви. Мы видим хлеб и вино. И нет среди нас человека, который не верил бы в то, что это Христос. Мы осязаем хлеб и вино, но разве кто-то из нас не верует, что это Тело и Кровь Самого Христа?

Вот какое таинство совершается сейчас! Мы видим, что стоим перед иконами, друг рядом с другом. Заблуждение! Ведь это таинство, и на самом деле мы не здесь. Мы там, наверху, над ликами святых, вместе с ангельскими воинствами, вместе с шестикрылыми серафимами, которые перемещаются столь быстро для нашего научения, чтобы и мы денно и ночью устремлялись ко Христу вместе с многоочитыми херувимами, чтобы навыкли наши собственные глаза открывать Христа. Вот в этом и заключается таинство нашей Церкви.

Чтобы нам лучше усвоить, представим себе: если мы хотим отправиться в поход и взойти на высокую гору, что мы делаем? Берем с собой снаряжение, еду, обувь, посохи и все, что может понадобиться в путешествии, мы проверяем свое здоровье, одним словом, ведем подготовку. Во время сборов мы неожиданно для себя обнаруживаем, что уже находимся на вершине. Происходит нечто подобное и в храме. Хотя мы только еще готовим свои сердца для Небес, но приходя в церковь, мы делаем шаг на Небесные высоты. Мы готовимся к брани, чтобы сокрушить демонов и прегрешения, и одновременно видим, что грех все еще владеет нашей душой, плотью и сердцем. При входе в церковь эта плоть становится одесную Отца, и Христос указывает нам на Небесного Отца. Это таинство из раза в раз открывается в Церкви.

Что мы делали, мои дорогие, только что во время Малого входа? Перед Малым входом мы возсылали Богу молитву и просили Господа, чтобы Он нас сподобил вместе с ангелами сопровождать Святое Евангелие: «Владыко Господи... сотвори со входом Твоим входу святых ангелов быти». Это происходит на самом деле. Вход совершаем не мы. Его совершают ангелы, которых послал Бог. Поэтому ангелы и называются служебными духами (Пс. 103:4; Евр. 1:14), ибо они приходят для того,

чтобы служить нам, как прислуживают алтарники, которые держат перед собой выносные подсвечники или разжигают кадило. Это есть дело ангелов. Они готовят для нас все, чтобы в один прекрасный день трапеза нашего спасения была завершенной. Что же должно быть приготовлено? Иногда хозяйка делает обед быстро, а иногда долго. Так поступает и Господь Христос, Князь Неба и земли. Когда же быстро, а когда медленно он приготавливает трапезу нашего спасения? Он служит нам через ангелов. Ангелы предшествуют, открывают нам путь, и мы берем фимиам, чтобы воскурять его перед ангелами, потому, что они нам служили, а затем мы кадим и святым, и всему, что находится внутри храма.

Вспомните: когда святой Спиридон произносил: «Мир всем», то ему отвечали ангелы: «И духови твоему»²¹⁷. Святые отцы имели такие откровения и видения, которые не перестают случаться и до сего дня. А за спиной преподобного Сергия Радонежского в час Божественной литургии всегда стоял ангел. Один раз во время Евхаристии двое учеников святого увидели, что их не трое, но четверо. Стали вглядываться – четвертый исчез. Кто же это был? Увидев его впервые, они спросили: «Нас четверо. Как же это так?» – «Тише, – отвечал им Сергий, – я вам потом объясню. Это святой ангел, которого мне послал Господь. Он каждый раз приходит и мне прислуживает»²¹⁸.

Это величие нашей веры, которое раскрывает святой Иаков в своей литургии. Поэтому он начинает ее Малым входом. Войдя в храм святой Иаков сразу же говорил: «Мир всем», затем происходил Малый вход, после – Великий. На Великом входе иерей устремляет свой взор к Небесам, и Небеса спускаются на землю. Он управляет херувимами, серафимами, Святой Троицей. Поэтому Бог дает священнику полномочия Христа. Христос невидим, поэтому Его дело творит священник. И иерей в алтаре есть император, который управляет людьми, но прежде всего чинами святых и ангелов. Мы часто устаем, нам тяжело. А святые и ангелы никогда не говорят «нет» священнику Бога, и тем более на литургии.

Вот то величие, мои дорогие, которое открывает нам сегодня святой Иаков. Наша литургия является великим даром. Никто не достоин этого величия. Никто не может сотворить ничего без Бога. Бог все проводит в жизнь и уже осуществленное вкладывает в наши руки и наше сердце.

Мы призываем на помощь святых, и они приходят. Кого ты любишь, тот тебя посещает. Кого позвал ты? Тот приходит к тебе. Поэтому мы говорим: благодарим Тебя, Господи Боже наш, ибо низвел нам воинства ангелов и нас возвел на Небеса. Мы удостоены предстоять перед Отцом Небесным. Какое блаженство! Какое счастье!

Но тут можно подумать: сколь великим, богатым, высоким меня, грешного, делает Бог! «О горе мне, погиб я (Ис. 6:5), на меня снизошел Господь, и я страшусь умереть», – говорит Исаия. Так должны говорить и мы, когда приходим в храм. Бояться и радоваться. Да трепещут и да ликуют наши сердца, ибо мы обнимаем Бога, и Он обнимает нас.

Вы пришли в церковь, на литургию. Оставьте тревогу. Перед нами Бог. Куда бы мы ни обратили свой взор, перед нами Бог. И если мы Его не видим, то это вовсе не значит, что Его нет, но просто наши глаза не привыкли смотреть на Него.

Церковь в конце Божественной литургии возглашает: «Видехом свет истинный». Его видели наши сердца. Мы почувствовали Его в глубине нашей жизни. Если ангелы обращались к Богородице, восходившей на Небо, со словами: «возьмите врата Ваша, князи»²¹⁹, Небесные воеводы, ангелы и архангелы отворяйте врата, да внидет Царица, то тем более, давайте возгласим это Царю Христу с ангелами и архангелами, которые нас видят, любят, защищают: Возмите врата... и внидет Царь славы (Пс. 23:7)²²⁰.

Да посмотрим мысленно на Царя, Которому мы, грешные, открываем путь и говорим вместе с псалмопевцем: Приидите, поклонимся и припадем Ему, и восплачемся пред Господом сотворшим нас: яко Той есть Бог наш (Пс. 94:6–7). Давайте раскроем глубины нашего сердца перед Господом, который здесь, и каждый день будем делать шаг вперед, чтобы постичь все то, что Бог Избавитель наш, сделал для нас.

Общение двух миров²²¹

Евангельскому отрывку, который мы читали сегодня, предшествует место: когда же возвратился Иисус, народ принял Его, потому что все ожидали Его (Лк. 8:40). По слову евангелиста, на обратном пути Господа встретили заранее пришедшие сюда люди. Они ожидали Господа до тех пор, пока не встретили Его и не обступили с тем, чтобы получить дары от Его святости.

Так и сегодня. Для того, чтобы услышать Евангелие, приблизиться к Богу, присоединиться к ангелам, святым, вы поспешили на это священное собрание, на Божественную литургию. Вы вышли на встречу с Господом.

Для меня огромная радость видеть, что после стольких лет вы вновь, как и в прежние времена, собрались в этом святом месте. Сколько раз я наблюдал, как каждый из вас со своими чаяниями, биением сердца, благочестивыми устремлениями приходил в храм Богородицы, а иногда в

часовню или исповедальню, всегда с намерением стать ближе к Богу и получить дары от Его силы. И сегодня возрадовалось сердце мое (Пс. 12:6; 83:3), когда увидел вас рядом с Богом возле этого Небесного и земного жертвенника.

Я знаю о ваших страданиях. Знаю и об упованиях. Знаю о ваших потаенных мечтах, удачах и неудачах, потому что знаю ваши дома. Но мы все – люди, и поэтому имеем трудности. Их мы возлагаем на Бога, чтобы от Него получить частичку Неба для благословения нашей жизни.

После этих евангельских слов вы слышали рассказ о чуде. Двенадцатилетняя девочка была в горячке. Она умерла. Страшно видеть, как на глазах уходит жизнь. Двенадцатилетний ребенок скончался. Но по вере отца Господь сил Иисус Христос подошел к кровати покойной и сказал: Девица, встань (Лк. 8:54). Но разве возможно, чтобы мертвый услышал? И вероятно ли, чтобы душа, отошедшая далеко, вняла нашему голосу? Куда ушла она? А девица услышала! Ее дух внял призыву Господа и гласу народа, просившего ее подняться, вернулся с Неба, и вот он идет, и вновь заходит в тело.

Как возможно, чтобы усопшие слышали то, о чем мы говорим на земле? Может ли осуществляться общение между миром здешним и миром иным? Разве мы можем иметь связь и реальное общение с нашими преставившимися детьми, мужем или женой, любимыми родителями, которые не только умерли давным-давно, но и кости их уже обратились в прах?

Дорогие мои, общение есть. Потому что смерть с тех пор, как умер и воскрес Христос, боится Церкви, боится Христа, боится человека, ибо человек есть образ Бога, и бежит далеко, когда слышит голос: восстань, умершее сердце! Это естественно. У смерти кружится голова, когда Церковь ее заклинает. Не отправились бы мученики на мученический подвиг, если бы смерть не служила той ступенью, которая приводит к Богу, к нашей истинной жизни. И мы бы не отважились разлучаться с жизнью, если бы навсегда расставались с теми, кого мы любим. Реальная же действительность такова, что мертвецы больше живы, чем мы. Ибо изо дня в день мы влачим жалкое существование, проводим время в страстях, стонах, безнадежности. А те, кто жизнь свою прожил добродетельно, видят лик Христа и сами исполняются Его светом. Поэтому я говорю, что они – более живые, чем мы²²².

Когда мы обращаем наши слова к миру иному, то мертвые нас слышат, потому что живущие на земле и на Небе – есть одно стадо, одна Церковь, одна семья²²³. Когда отец или ребенок зовут кого-то из

домашних, то другие слышат. Так и в нашей семье, в Церкви, – то, что мы произносим здесь, слышат и другие на Небесах.

Ангелы и люди, живые и умершие, грешные и праведные – все мы составляем единое Тело Иисуса Христа. То, что происходит с одним членом моего тела, то ощущает и все тело. Следовательно, у земли нет тайн от Неба. Мы говорим, мы молимся. Бог слышит нас. Отец склонился над нами. А только ли над нами? Разве Он только нам Отец? Нет, он Отец и усопшим.

Следовательно, Бог Отец над нами пребывает каждый день, и Его дыхание ощущают не только живые, но и умершие. Мертвые ежедневно видят полные любви очи Бога, устремленные к ним. Разве возможно, чтобы Христос, Спаситель наш, принявший смерть за грешников (Мф. 9: 3; 1Тим. 1:15), не подошел к ним и не покрыл их своей заботой, чтобы сохранить их души для будущей жизни?²²⁴ За них Он был распят. За них пролил Свою Кровь. Разве отнимет Он Духа Святого, Который находит и нас наполняет ароматом благоухания Божества? Мы погибнем без Святого Духа (Ин. 6: 63)²²⁵. А то, что мертвые там, на Небесах, живы означает, что Дух Святой веет в них (Ин. 20: 22). Представьте на минуточку, что вы стоите в грязной и душной комнате, чувствуя сильное раздражение. Вы открываете окна, впускаете струю свежего воздуха, и сразу успокаиваетесь. Так и Святой Дух. Как воздух, Он веет и на землю и на Небо, и пребывает везде и дает умиротворение и жизнь мертвым, вплоть до дня Второго Пришествия.

Итак, мы все есть Церковь. Все Божество склонилось над нами, с особой заботой – Пресвятая Богородица, Матерь Божия, любящая нас. Она претерпела за нас всех, и все мы любим Ее, Она стремится успокоить каждую душу, перебегая от одной к другой, и избавить от отчаяния. В то же время Она побуждает нас молиться и за себя самих, и за усопших; дает нам дыхание, силу и надежду. И ангелы Божии служат спасению и нашему, и умерших.

Одно Тело составляем мы вместе с усопшими. Мы – единая Церковь вместе с Небесами, вместе с умершими. Если мы здесь на земле чувствуем необходимость поговорить друг с другом или позаботиться о другом человеке, то подумайте, какую потребность имеют мертвые в общении с нами! Наши умершие всегда просят, чтобы мы к ним устремляли свой ум, свои молитвы. Наши умершие живы и всегда следят за тем, поминаем мы их или нет. И есть великая потребность в этом общении²²⁶. Мы воссылаем им наши молитвы. Мы возлагаем наше упование не только на Христа, но и на них. Наши литургии мы служим и для них, для них – сорокоусты,

панихиды, литии. Это не только помогает им, но через это мы имеем возможность общения с миром иным, ангелами и святыми^{227, 228}

Когда мы поминаем усопших, они радуются, ликуют, надеются, ожидают, идут навстречу дню Второго Пришествия, лелея надежду в своей душе. А сколько из них там, наверху, не противостоят Богу, не восстают против Него, но к Нему приближаются, а нам посылают сигналы о том, чтобы мы их поминали. А знаете, как они благодарны и как воздадут нам за наши поминовения!

Они во стране живых (Пс. 114: 8)²²⁹. В земле живых и мы. Они беседуют с Богом. И Бог беседует с ними. И как говорится в Священном Писании: день посещения (Прем. 4:15; 1Петр. 2:12) и славословие (Прем. 3:7)²³⁰ – это то, что видят перед своими глазами не только мертвые, но и живые. Мы всегда посещаем тех, кого мы любим. Так и Христос посещает одного за другим всех мертвых и Сам дает покой им через архиерейские молитвы, показывает кровь и рубцы, говоря: «Уповайте, стоните и страдайте всю жизнь». И они глядят на нас, если мы молимся о них. Потому что мертвые уже без тела. Когда они вновь получают свои тела, только тогда смогут осуществлять телесные моления ко Господу. Человек – это дух и тело, но там, наверху, только духи. Поэтому мы должны молиться о мертвых Богу. Мы имеем право и обязаны просить Бога, чтобы приблизил к нам любимых нами умерших людей.

Когда мы общаемся с Небом таким образом, то видим, дорогие мои, перед собой чудеса, исцеления, видения, явления святых, которые спускаются к нам. И мертвые души, которые, на самом деле живые, ликуют, когда видят нас в таком общении с другой жизнью. Все святые нам помогают, все святые склоняются над нами, все святые участвуют в наших собственных стремлениях. Усопшие видят нас, а мы молимся о них.

Добавлю и еще вот что. Если мы хотим, говорит Священное Писание, иметь общение с Небом, со святыми, с духовными светильниками, со Христом, с умершими, с ангелами, то существует нечто, что делает наш голос более сильным. Вы знаете, что это? Страдание, которое мы можем пережить в своей земной жизни, скорби, которые встречаем с улыбкой, искушения, которые принимаем, болезни, которые нас бьют и рубят, все проблемы, которые сгибают наши спины (Рим. 5:35; 2Кор. 4:17)²³¹. Это все есть письма живые, возводящие ко Христу тех, кто подписался своей кровью, потому что страдание – это кровь и Христос, проливший Кровь за нас (Рим. 3:25; 2Кор. 3:3; Евр. 2:14–18; 13:12, 20). И если эти

молитвы о наших умерших есть молитвы страдания и слез, то на них Христос смотрит особо.

Итак, Господь воскресил девицу. Но умершая девица есть и любой из нас, потому что все мы ведем борьбу между жизнью и смертью²³². Мертвые девицы – это мы, потому что как дети играют и балуются, так и мы грешим и, следовательно, умираем духовно. Девицы умершие есть и души наших предков, и наши собственные, потому что и нам настанет час разлучаться с этой жизнью. Так, к каждому из нас, к каждому из мертвых Господь обращается: Девица, встань (Лк. 8:54). И мы помогаем этому воскрешению нашей собственной молитвой и воздеянием рук к небу в вере, что земля и Небо – это наше тело, наша Церковь, наш дом. Как сегодня мы прогуливаемся по этим переулкам, так в один прекрасный день станем ходить по тропам Небесным, где светильниками служат ангелы и святые²³³, и прежде всего Трисиятельное Божество.

Следовательно, давайте взывать, молить Бога за нас и за наших умерших. И будьте уверены, что наши мертвые нашими постоянными молитвами за них будут приближаться к Богу и достигнут в конце концов славы, если Его не отрекутся²³⁴.

В монастырях каждую субботу совершаются две службы – одна в соборе, а вторая в костнице²³⁵. Каждую субботу в монастыре мы читаем многие имена усопших с прошением к Богу поместить их в Его славе. Каждую субботу во всех монастырях мы поем «Святой Боже» нашим мертвым²³⁶.

Как-то раз один монах, читая множество имен, утомился и спросил себя: «Неужели спасутся все те, кого я поминаю? Неужели они что-то чувствуют? Неужели Небо ощущает, что я в данный момент молюсь за тех, кто исчез с лица земли? Неужели мертвые помогают нам?» И в этот миг, почувствовав усталость, он оперся на стасидий, чуть прикрыл глаза и то ли во сне, то ли наяву, в некоем возбуждении ума и одновременно усталости плоти, он поднял глаза вверх, и видит... несчетные души усопших, а вместе с ними и святых, и ангелов. А перед тронем Господа Пресвятая Богородица в дивных одеждах и Своим блистательным ликом показывает ему духов, смотрит на Христа и, обращаясь к Нему, говорит: «Сыне мой и Бог мой, за всех них прошу Тебя. Приими моления святой Твоей Церкви». И тогда все мертвые – монах услышал их – стали петь: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших»²³⁷. Ты не только родила нам Спасителя Христа, но и денно и ночью молишь Его за нас. Их голоса становились голосами бездн, гласами вод многих (Откр. 1:15; 14:2), их голосам вторил шум ангельских крыльев и они разливались по всему Небу и по всей земле и достигали того места, где стоял монах. Не

тимпаны, не органы, но ангелы били своими крыльями и пели: «Яко Спаса родила еси душ наших».

Вот Кто есть Спаситель, дорогие мои. Хочу вам пожелать, чтобы Он каждый день дарил вам опыт спасения любовью, наполнял ваши дома многими благословениями. Чтобы вошел в сердца ваши, ибо Он таков, что вы можете сказать: «Богородица родила Христа, а я ношу Его внутри себя, Спасителя душ наших».

Глава 3. Богомыслие

Призвание монаха
есть путь за Спасителем,
шествие за апостолами

Жизнь Святой Горы и человеческое общество

Предисловие

В одной из монашеских книг говорится, что если инок осмелится рассуждать о вещах, которых он не пережил сам, то его начнут преследовать демоны мщения²³⁸. Однако я надеюсь, что сегодня этого не произойдет, потому что вы все своим присутствием, жаждой познания и любовью воспрепятствуете им преследовать меня словами: «Ты сказал о том, во что не верить или чего не понимаешь».

В другой книге по этому поводу сказано то же самое, а именно: если кто-либо утолит духовными словесами жажду души и они не войдут в ее глубь, то с этого момента человек будет вечно испытывать жажду, но уже никогда не сможет ее утолить²³⁹. Он будет подобен тому, кто нарисовал картину, на которой изобразил себя пьющим воду. Своими словами он насытится, как водой, выпитой с живописного холста.

Введение

Я думаю, что Богу и Владычице Богородице приятно и угодно, когда говорят о Святой Горе. Но рассказчик должен быть ангелом или равным ангелу.

Так как быть мне, раз уж я приглашен? Я ваш покорный слуга, и поэтому вынужден рассказывать о Святой Горе, о которой преславное глаголашася (Пс. 86:3); ее возвышенности, низины, пещеры, почвы – все Господь для нас приспособил, мы все это использовали в качестве основания для обустройства монашеского жития, а Дева Мария коснулась каймою Своих духоносных одежд.

Все там приукрашено вековыми подвигами, испещрено потоками слез, пропитано кровью преподобномучеников, обогащено честными мощами; все блистает от лучей Божественной колесницы, переносящей вверх и вниз Бога. Он благоволил избрать Афон местом Своего обитания, благословляя и воспитывая тысячи гобзующих (Пс. 67:18) иноков. Никто не может сосчитать ни достижений, ни даже имен святогорских отцов, уже не говоря о том, чтобы запечатлеть ведомое одному лишь Богу описание их жизни, целью которой было – стяжать Царствие Божие.

Несмотря на это, святогорская жизнь, столь таинственная и сокровенная в кладовых келий и сердец, в богослужебных собраниях, в то же время так близка каждому и открыта для всякого человека – будь он духовным лицом или бездомным бродягой, проходящим мимо. Ибо Святая Гора живет словно единое возлюбленное Богом творение в нежных объятиях мира, который привязан к Афону, оберегает его и время от времени подпитывает новыми монахами.

Кому случилось побывать на Святой Горе хотя бы однажды, тот знает, что монахи принимают паломников с улыбкой и любовью, и каждый понимает, что эта улыбка и эта любовь есть одно: распахнутое в Небеса окно, отблеск сияния сердец святогорцев. Видят паломники и то, что живут монахи с пением и в блаженстве имени Иисусова, насыщаясь денно и ночью молитвами и пением псалмов. Каждый день они омываются в этом. И если и есть что-то, в чем бы они могли выразить себя, так это имя Господне.

Монахи, вечно испытывающие жажду в памятовании о Господе²⁴⁰, будучи соединенными и с теми, кто близко, и теми, кто далеко, в молитве предстательствуют за всех людей, за их обожение. Вся жизнь святогорца проходит под знаком радости, молитвы и плача о падшем и страждущем Адаме и воскресении всего рода человеческого. Подобна Небесной жизнь монаха, но, в то же время она проходит в человеческом обществе. Поэтому вернее сказать: она есть богочеловеческое собрание людей и святых. Следовательно, это нечто совершенно чужое и в то же время очень близкое каждому из нас.

Святогорец живет в своем месте, удалившись от всего. Это место называется «Садом Богородицы». Он пользуется византийским временем²⁴¹, отличным от мирского – это время богослужебное, и оно переносит монаха к великим событиям жизни Христа, передает ему те переживания богослужения, какие испытали Святые отцы. У монаха другой календарь²⁴², «переданный отцами». Он не использует его для каких-либо «сделок», но для расчета одного – дней памяти святых, то есть

своих ежедневных встреч, назначенных с уже причисленными к лику святых подвижниками благочестия ежедневно в храме, в келье, в своем сердце.

За пределами «Сада» простирается «зарубежье», внешний мир – мир, конечно же, Божий. Там – родители, братья, сестры и друзья Христовы, призванные в Царство, сонаследники обетований Бога. Все они также являются «своими» для Бога, как бы далеко ни жили. Два мира сплетены столь неразрывно, что я мог бы сказать: нельзя рассуждать о мире, не прочитав прежде целую главу, посвященную Святой Горе.

И не понять Святую Гору, не зная, что такое на самом деле мир. Во всяком случае, Святая Гора есть место, которому радуется святогорец. Здесь, в этом благодатном саду, чувствуешь себя легко, здесь, на Горе святых, ты живешь как богач. Открываешь глаза, по слову Писания, и досыта ешь хлеб (Притч. 20:13), простираешь свою руку, ешь мед, и он сладок для гортани твоей (Притч. 24:13). Ты наяву причащаешься сладчайшей Божественной жизни.

Ну что мне сказать о жизни святогорцев, высокой, как звезды в раю, и глубокой, как таинство Христа? Давайте с дерзновением в голосе нарушим подобающее святыне молчание и поговорим о некоторых отличительных особенностях жизни на Святой Горе.

Богочеловеческое житие

Во-первых, святогорцы, даже и те из них, кто являются величайшими отшельниками, – это огромная община. Монахи на Святой Горе объаты чувством, что они составляют одно целое. Они никогда не ощущают своей личной независимости от остальных. У них есть единое государство, разделенное на большие и маленькие семьи разного типа (киновии, дома, каливы, скиты)²⁴³. Каждая семья имеет свои отличительные признаки, свою историю. Не существует двух одинаковых. Каждая семья движется свободно и непрестанно приносит Богу то, что имеет, и то, что может.

Но в то же время все они имеют и общее святогорское сознание, единую традицию и поэтому свобода допускается в рамках этой традиции. Святогорцы чувствуют, что вместе они составляют одну семью.

Кроме того, каждая монашеская семья представляет свое собственное внутреннее равновесие единства и любви благодаря иерархическому устройству, и прежде всего взаимному согласию и принятию во внимание положения, мнения, воли и особенностей характера другого человека, находящегося рядом, ибо другой является воплощением своего «я». В нем монах обретает образ Божий, и именно это интересует его в ближнем.

Признавая другого, каким бы характером тот ни обладал, и ставя его

выше себя, монах разрешает всякое разногласие и таким образом сохраняет чистоту своей личности и обретает ее завершенность, исполненный мудрости и Божественной справедливости.

Как следствие этого возникает равноправие членов семьи. Все – общее, основания этому – свобода и добрая воля. Здесь нет ничего собственного. А то, что мое, – так оно все общее, все «твое». Здесь нет ни повелений, ни обязательств, ни каких-либо иных принуждений. Каждый осуществляет посильное приношение Богу. Все предстоит перед лицом Божиим, каждый со своей душой и собственной мерой.

Этот, кажется, более склонен к созерцанию, а тот – к деятельности. Один в высшей степени благоговееен, другой более свободен. Вон того пришедший на Афон паломник, пожалуй, сочтет крайним, а он живет самым естественным для него образом. Посетитель сравнит его с «хулиганом», какие бывают в миру. Да, может быть. Однако он «хулиган» Божий, который ежедневно предстоит перед Ним. Кто может отказать ему в праве приметаться в дому Бога (Пс. 83:11)? Да, вероятно, он совершает плохие поступки, но с надеждою пребывает предстоящим пред Богом (Лк. 1:19) денно и ночью.

Жизнь каждого монаха и любой монашеской общины отличается и еще одной характерной чертой. Это – радость. Источником этой радости являются слезы монахов. Радость есть плод, принесенный молитвой, соприсутствием Бога. Изю дня в день является торжество монашеского содружества и личной жизни. Без каждодневной радости немислима жизнь святогорца. На Афоне ты можешь лицезреть воплощение увещания царя-пророка: Радуйтесь, праведные, о Господе; правым подобает похвала. Все языцы, восплещите руками, воскликнете Богу гласом радования (Пс. 32:1; 46:2).

Такие общественные связи святогорцев выражаются не только во взаимоотношениях между членами одной семьи или членами из других семей, монастырей, скитов, но в контактах с проходящими паломниками и людьми из мира в целом. Монах никогда не смотрит на другого как к чужого. Он не лишает его ни трапезы, ни церкви, ничего из того, чем можно поделиться. Это является одной из традиций монашества – ставить превыше всего гостя и своего ближнего.

Чтобы ощутить это, послушайте некоторые наставления к отшельникам аввы Исаяи, одного из величайших отцов-отшельников и аскетов, и вы увидите единство мысли Святой Горы, начиная с глубокой древности.

Если ты, говорит он, встретишь по дороге кого-нибудь из своих

обвинителей или клеветников или если он посетит тебя, прими его с лицом радостным и добрым, и смотри – не скажи ему что-либо о его клевете против тебя²⁴⁴.

Если ты прогуливаешься с другими братьями, то не делай ничего, что могло бы проявить твое предпочтение, любовь или особое благоволение к одному из них, откровенность в отношениях с ним, чтобы случайно не впал в зависть другой и не стал бы подобен мертвому от огорчения²⁴⁵.

Сколь простыми кажутся эти слова, но какую глубину они имеют! Проблема не в зависти другого, а в том, что он, завидуя, в своей печали станет подобен мертвому и не сможет более предстать пред лицом Бога, ибо опечаленный человек не может ни молиться, ни даже любить Бога.

Продолжим.

Если ты идешь со своими братьями и один из них более слаб, притворись, что хочешь отдохнуть или что ты голоден и хочешь поесть, так, чтобы укрепился он, но сделай это, не показав, что оказываешь ему милость²⁴⁶.

Вы видите благородство души, тонкость человеческих отношений? Сколь соборное мышление приобретает такой человек! Как исчезает его индивидуализм и на первое место становится ближний, а через него Сам Бог!

Никогда не говори другому: «Ты не умеешь делать это хорошо. Стой, я тебя научу» или: «Еда, которую ты приготовил, могла бы быть и получше», чтобы не огорчать его, но надлежит тебе обрадовать сердце его.

Если тебе приносят пищу, которую ты не можешь съесть, не показывай этого: принудь себя, вплоть до смерти, чтобы это съесть и обрадовать другого²⁴⁷.

– Остерегайтесь противостоять брату в чем-либо, чтобы не огорчать его²⁴⁸. Любовь побеждает скорбь.

Послушайте, что говорит святой Исаак об отшельниках-пустынниках:

«- Я заповедаю тебе, брат, хотя ты и в пустыне, что должно тебе подвизаться, “покуда не испытаеть ты к себе ту меру жалости, которую имеешь по отношению к миру”».

Сердце грубое и безжалостное никогда не очистится²⁴⁹.

Брат мой, брат мой, пусть будет по слову его, ты в пустыне, ты подвизаешься. Знаешь ли, чем тебе необходимо обладать, помимо молитвы и аскетических упражнений? Что говорит о Боге Священное Писание? То, что милость Его наполняет всю Вселенную».

Итак, необходимо, чтобы твоя любовь обнимала не только твою собственную пустынь, но распространялась и на тех, кто очень далеко от

тебя. И если случайно ты кого-нибудь огорчишь, кем-нибудь пренебрежешь, то знай, что тогда уже не идет речи о достижении очищения, ибо как войдет в тебя Божественная благодать? Если ты не вмещаешь в себя интересов другого и этот ограниченный мир, то как вместишь беспредельного и невместимого Бога?

Вы видите, границы Святой Горы очерчены, определены; при этом они имеют и другое измерение. Они включают Вселенную и все, что наполнено светом лика Господа.

Общественная и одновременно духовная жизнь Святой Горы, житие святогорцев, держащееся на вышеупомянутых постаментах, естественным образом привлекает отовсюду людей. Часто они приходят из светского общества, одни – с желанием покаяться и начать сначала свою жизнь, упразднить из нее суету, другие ищут успокоения, утешения, очищения либо духовного наставника, который может помочь советом и в печали, и в радости.

Более того, святогорская жизнь, излучая свет во все времена, даже в самые мрачные века, когда Греция находилась под турецким игом, способствовала процветанию центров монашества с духовным устройением, ориентированным на Афон, на всем пространстве Балканского полуострова и за его пределами, в России. Бессчетен перечень святых старцев и духовников, вышедших со Святой Горы и заполнивших мир. Афонское «излучение» продолжается и в наши дни²⁵⁰.

Земля Греции более других изобилует святогорскими подворьями и монастырями, построенными святогорцами. Они подобны деснице Афона, простертой для распространения духовности, общинности, дыхания, нравов святогорской жизни среди мирского общества. Все это, безусловно, внесло свой вклад в сохранение веры, истины, языка, богослужебного обряда нашей Церкви, обычаев, сокровищ, всего святого и священного, что есть на земле Эллады, национальных традиций, искусства, словесности. Кажется, будто осуществлялось невидимое, организованное руководство над всем этим.

Не будем слишком долго задерживаться на существовавшем во все века, вплоть до сего дня, национальном, церковном, духовном вкладе афонских старцев, которые выходили со Святой Горы в Грецию, на Балканы и в Россию, а позднее в Европу и далее, наполняли мир благодеяниями, превращали его в материнское лоно, некогда выносившее Христа и ныне носящее бесчисленных святых, ибо учили они правильному церковному самосознанию.

Вся Греция знает об этих святых людях, кажется, что вопиют и сами

скалы, пещеры, о них хранит живое предание и народ, который их почитает.

Таким образом, жизнь Святой Горы, равно, как и деятельность святых старцев, есть определяющая черта духовной жизни христиан в миру. Святая Гора, будучи сердцем одного тела, оживляла все широты и долготы нашей родины, выходя за ее пределы, передавая опыт святогорской жизни, радость, улыбку, безопасность, мир, надежность, веру в присутствие Бога в мире. И сегодня в России, Сербии и других местах можно найти монашеские очаги, названные по имени Святой Горы: «Святая Гора», «Малая Святая Гора» и др.

Таким образом, мир становится окончательностью и склонами Святой Горы, становится ее окрестностями. Гора являет миру живого Бога. А мир приносит Горе живость и простоту души, которая никогда не бывает без Бога, даже если утверждает, что «Бога нет».

Нелегко различить реальные и духовные пределы Афонской земли и нелегко сказать: «Здесь Святая Гора, а там человеческое общество». Ведь Святая Гора – это богочеловеческое общество. Ведь населяют ее люди не простые, но состоящие в общении с другими людьми, святыми, ангелами, с Самим Богом. Она есть собрание народов. Она – народ Божий. Бог ста в сонме богов (Пс. 81:1). Они поистине святые, они – ангелы, живущие посреди людей²⁵¹, собранные вокруг Бога, как сказал о монахах святой Иоанн Златоуст.

Чтобы иметь наиболее правдоподобное изображение богочеловеческой общности на Святой Горе, не стоит забывать о том, что святогорцы большую часть времени проводят в храме, а лучше сказать, что они в нем живут. Неопределенная и аморфная масса мирян, каждый из которых смотрит на соседа как на безымянного бродягу, со своими мечтами, собственной жизнью, устремлениями, погребена под собственным индивидуализмом и не существует для другого. В противоположность ей богослужebное собрание святогорцев является земным и Небесным, полным и завершенным обществом знакомых, близких, свободных и любимых людей, вместе составляющих таинственное Тело Господа нашего Иисуса Христа и чающих в песнопениях и молитвословиях наступления Царствия Божия.

Известно, что почти всегда в святогорских богослужениях участвуют миряне. Да и в былые времена Святая Гора никогда не была местом исключительно монашеским. До сих пор на Святой Горе живут миряне – нищие, недужные, трудящиеся, стремящиеся к покою и радости.

Святогорское богослужение, которое никогда не прекращается, делает

жизнь святогорцев непрерывным общением, совместной многоагничной жертвой и приношением за всю человеческую жизнь и обнаруживает не только единое общество людей и святых, но также и единство всей твари, которая совокупно стенает и мучается (Рим. 8:22), обновляется и вместе с Богом воскресает.

Пророческое житие

Итак, если мирянин впервые приблизится к повседневной жизни святогорцев, то будет удивлен, видя, что между собой они говорят о видениях, снах, пророчествах, чудесах как о самых обычных вещах. Например, они станут рассказывать о чудесных исцелениях, говорящих змеях, ангелах, святых (или бесах) как о принимающих реальное участие в житейских событиях, находясь поблизости с монахами. Вы сразу почувствуете, что за этими, часто простыми или даже простецкими разговорами, стоит некое переживание, влекущая невидимая сила, нечто совершенно иное; некая сокровенная сущность, которая составляет жизнь таинства. Мирской человек с трудом принимает это.

Но святогорцы обладают чувством этих реальностей, существующих как бы невидимо. Вкушение Небесного вожделенного опыта, в высшей степени присуще обитателям Святой Горы. Монах живет, видя насквозь и предвидя невидимое. У него сердце пророка. И святогорская жизнь неразрывно связана с даром пророчества. Она выходит и разносится в сегодняшнем мире, приносящем жертвы и поклоняющемся им, как пронзительный пророческий крик.

Пророки в древнем Израиле – и, конечно же, в новом – были окнами собрания, открытыми в запредельное и надвременное. Через них могли смотреть и слышать все люди, составлявшие верный народ Божий. Молитвы и утешения пророков оживотворяли умершие души верных, их блестящие пророческие вещания приводили всех в дрожь. Путь пророка в народном сознании был путем Бога. Свидетельство пророка в действительности не было возвещением о грядущем, но сообщением о здешнем мире, оно было раскрытием присутствия Бога, откровением, что «се, здесь Христос», Который входит в нашу жизнь, напоминая о Своих правах на нее и о наших правах на Его жизнь.

Каждый может понять, насколько это важно. Ибо народ, зачастую сидящий во тьме (Мф. 4:16) и невежестве, не переставая быть народом Божиим, знает то, что знают они, видит то, что видят они, – то, что понимают и переживают они, люди Божии. Перед ними открыто и прошлое, и будущее, и видимое, и невидимое, а значит, все то может видеть и он, поскольку составляем мы единое Тело. Мы причастны их

знанию. Их пророческое чувство становится и нашей собственной жизнью, ибо мы не идем «наугад», а один тянет, влечет за собой другого.

Итак, святогорцы представляют собой одно пророческое собрание, – голос которого слышен также и в миру, свидетельствуя о явлении вечной жизни, желаниях святых, стенаниях преподобных о том, что приблизилось Царство Небесное (Мф. 10:7), которое силою берет, приблизились дни родиться духу спасения (Ис. 26:18).

Это причина, по которой миряне всегда с радостью и ожиданием, несмотря на все возникающие соблазны, принимали святогорских духовников и старцев, лелея тайные надежды, в которых не разочаровывались.

Когда Антоний Великий вышел в мир, при всем нам известных обстоятельствах, то даже и язычники «считали за честь хотя бы дотронуться до старца, веря, что это пойдет им на пользу»²⁵². Тогда за несколько дней христианами стало столько людей, сколько не было во все времена.

Афанасий Великий говорит о нем: «Кто скорбящий не возвратился от него в радости? Кто плачущий... не отложил свою печаль вмиг?»²⁵³.

Как много может присутствие одного святого старца в мире!

Вот такими глазами мир всегда смотрел на монахов, а особенно на тех из них, кто стяжал святость и аскетические подвиги и отличается, вплоть до сего дня. И в каком-то смысле через них мир приобщается монашескому опыту и Божественному благословию Святой Горы. Что касается раннехристианской аскетической истории, то она признает относительно таких монахов следующее: «Благодаря им стоит мир и в чести человеческая жизнь»²⁵⁴.

Однажды в XVIII веке мудрейший патриарх Иерусалимский Хрисанф встретился со святогорским преподобным Акакием Новым²⁵⁵, и после этого возглашал повсюду: «Видел я нового Илию и Иоанна Крестителя; видел более, чем слышал»; и прославлял он Бога за то, что в такие времена еще встречаются такие личности²⁵⁶.

А сколько тысяч святогорских монахов уходили на проповедь с Афона! Это и Косма Этолийский²⁵⁷, и преподобный Никодим Святогорец, бесчисленные святогорцы-новомученики и все преподобные, вплоть до нашего века, множество житий которых служат ежедневной усладой для верных!

Они становятся духовными осями, вокруг которых свободно вращается колесо новоначальных юношей. Они являются руководителями душ и воспитателями личностей. О многих верно слово: И сей, «от всего

убежав, отправляется к Богу»²⁵⁸. Почему? Потому что встретил он монаха, жизнь которого является в некотором роде внеземной и надмирной.

Монахи становятся также «мостиками», которые лучше всего соединяют святоименную общину с человеческим обществом. На этом пути они встречаются друг друга и приветствуют.

Древний аскет авва Исаия, о котором мы уже упоминали, говорит: «Если на своем пути ты встретишь идущего к тебе человека, то, исполненный святости, поприветствуй его с улыбкой и дай ему лобызание столь светлое, что сможет осветить даже его скорбящую душу. И возьми поклажу (то, что мы называем багажом), если она окажется у него в руке, чтобы лишить его всякой тяжести, и подари ему свою улыбку и радость Самого Христа»²⁵⁹.

Итак, давайте перейдем к третьей черте афонского монашества, и сделаем это с чувством объединяющей общности, мира святогорского и мира Божиего, Церкви, ведущей свою брань повсюду.

Житие совершенное

Монашеская община является наиболее ярким воплощением евангельского совершенства, достигаемого через отречение от всего, ежедневное воздвижение своего креста и следование за Господом. Прежде всего такая община есть поиск Царства Божиего на земле и устройства жития по его подобию. Монашеское призвание есть явное призвание к апостольскому чину.

Это имеет особое значение для нашего общества, где, несмотря на существование людей, кажущихся безразличными, есть целый мир, который стремится жить религиозной жизнью и имеет жажду к совершенствованию. Итак, для современного религиозного общества надежда осуществления некоей мирской справедливости является большим искушением, скрытым под веществом доказательств безотлагательной необходимости освящения и активной деятельности в миру.

Путь верного христианина к совершенству начинается с опыта обращения блудного сына, мытаря, блудницы. Это не происходит посредством одной-двух исповедей и ведения некоей «добропорядочной» жизни. Это жизненный выбор. Выбор религии, которая покоится на отказе от греха, религии, в основание которой положены дела, решения, приношение и дары любви, – это новая религия.

Призвание же монаха есть путь за Спасителем, шествие за апостолами. Это совершенное апостольское свидетельство, которое начинается во дворце Анны и Каиафы, переходит к переживанию

сиротства и оставленности перед крестом Господа, продолжается смятением перед полагаемым во гроб, напряженным ожиданием восхождения, а затем узнает ее ощущением сердца, освещенного огнем Святого Духа и ликованием от сияния лица Господня.

Православная традиция сущностно свидетельствует о том, что никто не достигнет лика Господа и не войдет в свет Его, если не пройдет все эти ступени и не умертвит прежде свои грехи. Но он может, «все оставив и от всего освободившись»²⁶⁰, достигнуть знания о Боге и соединения со светом Божественной благодати. Ведение и приобщение апостола к тому, что он любит и исповедует, является первоначальным элементом его чина.

И эта истина, подобно незаменимому сокровищу, была передана, засвидетельствована и провозглашена Святой Горой и сохраняется там до наших дней.

Чтобы обрести переживание Бога, надо пережить тысячу мраков Его отсутствия или Его незримости. Когда же ты через это получишь опыт собственного незнания Бога, полной Его незримости, когда ты почувствуешь, что погружен во мрак своей греховности и осознаешь полное бессилие, тогда ты удостоишься получить в качестве приданого Божественную благодать.

Как просто и безыскусно сказал один свято горский монах: «Вот, здесь, один раз... вот так! Так (он показывает рукой)... наполнилась келия моя благодатью... Я хотел убежать, чтобы спрятаться, растерялся! Но встал на колени и поклонился».

Этот человек, чувствуя себя недостойным, испугался, но потом покорился, признал присутствие света Божьего в своей келье.

Как нас уверяют преподобные отцы, когда Бог через благодать удостаивает человека, который есть земля и прах, Своего умного чувствования, тогда «многим наслаждением переполняется его незрячий ум»²⁶¹. Какие сладости познает он тогда, какое Божественное насыщение! Ангел спускается на землю, и земля не выдерживает его излучения, блеска и сияния (Откр. 18:1). Бог! Как вынести Его человеку! Но, к счастью, Бог постоянно уменьшает Себя, точно так же, как Он, уменьшившись, поместился в женском чреве, как Он прячет Себя и нестерпимую Свою славу в кусочке хлеба, который становится Божественным Причастием, таким образом Он скрывается, преображаясь и преображая неизмеримую славу Своего Божества, неприступный свет Своего величия во мрак, во тьму.

Когда внезапно врывается яркий свет, мы закрываем глаза. Когда свет перед глазами нашими сильнее, чем мы можем вынести, то он

воспринимается как мрак.

Подумай и ты о своей повседневной жизни. Ты не выносишь света? Ты не научился его искать? Переживи, по крайней мере, веру и упование на Божественный свет во мгле своих душевных мучений: борьбы, страсти, надежды, в страданиях, которые дарят тебе слезы повседневной жизни, разочарования, которые ты переживаешь, и что угодно другое. А за внешней мглой скрывается реальность, свет Бога. Наша собственная мгла, «сумерки» нашего сердца – как часто говорим мы: «У меня внутри тяжело, мрачно» – за всем этим станет, в конце концов, присутствие скрывающегося в нем Бога.

Конечно же, Бог есть свет. Он посещает монаха, который живет у себя в келии. Свет Его Божества входит даже в самую темную келию. И даже когда воздух не находит ни единой щели, чтобы просочиться, а вода – расщелинки, чтобы влиться, то Божественный свет, Бог, заходит и обнимает тебя. Свет, который никогда не иссякнет, заставляет тебя всегда – и в падении, и на вершине страсти – быть членом честного Его Тела.

Всесветлый Бог делает и нас светом. Его свет ради нас становится мраком, потому что мы не выдерживаем и не ищем его: мы бежим его так же, как мы боимся ответственных решений и геройских поступков. «Божественный мрак есть неприступный свет, в котором, говорят, живет Бог», – напоминает один церковный писатель²⁶². Эта тьма, этот мрак, собственно является светом, где живет Бог. Он «везде сый и вся исполняяй» ограничивается, скрывает Себя там. Он населяет мир светом. Отважимся ли мы смотреть прямо на солнце, когда оно сияет всеми своими лучами? Но если его прикроет облачко или мы возьмем затемненное стекло, то можем смело поглядеть на него.

И небольшой, ограниченный ум человека с легкостью принимает решение жить в отвратительной мгле, а не на Небесах, искать Христа во мраке. Потому снижается Бог до уровня нашей слабости и ежедневно прячется. С каким смирением скрывается Он, положи тму закров (Пс. 17:12), по слову Псалмопевца, поскольку мы стоим перед величием славы Его или дерзновенно ищем Причастия.

Как много мирских людей, в конце концов, с апостольским образом мыслей в миру стремятся увидеть Бога? Когда ты решаешь Его найти, ты открываешь перед собой великий путь, поэтому тебе страшно. Ты зовешь Его, быть может, годами: «Где ты, Боже? Я не видел Тебя никогда в жизни. Ты не ответил на мою молитву, не пришел на плач мой. Тебя не было поблизости и в моей радости. Ты не помог мне во грехе. Нигде я не нашел Тебя». В этот момент трепещут твои жилы, притупляется взор и

увлажняются от слез глаза. Тогда ты осознаешь, что близится жатва, близок Бог. Но вдруг ты останавливаешься. Тебя увлекает течение времени, и ты живешь в рамках мышления, вкусов, формальностей, пристрастий жизни – всего того, что имеешь перед собой.

Сколько ищут Бога? Мы желаем Его, но забываем за суетой, устаем в борьбе, боимся Его Суда.

Однажды в келию одного отшельника пришел студент. Инок не ждал его и плел в это время четки. Старец смутился. В замешательстве оказался и студент. Угадайте, почему? Потому что келья монаха была забита рулонами туалетной бумаги. «Где нашел ее этот монах, – спросил себя студент, – здесь, наверху, в пустынейших местах, куда регулярно могли забираться только косули?». – «Отче, где ты нашел эту бумагу? И зачем она тебе в келии?». Ну стоило ли любопытничать? Монах не ответил. При этом глаза его, привыкшие проливать потоки слез, увлажнились. Отшельник отер их комочком бумаги. Студент увидел моментальный ответ на свой вопрос. Устами пришлось бы долго объяснять. Но интересно, если бы аскет ответил вопросом на вопрос, сказав ему: «Не скажешь ли, а чему ты удивляешься, что случилось?» И что бы тогда ему ответил студент? Возможно, он бы сказал: «Знаете, отче, вместо этой существуют такие маленькие бумажки, так называемые салфетки. Они более чистые».

Дорогие мои! Понимаете ли вы, наконец, что значит святогорская жизнь? Понимаете ли вы и то, что не выжил бы мир, человеческое общество, без этого монашеского опыта святогорцев! И мир нуждается именно в том, что есть у афонских монахов!

Монах говорит о покрывающем его свете, который заполняет все. Если бы он рассказал об этом нам, мы бы улыбнулись или сказали так же, как ответил один рабочий монаху, который воскликнул: «Что за свет появляется здесь каждую ночь?словно днем...». «Это, отче, кажется, спутник спустился слишком близко к земле».

О спутниках мы знаем. А вот о проявлениях присутствия Божия не ведаем.

Но, слава Богу, Святая Гора сохраняет все богословие Божественной жизни и знает, как Бог становится всецело нашим Богом, как человек делается Богом. И мы заимствуем солнечный свет у Святой Горы и подобно луне обращаемся вокруг Христа, пусть и освещаемые извне.

Заключение

В завершении я хотел бы ответить на один вопрос, который я сам спровоцировал в ваших мыслях: «Не является ли то изображение Святой Горы, что Вы нам нарисовали, некоей идеальной картиной? Неужели

Святая Гора именно такая?».

Ну, хорошо! Святогорское житие имеет и человеческое устройство, с недостатками, присущими человеческой природе. И у святогорцев есть человеческие слабости. На Святой Горе есть и грех, и проделки лукавого. Бывают ошибки. Случаются все беды, что есть и в миру. И святогорцы имеют природу Адама, который некогда носил одеяние Божественного сияния. Однако Адам согрешил, и погубил это облачение Божественного сияния и узнал, что наг (Быт. 3:7), то есть сделался нагим. Он потерял свой хитон и облекся в смоковые листья. Эту свою наготу и страсть он передал нам. Но приходит Христос, второй Адам, и одевает нас в новые одежды.

Святой Горе присущи и все человеческие недостатки. Церковь является богочеловеческой, а следовательно, Святая Гора есть собрание людей. Монахи на своем опыте знают людские беды, жестокость жизни, силу греха, легкость суждений, свойственные безразличию, падению, а на самом деле безбожию и неверию.

Святая Гора смиренно склоняется, показывая нам, как духовная мать, глубокую связь и нашу общность! И еще она открывает дорогу, не останавливается на человеческом, возводит ум и сердце к Божественному. Не коснеет в грехе, направляя стопы на путь спасения. И вот, там Бог! Его волнуют несчастья и стенания бедных. Ныне воскресну, глаголет Господь (Пс. 11:6). Я иду! Чтобы даровать тебе дерзновение говорить со Мной, чтобы привести тебя к спасению.

Что есть святогорская жизнь? Человеческое общество, которое содержит в себе Бога. Она представляет собой некое блаженство, заключающееся, как сказал бы Григорий Нисский, в следующем: «В самих себе иметь Бога»²⁶³. Среди таких людей живет и движется Бог.

Но что есть блаженство мира, всех нас, которые составляют человеческое общество? Разве не Бог? Бог всякой плоти, наш Бог?

Но вы мне скажете: «Мы тонем каждый день в житейских проблемах, боли, болезни, грехе, заботе, изорванных лохмотьях ушедших лет. Мы и есть “мир”».

Ну так что же? Раз вы задыхаетесь, раз вы такой же грешник, как и я, афонский монах, то значит ли это, что вы не можете являться чадами Бога?

Но вы вновь мне скажете: «Мы не видим Бога ни как свет, ни как тьму. Мы не имеем опыта. Это для нас мечты. На что же нам опереться в жизни? Только немощь и сокрушение вокруг нас, только мрак».

Да что же вы говорите, дорогие мои?! Нет! Мы живем вместе и смотрим одинаково. Почему ты мыслишь как индивидуум, а не как член Тела Христова? Вера и опыт других чужды нам? Что мы говорили раньше:

«Говорят, что Бог живет во мраке». И, продолжает тайновидец, писатель Небесного, что и о божественном апостоле Павле говорится (и это правда!), что он видел Христа: «так же, как и апостол Павел, говорят, познал Бога»²⁶⁴.

Что это значит? Святые об этом говорят, Писание упоминает вновь и вновь, Отцы это подтверждают, апостол Павел исповедует, опыт мистической жизни являет то, что живет Бог и во мраке, и в свете. Если ты Его не видел, не познал Его, так что с того? Ты есть истина в высшей инстанции? Нет. Потому-то об этом говорил, говорит и пишет опыт Церкви. И именно потому, что ты об этом уже слышал, это имеет большее значение, твои чувства тебя не обманывают.

Поэтому Гора придерживается единой вековой традиции для того, чтобы надежно владеть тем, что имеет. Поэтому следует доверять Святой Горе, ибо она не учит тому, что появилось лишь сегодня. Она авторитетна, ибо свидетельство ее доходит до Христа. Она имеет и дает жизнь, а жизнью является Сам Бог, Твой Бог!

Писание говорит: Светильник Господень – дух человека, испытывающий все глубины сердца (Притч. 20:27). Ты слышишь? Свет Божий есть наше дыхание. То есть мы бы умерли без света Бога, пускай незримого. Следовательно, ты обладаешь светом и должен верить в то, чем обладаешь, ибо это поставит тебя когда-нибудь одесную Бога. Достаточно помнить об этом и это знать: как дыхание, он войдет в тебя и наполнит жизнью. Но может быть, у тебя нет дыхания? У тебя оно есть. Нет света? Нет Бога? Это невозможно. Твое дыхание скрывает этот свет. Задержи дыхание. Так ты удержишь там Бога! Бог поселился в нас, и исследует глубины души, и видит наши желания.

Один монах сильно страдал, ибо его старец чувствовал переживания Бога, а сам он – нет. И знаете, что он сделал? Он упал ниц, склонился на колени и стал целовать землю, скамью, дверь келии старца и все, что там было, говоря: «И здесь есть Христос – я целую Христа».

Другой целовал осла, который поднимал его в гору и осознавал Бога, дающего отдохновение труждающимся и обремененным.

Поцелуй и ты землю, по которой ходишь. Там, где ходит твоя жена, муж, ребенок, там, где ты молишься, где воскуряешь фимиам, где плачешь. Там почувствуй Христа, поцелуй и то место, ибо это знак того, что Бог пришел.

Святая Гора показала нам, что благодать Божия действует повсюду. Вы знаете, как называет Иоанн Дамаскин Божественную благодать? «Прыжок Божий»²⁶⁵. Там, где сидишь ты, где годами ждешь Бога и не

находишь Его, вдруг Он выявляется и входит в тебя, заключает в Свои объятия, целует, наполняет дыханием, воздухом, любовью, бытием, своей Троиединой сущностью.

Насколько просто подпрыгнуть человеку, настолько легко «спрыгнуть» и Богу и войти в нашу жизнь. Как Он сходит на вершины Афона, как восходит на лодки и в пещеры, в ущелья и повсюду, улавливая желания, страдания и слезы святогорцев, так слышит Он и последний крик твоей души, твой крик.

Молитва на Святой Горе вчера и сегодня

Никто не отрицает, что молитва – это первостепенная необходимость каждой души, древо жизни, питающее человека и делающее его нетленным, ибо молитва приобщает человека к вечному и нетленному Богу. Как не бывает человека без души, так не может быть и живущего во Христе без молитвы.

«Умная молитва» есть непрестанное делание ангельских воинств. Это хлеб, жизнь и язык общения этих бесплотных существ, выражение их любви к Богу. Так и монахи-подвижники, ведущие равноангельское житие, возжигают любовь к Богу постоянным творением умной молитвы.

Поэтому церковная традиция знает множество монахов, вплоть до сего дня, которые, забывая о еде, о себе самих, всецело посвятили себя молитвенному общению с Богом. Сколько раз стучали в их двери, сколько раз кричал петух, а они ничего не замечали, ибо их ум находился в возвышенном общении с Господом. Для них молитва – это духовное состязание, послание к Отцу и Творцу мира, боль их сердца, восхождение на Небеса. Это приветствие и сладкое лобызание монаха и Жениха, Спасителя наших душ.

Наша Церковь живет молитвой своих чад. Конечно же, существуют разные виды молитвы. Но если мы хотим узнать, какой из них в большей мере свойственен Церкви, неизсякаемо хранит ее духовность «на всякое время и на всякий час», тогда нам нужно обратиться к святым чадам церковным, составляющим монашеский лик. Ибо, как сказано у Исаака Сирина, одного из Святых отцов, монашество – это «похвала Христовой Церкви»²⁶⁶, воплотившееся и ожившее Евангелие. Монашество – ее священная сокровищница, в которой в неприкосновенности сохраняются ее догматы, неизменное стремление к мученическому образу жизни, истинное благочестие, подлинная духовная традиция, ее деятельная и спасительная миссия, в которой не умолкает сладостная песнь,

обращенная к возлюбленному Христу и светлому голубю, Святому Духу, исходящему от Отца (Ин. 15:26).

Чтобы понять, как удастся Церкви в рамках монашества поддерживать молитву, нам не стоит обращать свой взор ни на Восток, ни на Запад. Здесь, в нашей округе, есть Святая Гора, духоносная сокровищница наших традиций, рука Господа, непрерывно возводящая многих из пучины греха и приводящая их в Царствие Божие.

Кто не слышал об Афонской молитве? Это всего лишь несколько слов: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Криком души: «Господи» мы славим Бога в Его величии, Царя Израиля, Создателя видимого и невидимого мира, перед Которым трепещут серафимы и херувимы.

Сладчайшим воззванием: «Иисусе» мы свидетельствуем о том, что Христос, Спаситель наш, здесь. Мы благодарим Его за то, что Он даровал нам жизнь вечную. Третьим словом: «Христе» мы признаем, что Христос есть Сын Божий и Сам – Бог. Ведь нас спас не человек и не один из ангелов, но истинный Бог, Иисус Христос.

Затем, с сокровенной просьбой: «Помилуй меня» мы поклоняемся Богу и просим Его, чтобы Он смиростивился над нами и ради спасения исполнил то, о чем мы Его просим, чего желаем, в чем нуждаются наши сердца. Какая глубина в слове «меня»! Ведь речь идет не только обо мне самом, но и о всех, получивших гражданство в Державе Христовой, в святой Церкви. Ибо все они составляют часть моего Тела.

И в конце, дабы наша молитва была более полной, мы прибавляем слово «грешного», исповедуя свою греховность, так, как это делали все святые, и так сделались сыновьями света и дня. Мы видим, что молитва включает в себя прославление, благодарение, богословие, прошение и исповедание.

Что же мы можем сказать, возлюбленные мои, об умной молитве? В наши дни, слава Богу, многие говорят о ней и издают невероятное число книг на эту тему. Даже дети сейчас знают, что это такое. Все от мала до велика спасаются ей.

Это прекрасно и потому, что и восточные псевдорелигии, и лжеапостолы выдают за Божественные свои молитвы, которые на самом деле душевные, лживые и бесовские. Мы же должны познать истинное сокровище – умную молитву, память об имени Божиим.

Веками Церковь, с одной стороны, в молитве беседует с Богом, с другой, ею воодушевляет своих чад. Умное делание охватывает весь мир и доходит до каждого человека.

Но прежде, чем продолжить, позвольте мне рассказать вам об одном монахе, с которым я был знаком. Ему пришлось пережить в монастыре духовный кризис. Лукавый враг воспламенил его ум. Силы зла хотели отвести его от Церкви и превратить в «искателя истины». Его душа бушевала, как пенящиеся волны, и жаждала спасения. Иногда он вспоминал о молитве, но она выходила слабой, ибо он сам уже потерял веру в нее. Его непосредственное окружение не в состоянии было ему помочь. Насколько бессильным становится человек, когда сталкивается с трудностями! Кто из нас не переживал такие мрачные ночи, ужасные дни и трагические испытания!

Итак, наш монах не знал, что делать. Дневные прогулки не помогали ему, сумерки его душили. И вот однажды ночью он почувствовал, что задыхается. Встал открыть окно кельи, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Кругом была темнота – около трех часов ночи. И вдруг он увидел, как свет озарил все вокруг! Он нагнулся, чтобы посмотреть, откуда исходит свечение, но не смог отыскать источника. Обманчивый мрак сделался светом, засияло сердце монаха. Свет наполнил всю его келию! Он подумал, что, быть может, все дело в лампаде? Но как могла керосиновая лампадка сотворить такой вездесущий свет!

Вновь обретая надежду, но еще не осознав, что происходит, монах вышел в темный двор монастыря, прежде казавшийся ему адом. Он ступил в молчание, в ночь. И вдруг видит: и там все покрыто светом! Не осталось ничего, покрытого мраком. Светились деревянные балки, окна, храм, земля, по которой шел он, небеса, монастырский колодец, сверчки, ночные птицы, – все! И спустились звезды, и снизошли на землю небеса, и показалось ему, что все вдруг – земля и небеса – стало единым Небом. И все пело молитву! И сердце монаха распахнулось, присоединилось к всеобщему ликованию и молитвословию. Ноги не слушались его. Он не помнил, как открыл дверь, вошел в храм, облачился, когда пришел другой монах и началась служба – он не знал, как все это произошло. Он перестал замечать что-либо и понимал только то, что стоит перед престолом, перед незримо присутствующим Богом, и служит литургию. И касаясь струн сердца и алтаря, его голос отзывался в «пренебесном жертвеннике». Служба продолжалась, храм освещался лампадами. Окончилось чтение Евангелия. Уже не было света вокруг него, но свет утвердился в его собственном сердце. Кончилось все, но не умолкла та песня, которую воспевало его сердце. Так, благодаря чудесным минутам, когда небо и земля творили единую молитву, он понял, что монах жив только в молитве.

Верно сказал псалмопевец Давид, что имя Божие дает нам жизнь: Имене Твоего ради, Господи, живиши мя (Пс. 142:11). По дивному слову святого Григория Синаита, молитва – это пламень радости, благоухающий свет, апостольское вещание, благовестие Господа, полнота сердца, познание Бога, радование и веселие души, милость Божия, луч умного солнца Христа. «Молитва – это Бог, творящий все во всем»²⁶⁷.

Да, в течение веков церковь молитвой, с одной стороны, беседовала с Богом, а с другой стороны, воодушевляла своих чад. Ее отголосок наполнял все творение, и ее действия содействовали возрождению мира.

Итак, что же мы можем сказать об этом чудесном даре Божией милости? О молитве, столь чтимой на Святой Горе?

Давайте растолкуем смысл молитвы, взглянем на ее историю, посмотрим на некоторые ее духовные предпосылки и на то, что для нее необходимо.

1

1. В Ветхом Завете Бог требовал от иудеев, чтобы они почитали Его имя. У Исаии говорится, что они свято будут чтить имя Мое (Ис. 29:23). То есть за 800 лет до Рождества Христова Бог через Своего пророка обещал: «Они будут славить Меня и считать единственно святым, взывая к Моему имени, перед которым невозможно устоять человеку». Это Божественное обращение есть молитва, освящение, слава и поклонение Богу.

Кроме того, в Ветхом Завете сказано, что именем Божиим мы хвалимся (Сир. 50:20), Ему исповедуемся (Сир. 51:1), Им освобождаемся (Сир. 51:3), Им спасаемся (Иои. 3:5), в Нем радуемся (Пс. 88:17). Ведь там, где имя Господа, там и Он Сам.

В Новом Завете Господь просит, чтобы мы взывали к Богу во имени Христовом (Ин. 15:16). Апостол Павел, как вы помните, говорит, что Бог дал Сыну Своему имя, выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено (Флп. 2:9–11). Бог хочет от нас непрестанной молитвы (1Фес. 5:17).

Один из мужей апостольских Ерма, желая, чтобы в нашем сердце и уме пребывало имя Иисусово, говорит, что мы должны опоясать себя именем Христовым, облечься в него и никогда не снимать его с себя²⁶⁸.

Святитель Василий Великий оставил нам свои размышления об умной молитве. Молитвословиями, составленными святым Василием, взываем мы ко Господу и сегодня. Святитель был убежден в том, что молитва Церкви соборна. Святой Иоанн Златоуст советовал: «Взывайте ко Господу с утра до вечера словами: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас»²⁶⁹.

Давайте вспомним некоторых подвижников из Отцов Церкви, которые основные свои творения посвятили молитве.

Всем известна троица святых: ангелам равный Иоанн Лествичник, Исаак Сирийский и Симеон Новый Богослов. Они писали о молитве и для монахов, и для мирян. Можно вспомнить и других: святого Нила Синайского, славных преподобных Варсонофия и Иоанна, дивного Диадоча Фотикийского.

Необходимо сказать и о Григории Синайском, который принес молитву с Синая и оживил ее на Святой Горе в XIV веке! Конечно, Иисусова молитва и раньше существовала на Афоне, но этот святой обошел всю Святую Гору, чтобы сделать ее ежедневным правилом. Разумеется, и до этого на Афоне поддерживалась непрестанная молитва благодаря первым монахам особножительных монастырей, ибо исихазм²⁷⁰ тогда воспринимали как наиболее совершенный путь духовной жизни.

Кто не слышал о таких святых, как славный Максим Кавсокалит, великий Григорий Палама, удивительным образом связавший догматику и православное учение о практике молитвы, святые патриархи Каллист, Исидор и Филофей и многие другие – Феолипт Филадельфийский, Каллист и Игнатий Ксанфопулы, которые и в теории, и на практике жили, творили и писали о молитве.

Что выделить нам из написанного и пережитого святым Никодимом Святогорцем, этим новым тайноводителем, заботящемся о мире и о людях с молитвой и отеческой любовью? Его труды стали классическими наставлениями в молитве для всего мира.

2. Давайте зайдём в один из монастырей и посмотрим, что значит молитва для монаха, чтобы понять, какое место она может занять в нашей собственной жизни.

Мы знаем, что монастырь – это непрерывное единение братии и всей соборной Церкви. Не было бы необходимости в монастырях, если бы они на самом деле не являлись собором, совершаемым каждую ночь и каждый день и свидетельствующим о том, Христос пребывает вне времени и пространства. Именно поэтому центр монастырской жизни – это ежедневная служба, а особенно Божественная литургия. Богослужебные тексты напевают монаха и становятся его собственным переживанием.

Собираясь в храме, монахи знают, что они там не одни, а со всеми ангелами и святыми, славящими Господа и празднующими день святого или какой-нибудь праздник. Божественная Евхаристия и само богослужебное собрание им приносят чувство присутствия Господа и своего мистического общения с ним. Насколько невидим Бог, настолько

истинно это мистическое общение и насыщение от Него.

Общение с Богом во время богослужения, будучи первостепенным, продолжается в келии и повсюду, где совершается молитва, которая не просто воззвание, но нечто большее.

Молитва – это еще и вкушение Христа, Агнца Божия, творимое в Его воспоминание и с возванием к Его Божественному, страшному и сладчайшему имени. Это и питье благодати, возносящей человека. Так мы принимаем всего Христа и становимся отблеском Его Божественных свойств, богами, Богом обоженными, просвещенными и в Тайнах живущими.

Монах во время умной «литургии», по словам Святых Отцов, «воистину насыщается манной Небесной»²⁷¹. Разумеется, речь идет не о той манне, которую Бог даровал израильтянам для выживания. Они назвали ее «манна» (Исх. 16:14–15 и 31), что значит «я не понимаю, что это». Такое неопределенное название указывает на символический характер этого хлеба. Так и мы можем сказать: «Как велика эта молитва, упоминание имени Иисусова, таинственное приобщение Ему в любой миг. Ее воздействие подобно упавшим с неба хлопьям манны, насытившим и обрадовавшим народ. Манна – тоже молитва Иисуса, наполняющая и питающая нас с Небес».

Следовательно, главная предпосылка для умного делания – вера в то, что это не просто молитва, но истинное общение с Богом и купель обожения благодаря действию Божественных энергий, исходящих от непостижимого Господа, сходящего к нам и объединяющегося с нами, грешниками. У нас есть Бог, то есть Отец, Сын и Дух Святой. Само воплотившееся Слово, Царь Небесный. Тот, Кто может на одном Своем мизинце удержать весь мир. Спускается к нам и ходит посреди нас.

Как на Тивериадском море, когда удивились ученики множеству рыбы, сказал Петру Иоанн: это Господь! (Ин. 21:7), так и мы, расставляя mreжи молитвы, могли бы повторить: «Вот Господь!» с полной уверенностью, ибо в том, что Он здесь, нас убеждает Церковь. Вот Он! Сам Бог!

Но чтобы верующий в молитве излучал свечение от присутствия Божия, ему необходимо вести богоугодный образ жизни. Если он жаждет Бога, то пусть и живет подобающе! Пускай старается избегать человеческого брюзжания и тщедушия, укрепляться Божественной силой, соблюдать аскезу, и да станет сосудом, удобовмещающим Божественную благодать. Пусть желает очищения от всякого прегрешения, словом истины осведомленный в том, что это возможно, своей волей и

благоволением Божиим устремится к максимальному бесстрастию и сделается богоподобным.

2

1. Есть еще одна проблема, связанная с молитвой. Дело в том, что мы полностью погружены в свои дела, спешим, устаем, разочаровываемся, живем в страхе, не можем освободиться от сомнений, страстей, перемен настроения. Чтобы заснуть, мы доводим себя до изнеможения, чтобы развеселиться, мы играем на гитаре, развлекаемся, где придется. Разве это жизнь! Она лишь еще более утомляет нас и не дает возможности молиться так, как бы нам того хотелось.

Поэтому Святые отцы говорят, что слова Божии орошают человеческую душу²⁷² и «укрепляют ее»²⁷³ подобно тому, как вино – тело.

Слово Божие содержится в Писании и у Святых отцов. Когда мы изучаем эти книги, особенно же святоотеческие творения, внимательно, а не безрассудно растрачивая свои силы, если вменяем душеполезное чтение себе в каждодневное правило, то оно удобрит почву нашей души и позволит ей подняться горе.

Чтобы молиться, нужно воспитать в себе одно качество. Подобно тому, как мы обычно заботимся о своем физическом здоровье, так необходимо заботиться и о душевном самочувствии. Всегда необходимо радоваться. А если мы постоянно молимся, то радость Христова нам даруется в еще большей мере. Когда ты удручен, огорчен, молитва не идет. Следи за своими эмоциями, ибо твое настроение сильно влияет на твою молитву.

Посмотрите, как замечательно сказано о Савве Ватопедском, который претерпел, пожалуй, все невзгоды: «В обхождении светлейший и видом приятнейший и радостнейший»²⁷⁴. Он радостно улыбался собеседнику, его лицо светилось, и весь он был преисполнен благодати. А представьте, каким он предстал в общении перед Богом! В молитве он был словно яркое солнце!

Другой из Отцов Церкви, святой Нил, отмечает: «Молитва – это вопрос радости и благодарности»²⁷⁵. Ты хочешь узнать, насколько истинна и смиренна твоя молитва? Обрати внимание, чувствуешь ли ты ликование, благодарность в сердце? И «если, молясь, ты обрел высшую радость, то знай – ты воистину обрел и молитву»²⁷⁶.

Молитва приносит радость, ибо это есть общение с Богом. Конечно, с ней приходит и страдание от осознания своих грехов и страстей. Но это не должно нас подавлять, раз мы вверили свою жизнь Христу. Такого рода страдания благословляют нашу жизнь. Чтобы наш путь увенчался успехом,

не будем копить в себе горечь обиды на ближнего, не станем вмешиваться в чужие дела и давить на людей, причинять им боль, беспокоить, не будем сами предаваться печали из-за ран, нанесенных нам. Пусть наше общение с окружающими будет естественным и простым. Давайте почувствуем, что все мы составляем одно целое, «одно и то же со всем»²⁷⁷. При этом, конечно, наше собственное сознание сохраняет свою неповторимость. Теперь молитва становится легкой. Просто нужно позволить Богу действовать внутри нас. Будем как крестьяне, которые сеют и затем ждут, когда Господь пошлет дождь.

Так пусть каждый вступит на свой путь состязания, будет упоминать имя Иисуса – один вслух, другой мысленно, один в сердце, другой так, как ему дано по Божией благодати. Тогда заблестит их дух и выйдет навстречу Господу. Бог оросит наши души, а нас сделает радостными и жаждущими истины.

Естественно, стоит посвящать молитве достаточное количество времени, столько, сколько в наших силах, чтобы исполнить наставление одного из отцов Церкви: «Заставь себя творить многие молитвы»²⁷⁸, в остальном полагаясь на Бога. Но даже и одна наша молитва значима для Бога. Как говорит святой Исаак: «Всякая молитва, которую ты совершаешь ночью ценнее всех твоих дневных дел»²⁷⁹. Молитва, произнесенная в ночные часы, более результативна.

Отец говорит нам: «Оставь все на Бога!» Пускай твои мысли и дела всегда сопровождает молитва! Пусть станет она твоим добрым проводником ко Христу!

2. Однако необходимо отметить, что в духовной жизни все совершается по благодати Божией, и, следовательно, здесь мы можем быть спокойны.

Имя Иисуса, умная молитва, как говорят Святые отцы, – это сосуд для мира, которое, пролившись из приоткрытого сосуда наполняет все вокруг ароматом. Ты произносишь: «Господи, Иисусе Христе» и чувствуешь благоухание Святого Духа, будто обручаешься Ему. Ибо «Дух Святой нисходит на нас, нам сострадая» и «побуждает нас к желанию творить духовную молитву»²⁸⁰. Он молится за нас, когда мы сами забываем, и покрывает наше промедление, нечистоту и скудость нашего существования. Ведь каждый из нас – это храм Божий и, молясь, мы становимся священнослужителями великого таинства. Об этом прекрасно говорит один из Отцов Церкви: «Возьми кадильницу, ибо Христос здесь, в твоём сердце, из которого исходят слова: «Господи, Иисусе Христе». И добавляет: «Когда мы слышим звук кадила, то вспомним, что и мы храм;

давайте почувствуем мысленно, что мы восхваляем Бога, живущего в нас, и преклонимся перед этим образом Духа Святого»²⁸¹.

Подумайте о том, что внутри нас Царство Божие, дом Его обитания, где «мы плотию Безплотного заключили» и где вершится одна из «Небесных молитв»²⁸². Внутри себя мы имеем Бога, а Бог неразрывно связан со всеми святыми, нашими братьями, воспитанными Святым Духом. Они наши сродники и друзья, которые нас ожидают, любят, делают блаженными, по слову пророка Исая: Блажен, имеющий горнило в Иерусалиме (Ис. 31:9). Мы приобрели друзей, живущих со Христом. Мы блаженны, ибо у нас есть друзья там, в Горнем Иерусалиме, на Небесах.

Вспомните, что говорил Христос: Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, ибо увидят Царство Божие, пришедшее в силе (Мк. 9:1). Это относится к нам. Через молитву мы наследуем Царствие Небесное. Наш дух в молитве ищет Господа. Святые в молитве познают Христа, Того, о Ком говорят, что никто Его не видит и не знает. И все же! Через молитву мы постигаем «непостижимую сущность Бога»²⁸³, ибо благодать Духа льется из всякого источника, научающего нас неопикуемой красоте Господа.

И даже если мы не достигнем таких высот, все равно молитва нам дарует благословение, утешение, благодарение, прощение, спасение и «полезное всем». Все это подается нам от Бога.

Если мы не вкусили от этих плодов, то это вовсе не значит того, что и другие их не отведали. Святые нашей Церкви не раз сподоблялись Божественных видений. Сам Бог являлся им в свете! Бог сокровенен, Его никто не видит, поэтому говорят, что Он за облаками, во мраке. Но Сам Бог – это свет, невидимый нам. Но известны случаи, произошедшие со многими святыми, когда Бог открывался им и наполнял все Своим светом.

Посмотрите, возлюбленные мои, на некоторые эпизоды из жизни святого Саввы, о котором я вам уже рассказывал. Он горел желанием узреть Бога. И однажды в молчании его сердца, жаждущего Бога, послышался ответ: Вот Я! (Ис. 58:9)²⁸⁴. Посмотри на Меня, Я здесь! Сколько в этих словах величественного и Божественного! Но как Он явился? Каким образом? «Чистый свет, льющийся с Небес»²⁸⁵. Свет, который покрыл все и вошел в него, окутал его мысли, чувства, а затем и все твое человеческое естество.

После этого сам святой Савва стал таким светлым и благоухающим, что стеклись²⁸⁶ тысячи людей, чтобы обонять его. На дощечках – «на досках и табличках»²⁸⁷ – они рисовали его образ и при жизни почитали его как святого, увидев запечатленную на лице святость.

Далее в Житии говорится: «Будьте внимательны, ибо это истинные Таинства Господа. Божество предстает во всей Своей красе, славе, неопишуемой сладости, и тогда изменяется человек, потрясенный этим свечением»²⁸⁸. Он может узреть и Бога, и все то, что видимо на Небесах.

«Раненый сладостной стрелой Господа»²⁸⁹, святой говорит Богу: «Где Ты и куда смотришь? Покажи мне славу Твою, дабы я познал Тебя (Исх. 33:13)». Я хочу увидеть Тебя таким, Какой Ты есть.

Глас Божий отвечал ему.

– Но ты сам и твоё тело причастны к Божественному. И Мне нет необходимости объяснять тебе, где Я, ибо ты сам стал богом, приняв от Меня свет.

Возлюбленные мои, сколько раз видели этот свет наши святые, хотя нам, грешникам, он был недоступен. Творя молитву, скажем друг другу: «Ты слышишь? Учитель здесь и зовет тебя. (Ин. 11:28). Такова молитва на Святой Горе.

3

В заключение посмотрим, как творят молитву на Афоне.

Один афонский аскет (я не буду называть его имени, ибо он еще жив) говорит: «Боже, двадцати четырех часов в сутки не хватает мне для молитвы!» Вы чувствуете, как он молится? Понимаете, как он высоко? Осознаете, какую сладость он приобрел благодаря тому, что очи его и сердце непрестанно обращены ко Господу? Так говорит тот, кто вкусил от сладости Божией.

Да, молятся на Святой Горе. И в монастырях, и за их пределами. В последние годы были явлены многие великие подвижники – такие, как Данииил Катунский (†1927)²⁹⁰, Каллиник Молчальник (†1930)²⁹¹ и другие.

Один наш монах, почивший много лет назад, старец Арсений²⁹², благословенный, не хотел даже спать, а привязывал себя за веревку и молился, прислонившись к деревяшке, чтобы не останавливать молитву. Так делали многие аскеты. Принося молитву и покаяние, он бился головой об пол со словами: «Я страшный грешник. Бог не услышит моей молитвы, так пусть до Него донесется хотя бы этот стук. Грех мой так велик, что не идет молитва из уст моих!». Он непрестанно молился! Если бы вы видели его лицо, когда он почил, то сказали бы: «Правда, блаженна смерть святого!».

Другому аскету наших дней требовались бесконечные часы для совершения литургии, потому что ему сослужить приходили все святые. Он никогда не торопился, выгонял из алтаря монахов, чтобы они не были ослеплены увиденным, и оставался один. Когда это удивительное

состояние проходило, он открывал дверь и звал их назад: «Продолжаем литургию!».

Еще одного монаха, молящегося на ночной службе, покинул ум и полетел к морю, горам, рощам. Он любовался цветами, деревьями, морскими рыбами, горами, островами, посетил и Небо и землю, увидел и услышал всеобщее славословие Господа. С этого дня он не мог держаться на ногах, слезы непрерывно текли из его глаз. Он говорил: «Бездушный мир проливает слезы, славя Господа, а я, имеющий душу, живу в грехе».

Никогда на Святой Горе не иссякали молчальники и постники. Давайте вспомним святого Силуана Афонского (†1938), жизнь которого стала непрерывной и неистощаемой молитвой.

В последние годы прославился молитвой еще один аскет – старец Иосиф Пещерник (†1959)²⁹³. Он глубоко впитал ее, сделал своей силой и жил переживанием сладчайшего райского насыщения. Поньше многие монахи продолжают его молитву.

Умное делание со Святой Горы распространилось повсюду. К славянам его традиции перенес святогорец Паисий Величковский (†1794), в Европу – отец Софроний²⁹⁴.

Афон оказал влияние и на Афанасия Метеорского, и на святого Дионисия Олимпийского. Они же, в свою очередь, вдохновили на подвиг молитвы многих других. Им же несть числа! Симеон Монохит, Иаков Старец²⁹⁵, святой Феона, коливады²⁹⁶ ... Молитва шествует по миру. Святая Гора есть и в России! И в Сербии! Повсюду! Даже в Европе есть монастыри афонского образца, где по мере возможности практикуется Иисусова молитва.

Эпилог

Чем бы была, возлюбленные мои, наша жизнь без молитвы? Чем бы был весь мир без нее? Сердце без молитвы похоже, по-моему, на целлофановый пакет, который от своего груза быстро рвется и вскоре выкидывается. Именно молитва, ибо она дает нам Бога, придает смысл нашей жизни и всему нашему существованию.

Говорят, что жизнь кончится, когда прекратят молиться люди. Но разве возможно, чтобы это произошло? Нет, ибо всегда найдутся любящие Господа, и непрекращающаяся молитва таинственным образом будет питать их.

Мир, доньше стенавший и пребывавший в мучениях (Рим. 8:22) из-за падшей природы человека, воскреснет. Будет новая земля и новые небеса

(2Пет. 3:13). Мир возрадуется в вечном веселье и славе рода человеческого в Божественном светоизлиянии.

Давайте молиться и держать наготове свои кадила, ибо куда бы мы ни отправились с молитвой на устах и в сердце, мы тотчас станем домом обитания Господа.

Соломон говорит, что Бог Своим жилищем выбрал солнце – тварный свет, но Сам, будучи светом нерукотворным, передумал! Невозможно, чтобы жилищем великого Бога было яркое солнце, и Он решил поселиться во мгле (3Цар. 8:53 и далее), то есть в темноте, во мраке.

Если мы не можем смотреть на солнце, то как нам увидеть блистательное Солнце Жизни – Христа, сияющее над всем Своим творением – Христа? Поэтому Он и скрывается во мраке, дабы мы были свободны и могли выбирать, верить нам в Него или нет.

Соломон, этот великий человек, воздвиг свой храм, собрав все материальные ценности: золото, серебро, изумруды – все, что было у народа. Он истратил на постройку денег больше, чем кто-либо. И все это ради того, чтобы возвести дом Божий. Я же приготовил для своего Бога другое жилище (3Цар. 8:53 и далее) – нашу Церковь.

Возлюбленные мои, и у нас с вами есть дом – наше сердце. Вспомните, что сказал Господь, когда восходил на Небеса: Я с вами во все дни (Мф. 28:20). Не это ли обозначает поднятие Чаши в конце литургии, когда священник возглашает: «Всегда, ныне и присно и во веки веков»?

Я, Христос, ухожу в Свой мрак, в незримое. Ты сейчас потеряешь Меня из виду, но помни, что Я всегда нахожусь возле тебя и в тебе. Я невидимо пребываю в глубине алтаря, закланый священником ради того, чтобы в любой миг ты мог Мне приобщиться.

Итак, братья, приготовьте свои духовные кадила и ладан для них. Богу не подошло ни солнце, ни величественный храм Соломона. Он разрушил его! Почему? Потому что домом для своего обитания Он избрал молящееся сердце каждого из нас!

Монашеское житие: дом Бога и врата Небес

Корень (вместо предисловия)

Жизнь в монастыре по-человечески проста и в то же время божественна. Люди и предметы составляют единое государство, которое управляется законами, не объяснимыми нормальной человеческой логикой. Это светоносный собор, живое таинство будущего века, тайноводственное общение и дорога между Небом и землей.

Монахи, пребывая в своем монастыре подобно пришельцам и странникам (1Пет. 2:11), в то же время живут нормальной жизнью и ежедневно общаются друг с другом. Однако все они, став на свой путь в одной точке отправления, устремлены к «восхождению» вверх по духовной лестнице и причислению к лику святых нашей Церкви, к достижению возлюбленного Царствия Божиего. И увидел я новое небо и новую землю... и святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная... Се, скиния Бога с человеками (Откр. 21:1–3). Этот прообраз значим для нас: он символизирует монастырь, который сам есть жизнь и пример подлинного жития. Монастырь есть то недостающее звено в цепи, которое ее логически замыкает и все приводит в порядок. Богом заготовлено все необходимое для реализации монашеского призвания, взаимного «сосуществования» и брака Бога и человека. Монастырь есть сообщество, причина и образ глубокой жизни, устроенной по Богу. Он есть дом Божий и врата небесные (Быт. 28:17), место присутствия человека и одновременно место, избранное Богом и горячо хранящее память о Страшном Суде. Монашеская жизнь во «граде» ориентирована не на осуществление мирских и идеологических намерений, но на достижение духовности, что достигается путем аскезы и мистического зренья Бога. Город-монастырь живет как рабочая мастерская, внутри которой распределены и рассчитаны все обязанности, но устремления направлены не на нечто желанное, но на Желанного, то есть на Бога, сходящего с Небес и обитающего в каждом из нас.

Это убеждение монахов имеет глубокие корни в традиции. А образ их жизни, по духу и силам превосходящий привычный для человека, является ангельским и служит инокам опорой в их подвиге. Монахи, как и люди, имеют свои слабости, метания, борения, они падают и поднимаются, но никогда не предаются отчаянию, поддавшись минутному чувству. Благодаря своим трудам они сегодня сопричастники мучеников, а завтра воссядут со всеми святыми. Следовательно, стены града-монастыря не закрывают горизонтов, но наоборот открывают зрение таинств и врата Небес.

Так давайте начнем с наблюдения за тенистым сим и благоуханным деревом Жизни, произрастающем в том монашеском граде.

Древо (монашеский град)

Монашеская жизнь некоторым образом лишена «родословной». Образцом иноческого совершенства служит жизнь ангелов, протекавшая вокруг Престола и Небесного мира Божия еще до сотворения чувственного

мира. Корни ее родословного древа тянутся к Эдему, что на восходе солнца. Все начинается тем общением сына с Родителем в раю, что (увы!) из-за грехопадения Адама и Евы превратилось в плачевное поражение и ожидание искупления, о котором повествуется в Евангелии. Монашество, таким образом, имеет отправной точкой жизнь окончательно обретенного райского блаженства.

В Ветхом Завете Бог подготовил падшего человека для принятия Своего Сына. Так, Он открыл человеку Свой лик, поведав о том, что Бог Сын един со Отцом и Святым Духом, а также о Божественном, нераздельном, ипостасном общении с человеком.

Так Христос освободил человека из рабства, дал ему Церковь, Крещение, все церковные таинства. А для большей радости, покоя и обогащения Святыми Дарами и Божественной жизнью Он «построил» в миру некий надмирный мир – монашество, благодаря чему перстный современный человек уподобляется ангелам и восседает на Престоле, беседуя с Богом о том, что возможно вместить человеку.

В иудаизме и языческом мире еще в древние времена можно отыскать подобие монашеских форм жизни – были они, например, в Египте.

Святые мужи Ветхого Завета – пророки Моисей, Илия, Иоанн Предтеча, жившие по горам, по пещерам и ущельям земли (Евр. 11:38), прообразовали монашество. Пророк Исаия составил увещание для дивных монахов, «птиц, что обозревают высоты», мудрейших среди многих. О сих, лучших мира сего, было проречено: На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью. О вы, напоминающие о Господе! Не умолкайте! (Ис. 62:6). Это значит, что на крепостные стены Церкви Господь поставил этих крылатых воинов и доблестных многоочитых аскетов, непрестанно воспевающих и лицезреющих Бога славы, неусыпными стражами в знак доверия и почета. Мы уже говорили с вами о том, что монастырь есть изображение Горнего Иерусалима, Царства Божия. В Древней Церкви прообразами монашеской жизни были совместные трапезы – «агапы», апостольское общение и апостольские общины в Иерусалиме.

В Церкви монашество явило образец умозрительной и удивительной жизни и убеждений древних аскетов-отшельников и пустынников, которые в «неиспорченности» и целомудрии совершали великие подвиги духа.

Сочный плод монашеского жития вызрел на Востоке в эпоху святого императора Константина и передавался из поколения в поколение как образец для всеобщего подражания. Христиане наделяли монахов, этих

парящих в выси орлов духа, прекраснейшими эпитетами и величайшими похвалами за соблюдение девства, аскезы, поста, общежительного устава, послушания, нестяжания и достойного ношения своего духовного всеоружия. Все люди: бедные и богатые, грешные и святые, патриархи и цари, именовали «граждан Небес», и мужчин, и женщин, «блаженными», «бесплотными», «абсолютно свободными», а их житие – «ангелоподобным». Монахов любили, почитали и стремились приблизиться к ним, возносили славословия как «воинам Христовым»²⁹⁷. С тех пор и доньше монашество – это «священное воинство, Божественный и всеблагой чин, монашеское и ангельское государство»²⁹⁸.

Образование института монашества стало одним из важнейших моментов в мировой истории. На протяжении следующих периодов развития монашества, в разные эпохи и на разных территориях, иноки, жившие в постоянном приобщении ко Христу, сохраняли постоянное памятование о Страшном Суде, несмотря на все противодействия и притеснения язычников, затем секуляризованного общества, ересей, расколов и заканчивая астматическим удушьем от наступающих темных сил мира в наши дни. Все это свидетельствует о неиссякающей способности человека восходить к Богу и возможности познания Бога для находящихся в лоне Церкви. Таким образом, во все времена и эпохи монастырь остается одним и тем же – живой иконой Царства Божиего. Поэтому братия постоянно пребывают в ожидании изречений и наставлений, подобных дождю и росе на зелень, ливню на траву (Втор. 32:12). Несмотря на все преобразования и оскудение духовной жизни любой паломник по монастырям заверит вас в том, что аскетическая традиция жива в обителях. Ибо велика сила духовного семени, которое способно прорасти сквозь тернии!

В Ветхом Завете Бог ставил пророков стражами вдохновенной проповеди во Святом Духе на протяжении их жизни. Также и в Церкви. Он призывает монахов на смотровые башни пророков и мучеников для возвещения жизни будущего века. Они стоят выше смерти, принимают на себя Божественные обетования во плоти, прообразуют грядущее Царство.

Святой Антоний и блаженные отцы его эпохи: святой Пахомий, основатель и устроитель общежития, Василий Великий, внесший усовершенствования в монашеское житие, позднейшие основатели монастырей – такие, как Савва Освященный, святой Феодосий, затем Феодор Студит, святой Афанасий Афонский и многие другие каждый в свое время воспитали сотни сотен монахов и возвели тысячи тысяч духовных твердынь, которые направляли по пути духовному и молодых

юношей, детей, и стариков. Каждый из них однажды услышал глас Божий, как это произошло с Моисеем: Взойди ко Мне на гору и будь там (Исх. 24:12). И вот результат: И взошел Моисей на гору, и покрыло облако гору, и сошла слава Божия (Исх. 24:15–16).

Бог призывает монаха на служение лично, в конкретном месте и в определенный час, подобно «пасхе» – это переход из «тела душевного» в тело духовное (1Кор. 15:44). Как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного (1Кор. 15:49). И этот переход есть отречение от мира, удаление в «пустыню», то есть в монастырь, восхождение на гору Божию. Нельзя оставить без ответа воззвание Христа, обращенное ко всем: Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною (Лк. 9:23). Сам Христос, словом побуждавший толпы людей, ходивший по земле и чудотворивший, удалялся в пустынные места и молился (Лк. 5:16).

Большинство монастырей было основано подвижниками, многие из которых жили в пещерах и лишь потом были вынуждены выстроить великолепные архитектурные сооружения для служения душе и радения о Духе. Непреступаемыми рубежами стали основы общежития, заложенные ктиторами монастырей, а успехи на стезе подвига безмолвия доньше служат критерием оценки истинного духа монаха. Но время бежит, и мы движемся вместе с ним. Поэтому стоит хотя бы иногда «отставать» и смотреть на жизнь отцов, на «иногое жития вечного начало»²⁹⁹. Как апостолы и их преемники основывали поместные Церкви, так и преподобные ктиторуны закладывали очаги апостольской жизни, устраивали повсюду храмы и подворья ради достижения Божественной любви и осуществления встречи человека с Богом.

Монастыри всегда незыблемо стояли на священных канонах нашей Церкви. До сих пор монашескую жизнь регулируют разного рода Уставы, Начертания, Завещания и Установления ктиторов и великих основателей, которые в них определили будущее монастырей и монахов. Церковь санкционировала и бережно хранила монашеские заветы с тем, чтобы своим авторитетом поддержать эти священные церковные учреждения и для того, чтобы не утратить это направление из жизни христианства. Без признания монастырей как церковного института мы бы имели дело с бесконечными сложностями, ибо звено между монашеским мироощущением и его приятием миром Церкви отсутствовало бы.

Пословица гласит: «Будет монастырь хорош – придут и монахи». Это правда! Никогда не прекратится приток новоначальных в монашескую общину (только разве наступит конец света!), где всегда готовы к встрече с

Господом, грядущим с ангелами Его. Вселенная наполнена монастырями – центрами жизни, украшениями земель, священными прибежищами, светильниками для слепцов, телескопами для зрячих и рупорами для слышащих, алтарями мистического сияния и радости. И поколения монахов образовали вечные пустыни и высочайшие горы, населили побережья, наследовали землю. Все они, увенчанные, возрадуются вовеки.

Древесный ствол (Афонское жительство)

Отшельническое и пустынное житие с первых дней и до нашего времени не прекращает обретать своих учеников. За время существования Церкви, в эпоху гонений и после нее, пустынники вписали золотые страницы в ее историю, они росли и крепили духовно, сделались раздражителями и участниками ангельской общины. Эта форма подвижничества, стоящая на грани с крайностями, опасностями, лишениями и полным самоотречением, начиная с четвертого века развивается уже как хорошо организованное монашество. Преподобные Иларион, Савва, Евфимий и другие великие отцы соединяли уединение с обращением на путь монашества других, что естественным образом постепенно привело к созданию небольших сообществ и в конце концов – общежительных монастырей, «Небесного града», своего рода «государства». В нем общее все: тела, души, устремления, имущество, предпочтения, страсти, борьба, пот, венцы!

Киновии не уничтожили предшествующие формы, остающиеся все еще в действии, даже на Святой Горе – такие, как каливы, келии, скиты, подворья и т.п. Тем не менее они оказались господствующими почти повсеместно и стали принимать, питать, утешать, заниматься просвещать, освящать и совершенствовать монахов, этих воинов благой битвы и граждан Небес, наших друзей и наставников, живущих с дерзновением. Общество составляет одну с ними семью, лучина которой не гаснет, но сияет.

Мы с уверенностью можем сказать, что Святогорская община является самой большой из живущих «в пустыни», она вносит свой вклад в служение Вселенной и обладает неким зарядом жизни, благодати, Божественного богатства, действенной молитвы, с особым усердием «о спасении мира». Что трогательнее и проще жизни на Святой Горе? Она полна духовных сил, которые спасают монахов и приходящих. Монахи как облака летят (Ис. 60:8) к не имеющему пределов горизонту. Благодаря рвению к познанию незримого, живого и всевидящего Бога ладан их сердец, благоухание их жертв, созерцание, потоки слез и библейские восклицания, славословия, похвалы складываются в сокровищницу

вечности.

На Святой Горе было успешно осуществлено соединение отшельнических традиций исихазма и общежительной традиции. Святой Афанасий Афонский, будучи подвижником и вкусив сладости пустыни, преуспел в таком объединении³⁰⁰ внутри огромной императорской киновии ради «спасения многих». Он воспринял цветущую студийскую традицию³⁰¹, из которой сохранил: 1) необходимость влияния духовного отца (старца) на личность монаха; 2) принятие во внимание особенностей индивидуального пути монаха; 3) возможность подвижнических аскетических упражнений, ибо для всех времен остается верным то, что «велик труд подвига»³⁰².

В результате этого чудесного соединения святогорское монашество стало непрерывным собором, некоей жизнью в себе, где все люди достойны и развиваются как порознь члены (1Кор. 12:27) одной Плоти Христовой, как одно общение в любви и служении, усердии и молитве, что приносит радостное облегчение в исповедании помышлений и участии в богослужении. Все это дает покой человеку, который оказывается вознесенным благодаря искреннему и безоговорочному послушанию старцу. А соблюдение правил монашеской жизни подпитывает в человеке духовную силу и жажду стремления к Богу.

Для того чтобы человеку не сбиться с курса и хранить неизменными свой облик и миссию, Святая Гора придерживается единой установленной традиции, которая заключается не в приверженности одному образцу, но в глубоком церковном сознании, концентрации более чем тысячелетнего опыта человеческой природы, пребывающей в общении с Богом. Поэтому святогорцы остаются «традиционалистами» и непрерывно углубляют достижения Отцов. Таким образом, они выходят за пределы собственного «я» и сворачивают с тропинки падшей природы. Эта традиция вступает в самую глубину «будущей» жизни и порывает с человеческими правами в предвкушении вечности.

Теперь давайте взглянем на побег плодоносного дерева.

Древесный побег (Симонóпетра³⁰³)

Как мы уже говорили, нельзя нам позабыть в своем повествовании и о монастыре Симонóпетра. Он имеет благословение пещеры, из которой вышел его основатель³⁰⁴, имевший целью заложить устремленную в Небеса обитель, не изменив при этом молитвенного настроения пещеры. Ему удалось преодолеть опасности; благодаря трудам и созиданию Духа он успешно справился с этим делом.

Святой Симон жил незадолго до эпохи исихастских споров³⁰⁵, когда

на Афоне было более трехсот монастырей и множество подвижников. Он посвятил себя умному созерцанию. Однако, получив в Божественном видении повеление, он основал вокруг себя общину для того, чтобы сделать общежительный устав на Скале ступенью к созерцанию. Лучшим наследием, оставленным святым Симоном духовным чадам, был опыт боговедения. Они же, в свою очередь, должны осуществить святогорский синтез совместной жизни братии в исихии с упованием на Бога. Это было шествие к некоему беспредельному пределу людей, стоящих здесь, монахов, которые не вкусят смерти, пока не увидят Царствия Божия (Мк. 9:1).

Жизнь Симонопетры была не всегда легкой. Невзгоды, набег, бремя долгов, следующие один за другим пожары, турецкая оккупация, войны, вторжения на Афон... Иногда жизнь на Святой Горе затухала, порой ее огонек еле-еле тлел, но в конце концов огонь молитвы разгорался! Святые старцы приходили, чтобы найти некую благость, другие чтобы воспринять руководство обителю, но, не выдержав неблагоприятных условий, уходили. Другие, оставаясь, отдавали свою жизнь. Историю пишет Бог.

В 1973 году Симонопетра была вновь, после долгих лет отчаяния, заселена братией, пришедшей из Больших Метеор. Молодая поросль Метеор свила духовное гнездо на Скале святого Симона. Обитель с радостью, надеждой, благодарностью Богу и благословением старейших отцов расселила на заброшенных территориях свыше пятидесяти иноков, наполнивших жизнью и молодостью келии и храм.

Монастырь наш тринадцатый в чреде, состоящей из двадцати благословенных афонских обителей. В этом духовном улье ежедневно бурлит жизнь. Это характерно для святогорских монастырей. Все они имеют единство традиции, но различаются характерами насельников и окормляющего их.

Каждый монах, исполняя нужды братьев, делает общее дело, подобно хорошему хозяину, он вносит собственный вклад. Служитель выполняет свое послушание среди братии, с рвением и смиренномудрием. Однако руководствующийся собственной волей самоуправец и вольнолюбивый остается один. А исполнитель «унизительной», с мирской точки, зрения работы является самым блаженным!

Труд и совместное существование являются неким радостным успокоением пред лицом Господа, знатока человеческих сердец и разума. Он сорадуется, видя сердца учеников «чистыми». Сельскохозяйственные работы особенно успокаивают монаха, упражняют тело, чтобы дух

бодрствовал, и освобождают ум для полезных занятий. Более того, монахи выращивают в изобилии чистую пищу, которую с давних времен ели аскеты и киновиоты.

Комитеты и канцелярии неусыпно блюдут порядок и предотвращают нежелательные ситуации.

Церковнослужители и певчие получают жалование за свое рвение, а также за необходимость отрывать время от молитвы.

Стол ежедневно ломится от яств: служители, занятые их приготовлением, не знают усталости. Общая трапеза монахов с ее богослужебным характером есть выражение и преображение всех плотских потребностей в богоносные средства.

Двери архондарика всегда распахнуты для гостей. Их служители приветливы. Привратники, искренние и в то же время сдержанные, любезно встречают паломников на время их пребывания в обители, словно «сожительствова» им. Монастырские духовники обычно молчаливы и терпеливы.

Сидячие работы имеют свои плюсы, равно как и неизбежные минусы, – необходима предельная концентрация внимания. Для тяжелых работ выбирают сильных монахов, способных к постоянному физическому труду.

Существует и противопожарная служба. В полном снаряжении она незамедлительно прибывает к очагу возгорания. Любой из пожарных осознает меру своей ответственности.

Вероятно, разумное использование современных технологий, направленное не на получение прибыли, но на помощь брату, открывает новые возможности. Таким образом, вещи и инструменты становятся в монастыре богоносными, как в Горнем Иерусалиме. Об этом сказано у пророка Захарии: В то время даже на конских сбруях будет начертано: Святыня Господу Вседержителю, и котлы в доме Господнем будут как чаши жертвенные перед алтарем (Зах. 14:20).

И наконец, ко всем вышеперечисленным службам подходит слово Божие: если ты работаешь, доволен своей службой и не стремишься к большему, чем имеешь, то станет сладкой твоя жизнь: Жизнь довольного своею участью и труженика сладостна (Прем. Сир. 40:18). Все работы обеспечивают монастырские нужды. Орудия труда традиционны, а время выполнения работ обозначено в монастырских расписаниях. Иначе монахам бы грозила опасность выйти за пределы «приосененной горы» нашей жизни.

Личные особенности, слабости, страсти, человеческие предпочтения

и преходящие устремления, вероятно, есть и будут. Однако монастырь – это дверь отверста на Небе, и голос... взойди сюда и покажу тебе, чему надлежит быть после сего (Откр. 4:1). Тяга к Небу всегда поднимает тебя ввысь.

Время от времени монахи, имея особые на то причины, вынуждены покидать Гору. Тогда они удаляются и немедленно возвращаются по истечении необходимого времени. Братия без колебаний возвращаются в дом свой и дом Божий.

Симонопетра обладает своими особенностями. Она сияет особой благодатью, озарена ярким светом основателя обители. Ибо труды праведного – к жизни (Притч. 10:16) – к жизни и радости, свету, и вновь к свету и радости сердечной. Этим проникнута и конечная цель, то есть ожидание Бога, встречающееся в богочеловеческом обиталище.

Киновиальная жизнь обители подражает вечному богослужебному собранию по образцу славословия ангелов. Каждое проявление общежития носит не общий характер, но богослужебный, запечатлевая таинство Церкви.

Сразу же после полуночи начинаются утренние службы. Божественная литургия совершается ежедневно. В полдень читаются часы, а за три часа до заката – вечерние молитвы.

Торжественным богослужебным действием является всенощное бдение. Всенощная сохраняет разум неусыпным. Благозвучно и созвучно ликуют сердца, сопричастуя Высшим Силам и радостному торжеству святого или празднуемого события. Рассеянность позабыта, сияние глаз сливается к отблесками свечей на вращающемся паникадиле и хоросе³⁰⁶. Они схватывают радость с Небес, впитывают влагу умиления и составляют один хоровод вместе с людьми и ангелами. Так подобно единорогу возносится разум на поднебесный жертвенник, и дух возвышается блаженно и благоговейно, чтобы таинственно найти место милости у священного ковчега и поучаствовать в том, что не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило на сердце человеку (1Кор. 2:9).

Когда в храме нет «бдения», то служат «канон»³⁰⁷, своеобразную литургию монаха, которая совершается в час, когда все окружало тихое безмолвие, и ночь в своем течении достигла середины (Прем. 18:14). Тогда на зов монаха является всемогущее Слово, дабы воссиял свет истинный. Ибо приходящий среди ночи не будет иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их, и будут царствовать во веки веков (Опер. 22:5), и узрят лице Его (Откр. 22:4).

Встреча монаха с Богом в келье посреди ночи есть центр его жизни.

Она задает ритм его повседневной деятельности: труд, отдых, трапеза и прочее. Верный монах выходит, словно из горящей, но не опаляющей печи. «Встреча с Богом» становится формирующим основанием каждого монаха в отдельности, а следовательно, и всего «Тела», то есть всей братии.

Кроме обычных часов храмового богослужения, монахи собираются, согласно древнему обычаю, на своем собственном собрании, где братия встречается с духовным отцом «в простоте, искренности» и единении. Там ведутся благочестивые беседы, делаются необходимые объявления, совершаются наставления и тайноводственные поучения монахов, то есть «служение слова».

Самые прекрасные и благоговейные моменты переживает братия во время пострига нового монаха. Это своего рода крещение, второе рождение к новой жизни и обручение Богу: Измена десницы Вышняго (Пс. 76:11). Постригаемый среди радующихся братьев, молитв и наставлений чинопоследования, воззваний: «Господи, помилуй» становится равным ангелам с тем, чтобы ходить по их дорогам и мыслить, как они. Все обновляется. Отныне он всецело принадлежит Богу и воинствующей Церкви. В своих движениях и словах он являет образ Христа, сокрытый в нем. Его оправданием и жизненным пространством является Он – Ожидаемый.

«О, каким честным превосходством наделена наша святая и священная схима! Каким духовным благоуханием дышит она... о призвание, касающееся Небес! О призвание, достигающее Бога... о призвание, которым спасается мир!»³⁰⁸

Прежде чем постричь кого-либо в монахи, следует, чтобы он неоднократно присутствовал сам на чине пострига. Чтобы алкал и жаждал, насыщался и испытывал упоение! А это дается только Богом. Отныне и впредь духовная жизнь монаха зиждется на непрерывной, живодательной аскезе. Аскеза – словно подрезание растений для того, чтобы ветви развивались сочными. Аскеза- это наши слезы, скорбь, приносящая радость, наш труд, наше возрастание во Христе. Пророк Исайя говорит: И ветвь произрастет от корня его; и почиет на нем дух Господень (Ис. 11:1–2). «Цветок» есть Спаситель – бывший, сущий и будущий, грядущий (см. Откр. 1:8) к нам. Ибо мы Его призвали!

Насаждение Господа во славу Его (старец)

Человек, а также и монах, имеет одно стремление: привыкнуть как бы видя Невидимого, быть твердым (Евр. 11:27). Но нам это трудно из-за нашей неповоротливости и небрежности. Нам это кажется недостижимым

из-за нашей природы, и вместе с тем достижимо, ибо об этом говорит, этого хочет Господь, Который всегда прав.

Конечно же, монастырь приносит плоды духа. Он изменяет человека, делает возможным для него стать сопричастным Божеству, ибо действительно Святой Дух упражняет и возвышает человека. Жизнь монаха динамична, имеет и падения, и взлеты, постижение, «видение» Бога. Монах, равняясь на образцы, принимает в себя таинства Божии и уготовляет полноту сердца, Божественный непрестанный поиск Сына Божиего и света Царства. Человеку необходимо этому научиться. К этому ведет все монашеское воспитание и жизнь. В этом заключается суть нашего собственного подвига.

Видимый человек живет, чтобы обрести невидимого Бога. Мы появились на свет не случайно! Нас сотворил Божественный Дух, нас наставляет дыхание Вседержителя (Иов 32:8)! Поэтому наши сердца ищут отеческий лик для того, чтобы чувствовать себя истинными сыновьями Бога. Они узнают Его и просят: Выслушай меня, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне (Иов 42:4).

Из-за нашей слабости мы испытываем необходимость в человеке, имеющем то же обличье, что и мы. Поэтому Господь – Творец дает Своему творению такого же раба во Христе – старца, который станет «крайним полюсом», началом и окончанием, серединой, осью жизни монаха. Старец есть мера, глубина и высота для монаха, пример достижения свободы славы детей Божиих (Рим. 8:21). Поэтому монахи, будучи подчиненными в своих действиях своему старцу, часто сообщают ему о своей жизни, о падениях и взлетах, а также о многочисленных страстях, благодаря которым упражняются и научаются молитве, посредством которой обретают желанный «град».

Быть духовным отцом – значит осуществлять гармоническое сотрудничество между собой, то есть старцем, и монахом-подопечным для воспитания свободы и совершенствования. Ученичество же не должно превращаться в услужение своему старцу, но быть мужественным и смиренным устремлением к Богу.

Закалка духа делает подвижника сильным, опытным, живым, заставляет бороться. Он предуготовляет завтрашний день, сражается с Богом и Его побеждает! Так он обретает славную одежду, и назовут их сильными правдою, насаждением Господа во славу Его (Ис. 61:3). Возделывающий, насаждающий и подвизающийся получает венец. Господь вспомнит его по имени и призовет его. И будешь венцем славы в руке Господа и царскою диадемою на длани Бога твоего (Ис. 62:3).

Урожай (вместо эпилога)

Путешественник отправляется по морям, земле и воздуху, чтобы выполнить поставленную цель, а после отдохнуть в своем доме, пожать плоды своих трудов: удач, печалей, радости. Труженик, земледелец, ученый борются всю жизнь затем, чтобы создать свое «житие», семью, насладиться благами и устроить своих детей. То же самое происходит с любимым отцом, а еще более с духовным отцом и духовным урожаем. Посевы и сокровища – это его духовные чада. Они есть суть жизни отца.

До сих пор мы рассуждали об образах Неба на земле. Теперь же поговорим о самом Небе, где пребывают в отдохновении все праведные и которое всегда остается... на Небе!

Жизнь монахов настолько близка Богу, что поначалу имеет два стремления: жить душа в душу, следуя апостольской общности, и иметь в качестве жизненного образца находящееся перед лицом нашим совершенство святых мучеников, простирая и его в вечность.

Урожай, успех есть мир в Боге. А входим в покой мы уверовавшие (Евр. 4:3), во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус (Евр. 6:19–20), ибо Он приготовил им город (Евр. 11:16). Все для нас, а мы для всех. Мы собраны здесь как облако и ожидаем встречи, имея вокруг себя такое облако свидетелей (Евр. 12:1), имена которых известны.

Такой «конец», не имеющий конца, мог бы стать основанием вечности и соработать для того, чтобы даровать нам духовное познание и опыт благодати и заставить работать эти Божественные дарования внутри нас. Открытые этому монахи обретают силу и плоды мученической борьбы, их духовные очи «видят Царя, и наступает радость великая».

Собирается и другой урожай, но уже не в келье, а в архонтарике. Каждый день туда приходят люди, братья. Они стекаются отовсюду. Гостеприимные монахи – в их полном распоряжении. Радость, вера, бурление и восклицание вырываются из сердца привечаемых. Изменяется их жизнь, ибо они находят ее смысл. Плачут от радости, отыскивая то, что каждому из них было необходимо. Становятся одним целым с монахами, вот оно – живое изменение десницы Господней. И вот, наконец, другой «урожай» – в сердцах и домах людей, которые ушли из обители... для того, чтобы скоро вернуться.

Монастырь не есть миссионерский центр, он семя постоянства и непрерывной жатвы, успокаивающей душу монаха. Глубок урожай сердца! Собравший его монах наполняется миром и раздает его другим. Он внушает радость даже четвероногим! Он счастлив, и ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах (Иов 40:16).

Прекрасное описание монашеской жизни и радости. Монах живет в обычном мире, но в преображенном времени, поэтому он водит хороводы со святыми посреди ангельского убранства.

Мир нашей обители не сосредоточен на одной маленькой скале. Симоновой Скалой являются также и восемь подворий ее: Благовещения в Ормилии (Халкидики)³⁰⁹, Вознесения в Афинах, святого Харлампия в Фессалониках, три во Франции и еще два в Греции. Все они широко известны у нас на родине. И эти места имеют тайноводственное значение: и там собирается немалый урожай теми, кому Церковь так близка.

Жизнь каждого подворья связана с другими: всюду возможно рождение и возрождение! Паломников подворий ждет насыщение радостью и духовной пищей. Покидая подворье, каждый чувствует что-то свое: и жизнь моя видит свет. Вот, все это делает Бог (Иов 33:28–29). Вся жизнь сосредоточена в Божественном свете, и они поют славословия Подателю благ. Тот, Кто соберет однажды весь мир, уже готовит нас и наших единомышленников. Разве не к нам обращается Он словами: «Я напоил всякую душу жаждущую и всякую душу голодную насытил» (Иер. 38:25)?

Монастырь – это ковчег святых, освященный град. Прообразы и их отпечатки, Небо и монастырь по благодати «одно есть». Небесный Сион и монашеская «община» – это уготованный Богом мир. Это – казна для тех, кто хочет захватить Царство Божие. Это – кладовая, в которой все хранилища открыты. Здесь можно хранить наши инструменты и оружие, духовное и боевое, для орудия нашего труда перед Богом. Это – гардероб, содержащий черные одежды обетов и красные от крови одежды аскезы. Это винные погреба для «вина нового», хлебные амбары для Хлеба Жизни, защитные очки для того, чтобы безболезненно смотреть нам на Солнце и на звезды духовные. Это хранилища особые, ибо иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд (1Кор. 15:41).

Сам Господь говорит: Сын человеческий! Это место престола Моего и место стопам ног Моих, где Я буду жить среди сынов Израилевых вовеки (Иез. 43:7). Сын человеческий... ты находился в Едеме, в саду Божиим... все, искусно усаженное у тебя в гнездышках... приготовлено было в день сотворения твоего... ты был на святой горе Божией (Иез. 28:12–14). И восклицает вновь: В доме Отца Моего обителей много... И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я (Ин. 14: 2–3). Он дает нам свое обетование: ты будешь ради Меня «венцом красоты» в Моих руках и царскою диадемою на длани Бога твоего (Ис. 62: 3).

Христос в образе Ангела Божиего показал однажды Иоанну Богослову последнее пристанище Бога с людьми (Откр. 21 и 22:1–5). Так и повседневная жизнь ангельской общины в обители, во всякой обители, да будет для современного человека окном, распахнутым в Небеса.

Примечания

- ¹ - Перевод выполнен по изданию: Ἀρχιμ. Αίμιλιανού, καθηγουμένου Ἱ.Μονῆς Σίμωνος Πέτρας, Κατηχήσεις καὶ Λόγοι. Ὁρμύλια 1995–2001, τ. 1–4.
- ² - Проповедь, произнесенная в кафедральном соборе города Драммы 23 февраля 1986 года.
- ³ - Первый тропарь первой песни канона на утрене Недели о мытаре и фарисее, из Постной Триоди.
- ⁴ - В этот день Церковь вспоминает изгнание Адама из рая (прим. ред.).
- ⁵ - Ἰω. Δαμασκηνοῦ, Ἐκδοσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως 12, PG 94: 845BC. (далее – Ἰω. Δαμοκτκηνοῦ, Ἐκδοσις).
- ⁶ - Idem. 15, PG 94: 864C.
- ⁷ - Имеется в виду фонетическое созвучие еврейских слов «иш», что значит «мужчина», и «иша», что переводится как «женщина». Об этом см. Быт. 2:23 (прим. ред.).
- ⁸ - Μ.Βασιλείου, Ὁμιλία περὶ ταπεινοφροσύνης 6, PG 31: 536C.
- ⁹ - Τοῦ ὁσίου πατρος Ἰσαάκ, ἐπισκόπου Νινευῖτοῦ Σύρου, Τα εὐρεθέντα ἀσκητικά 20, Ἀθῆναι 1976, с. 66. (далее – Ἰσαάκ Σύρου, Ἀσκητικά).
- ¹⁰ - Μακαρίου Αἰγυπτίου, Ὁμιλία 15,37, Βιβλιοθήκη Ἑλλήνων Πατέρων καὶ Ἐκκλησιαστικῶν Συγγραφέων, φ. 41, с. 230, стих. 40–41. (далее – Μακαρίου Αἰγυπτίου, Ὁμιλία).
- ¹¹ - Обол – мелкая монета (прим. ред.).
- ¹² - Проповедь, произнесенная перед насельницами женского монастыря в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в Ормилии 13 мая 1978 года.
- ¹³ - Тропарь праздника Усекновения главы Иоанна Предтечи, 29 августа, по Минее.
- ¹⁴ - Архондарик – дом для приема паломников и гостей в греческих монастырях (прим. ред.).
- ¹⁵ - Еврип – пролив между восточным побережьем Греции и островом Эвбея (прим. ред.).
- ¹⁶ - Проповедь, произнесенная в зале православного братства «Три Святителя» в городе Волосе 26 февраля 1986 года.
- ¹⁷ - Стасидии – специальные деревянные кресла с подлокотниками и откидными сиденьями, в которых можно сидеть или стоять во время

продолжительных служб (прим. ред.).

¹⁸ - Γω. Χρυσοστόμου, Εἰς τὸν Ἰησαίαν ομιλία Α, ΡG 56: 101.

¹⁹ - Молитва Херувимской песни на литургии Иоанна Златоуста, из Служебника.

²⁰ - Ιγνατίου Θεοφόρου, Επιστολή προς Μαγνησίους 3,6, ΡG 5: 664C-665A, 668AB; Επιστολή προς Τραλλιανούς 2, 3, ΡG 5: 676BC-677A; Γω. Δ. Ζιζούλα, μητροπολίτου Περγάμου, Ἡνότης της Εκκλησίας ἐν τη θείῃ Εὐχαριστίᾳ καὶ τῷ Ἐπισκόπῳ κατὰ τοὺς τρεῖς πρώτους αἰῶνας. Ἀθήνα 1990.

²¹ - Метеоры – крупный монастырь, расположенный в гористой местности в Фессалии в Греции; юридически относится к Трикской и Стагонской митрополии. Отсюда, из Больших Метеор, были переведены в 1973 году в находившийся тогда в запустении святогорский монастырь Симонопетра более пятидесяти иноков во главе с архимандритом Эмилианом (прим. ред.).

²² - Греческое слово молитва – προσευχή состоит из корня εὐχή «пожелание» и приставки πρὸς «к, для» (прим. ред.).

²³ - По-гречески два разных слова: εὐχή («моление») и προσευχή («молитва к кому-то») (прим. ред.).

²⁴ - Ὁρθρος Χριστουγέννων, γ' κάθισμα; Γρηγορίου Θεολόγου. Λόγος 38, Εἰς τὰ Θεοφάνεια 13, ΡG 36: 325C.

²⁵ - Γω. Σιναΐτου, Κλίμαξ 26, Περί διακρίσεως, ΡG 88: 1020B; Διαδόχου Φωτικής, Λόγος ασκητικός 1. Φιλοκαλία τῶν Ἱερῶν Νηπτικῶν, τ. 1, Ἀθήνα 1974, с. 236. (далее – Διαδόχου Φωτικής, Λόγος ἀσκητικός).

²⁶ - Старцами (греч. γέρων) в греческих обителях называют старейших монахов, которые обычно являются духовными наставниками братии (прим. ред.).

²⁷ - Συμεών Ν. Θεολόγου. Ευχαριστία Α, стих. 175– 185, SC 113, с.320 и далее; Ευχαριστία Β. Стих. 140–195, SC 113, с. 340– 346; Ὑμνος 48, стих. 102 и далее, SC 196, с. 138.

²⁸ - Δημ. Γ. Τσάμη, Φιλοθέου Κωνσταντινουπόλεως του Κокκίνου, Ἁγιολογικά ἔργα, Θεσσαλονικεῖς ἅγιοι. Θεσσαλονικεῖς Βυζαντινοὶ Συγγραφεῖς, 4, Θεσσαλονίκη 1985, Λόγος εἰς ἅγιον Γρηγόριον Παλαμάν 18, с. 447, стих. 16–17. (далее – Φιλοθέου Κокκίνου, Λόγος εἰς ἅγιον Γρηγόριον Παλαμάν).

²⁹ - Γω. Σιναΐτου. Κλίμαξ 28, Περί προσευχῆς, ΡG 88. 1132D.

³⁰ - Βίος ἁγίου Σπυρίδωνος, ἐπισκόπου Τριμυθοῦντος, τοῦ θαυματουργοῦ, Ματθαίου Λαγγή, Μέγας Συναξαριστής, τ. 12, Ἀθήνα 1991, с. 348–349.

³¹ - Выступление перед богословами Трикальской митрополии 5

ноября 1983 года.

³² - Стихира самогласна на Хвалитех на утрени Недели Пятидесятницы, изЦветной Триоди.

³³ - Ιουστίνου Φιλοσόφου, 'Απολογία Β 13, ΡG 6 :465BC; Μ.Βασιλείου, «Οροι κατά πλάτος 2, ΡG 31: 908C.

³⁴ - Idem., с. 188, стих. 35.

³⁵ - Ιγνατίου Θεοφόρου, Επιστολή προς Ρωμαίους 8, ΡG 5: 696A.

³⁶ - Тропарь восьмой песни канона восьмого гласа Пресвятой и Живоначальной Троицы песнописца Митрофана, поемого на полунощнице, из Октоиха.

³⁷ - Новомученики Элладской Православной Церкви – исповедавшие христианство и умученные за это во времена турецкого владычества в Греции в XV-XIX вв. (прим. ред).

³⁸ - Νείλου Άσκητοῦ, Περί προσευχής 61, Φιλοκαλία, τ. 1, с. 182. (далее – Νείλου Άσκητοῦ, Περί προσευχής).

³⁹ - Γρηγορίου Θεολόγου. Λόγος 20, Περι δόγματος και καταστάσεως επισκόπων 12, ΡG 35: 1080B.

⁴⁰ - Γρηγορίου Θεολόγου. Θεολογικός Α (27), Κατά Εύνομιανων προδιάλεξις 3, ΡG 36: 13CD.

⁴¹ - Καλλίστου Καταφυγιώτου, Τα σωζόμενα περί θείας ένώσεωςκαι βίου θεωρητικού 84, ΡG 147: 928D.

⁴² - Славник девятого часа из последования Царских Часов, певаемых в навечерие Богоявления, 6 января, из Минеи.

⁴³ - Νείλου Άσκητοῦ, Περί προσευχής, с. 182.

⁴⁴ - Μ. Βασιλείου, 'Ερμηνεία εις τον Προφήτην 'Ησαΐαν 3, ΡG 30: 124 AB.

⁴⁵ - Βίος οσίου Μαξίμου Καυσοκαλυβίτου 15, Fr. Halkin, AB 54 (1936), с. 86, BHG 1237.

⁴⁶ - Γρηγορίου Θεολόγου. Θεολογικός Α (27), Κατά Εύνομιανων προδιάλεξις 3, ΡG 36: 16A.

⁴⁷ - Γρηγορίου Θεολόγου. Θεολογικός Β (28), Περί θεολογίας 3, ΡG 36: 29A.

⁴⁸ - Διαδόχου Φωτικής, Λόγος ασκητικός 66, с. 254.

⁴⁹ - Ιω. Σιναΐτου, Κλίμαξ 29, Περί άπαθείας, ΡG 88: 1152B.

⁵⁰ - Ιω. Χρυσοστόμου, 'Ομιλία εις τούς ανδριάντας 12, 3, ΡG 49: 131.

⁵¹ - Γρηγορίου Θεολόγου. Θεολογικός Α (27), Κατά Εύνομιανων προδιάλεξις 3, ΡG 36: 13CD.

⁵² - Γρηγορίου Θεολόγου. Λόγος 20, Περι δόγματος και καταστάσεως επισκόπων 3, PG 35: 1069A.

⁵³ - Γρηγορίου Θεολόγου. Θεολογικός Α (27), Κατά Εύνομιανωνπροδιάλεξις 3, PG 36: 13CD.

⁵⁴ - Проповедь, произнесенная в храме святителя Николая в Трикале в 1970году в день праздника святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских,чудотворца.

⁵⁵ - Ὁρθρος Χριστουγέννων, у κάθισμα.

⁵⁶ - Γρηγορίου Θεολόγου. Λόγος 39, Εις τα άγια φώτα 13, PG 36: 349 A; Γρηγορίου Παλαμά, Λόγος 58, Εις την γέννησιν Κυρίου 5, "Ελληνες Πατέρες της Εκκλησίας, т. 2, с. 462.

⁵⁷ - Отец Эмилиан имеет в виду серию проповедей, произнесенных в храме святителя Николая в Трикале в 1970 и 1971 гг.

⁵⁸ - Управляющий округом (прим. ред.).

⁵⁹ - Первый тропарь третьей песни первого канона на утрене праздника Преображения Господня 6/19 августа: «Во всего Адама облекся, Христе, очерневшее изменив, просветил еси древле естество, и изменением зрака Твоего благосодейл еси», из Минеи.

⁶⁰ - Третья стихира на Хвалитех на утрене Святых отец Седьмого Вселенского Собора 11/24 октября, из Минеи.

⁶¹ - Κυπριανού Καρχηδόνας, Επιστολή 73. 21, PL3: 1123B (= CSEL, т. III, 2, Wien 1871, с. 795, стих 3–4): "salus extra ecclesiam non est".

⁶² - Ιω. Χρυσοστόμου, «Ότε τής Εκκλησίας Εύτρόπιος άπεσπάθη 6, PG 52: 402.

⁶³ - Символ веры.

⁶⁴ - Ερμα. Ποιμήν, Όρασις 2, 4, 1, ΒΕΠΕΣ, т. 3, с. 42.

⁶⁵ - Ιω. Χρυσοστόμου, Ότε τής Εκκλησίας Εύτρόπιος άπεσπάθη 1, PG 52: 397.

⁶⁶ - Γреч. εκκαλώ – «призывать» (прим. ред.).

⁶⁷ - W.Jaeger, Gregorii Nysseni Opera, De vita Moysis, t. VII. I, Leiden 1959, Γρηγορίου Νύσσης, Εις τον βίον Μωυσέως 2, с.96– 97 (далее – Γρηγορίου Νύσσης, Εις τον βίον Μωυσέως).

⁶⁸ - W.Jaeger, Gregorii Nysseni Opera ascetica, De virginitate, t. VII. I, Leiden, 1963, Γρηγορίου Νύσσης, Περι παρθενίας 4, стих. 17–18 (далее- Γρηγορίου Νύσσης, Περι παρθενίας).

⁶⁹ - Διαταγαί 'Αποστόλων 2, 27, ΒΕΠΕΣ, т. 2, с. 35– 36, 39 и далее (далее

– Διαταγαί Ἀποστόλων); Ἰγνατίου Ἀντιόχειας, Σμυρναίους 9, 1, ΒΕΠΕΣ, τ. 2, σ. 281, стих. 29–30. (далее – Ἰγνατίου Ἀντιόχειας, Σμυρναίους).

⁷⁰ - Ἰγνατίου Ἀντιόχειας, Σμυρναίους 8,315, стих. 8; Ἰω. Δ. Ζιζούλα, μητροπολίτου Περγάμου, Ἡ ἐνότης τῆς Ἐκκλησίας ἐν τῇ θεῖα Εὐχαριστία καὶ τῷ Ἐπισκόπῳ κατὰ τοὺς τρεῖς πρώτους αἰῶνας. Ἀθηναί 1990.

⁷¹ - Κυπριανοῦ Καρχηδόνας, Περί τῆς ἐνότητος Καθολικῆς Ἐκκλησίας, 6, PL 4: 503 A (= CSEL, т. III. 1. Wien 1868, σ. 214).

⁷² - Γρηγορίου Νύσσης, Περί παρθενίας, с. 272, стих. 11–13.

⁷³ - W. Jaeger, Gregorii Nysseni Opera, In ecclesiasten Homiliae, t. V, Leiden 1962, Γρηγορίου Νύσσης, Ἐκκλησιαστής 2, с. 299, стих. 3–9.

⁷⁴ - Γρηγορίου Νύσσης, Λόγος εἰς τό «Ἅγιον Πνεῦμα, PG 46: 697 B.

⁷⁵ - W. Jaeger, Gregorii Nysseni Opera, De Beatitudinibus, t. VII. II, Leiden 1992, Γρηγορίου Νύσσης, Εἰς τοὺς μακαρισμοὺς 8, стих. 11–14.

⁷⁶ - Γρηγορίου Νύσσης, Περί ψυχῆς καὶ ἀναστάσεως (τὰ Μακρίνια), PG 46: 104 B.

⁷⁷ - Проповедь, произнесенная 22 ноября 1979 года в монастыре в честь Благовещения в Ормилии.

⁷⁸ - Молитвы Херувимской песни и Евхаристического канона на литургии, из Служебника.

⁷⁹ - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 50, 22– 23, Φιλοκαλία τῶν Νηπτικῶν καὶ Ἀσκητικῶν, Ἑλληνας Πατέρες τῆς Ἐκκλησίας, т. 22, Θεσσαλονίκη 1979, с. 2422–244. (далее – Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν).

⁸⁰ - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 53, с. 250 и далее.

⁸¹ - В праздник опресноков, в праздник седмиц и в праздник кушей (прим, ред.).

⁸² - Оглашенный – проходящий курс огласительных бесед о вере для подготовки к принятию таинства святого Крещения человек. Молитва чина об оглашенных, совершаемого прежде последования святого Крещения (прим, ред.).

⁸³ - Имеется в виду практика Иисусовой молитвы («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»), читаемой на вдохе и выдохе (прим, ред.).

⁸⁴ - Св. Никодим Святогорец (1749–1808), афонский монах, духовный писатель, автор аскетических и литургических трактатов (прим. ред.).

⁸⁵ - Ἰσαάκ Σύρου, Ἀσκητικά 32, с. 140.

⁸⁶ - 'Αγίου Νικοδήμου του 'Αγιορείτου, Συμβουλευτικόν Ἐγχειρίδιον, ἦτοι περι φυλακῆς των πέντε αισθήσεων, ἐν Βόλψ 1969 с. 116–118. (далее – Νικοδήμου 'Αγιορείτου, Συμβουλευτικόν Ἐγχειρίδιον)

⁸⁷ - Ησυχίου Πρεσβυτέρου, Προς Θεόδουλον ἑκατοντάς 1, 96, 96, PG 93: 1509B; Συμεών Θεσσαλονίκης, Περι της θείας προσευχῆς 296, PG 155:545B; Ἀρχιμ. Αἰμίλιανου, καθηγουμένου Ἱ. Μονῆς Σίμωνος Πέτρας, Κατηχήσεις και Λόγοι. Ὁρμύλια 1995, τ. 1, с. 229.

⁸⁸ - Ἰω. Δαμασκηνοῦ, Ἐκδοσις 2, 4 (18), PG 94: 873C-876B.

⁸⁹ - Священнический возглас в начале анафоры, из Служебника.

⁹⁰ - Σύναξις Ἀρχιστρατήγου Μιχαήλ και Γαβριήλ, Συναξάριον.

⁹¹ - Παύλου Μοναχοῦ, Εὐεργετινός, ἦτοι συναγωγή θεοφθόγγων ρημάτων, τ. 1–4, Ἀθηναί 1983– 1985, 2, Ὑπόθεσις 20, 1 (Γρηγορίου τοῦ Διαλόγου), σ 252. (далее – Εὐεργετινός).

⁹² - Μ. Βασιλείου, Εὐχαι ἦτοι ἔξορκισμοί, PG 31: 1677–1685C.

⁹³ - Μ. Βασιλείου, Περί 'Αγίου Πνεύματος 76– 79, PG 32: 209D-217C.

⁹⁴ - Проистамен – выборная пожизненная административная должность, второй после игумена человек в афонских монастырях (прим. ред.).

⁹⁵ - Ἰγνατίου Ἀντιόχειας, Σμυρναίσις 8, с. 281, στιχ, 18–26.

⁹⁶ - Геронтиссой (греч. γερόντισσα – досл, “старица”) греки называют игуменью монастыря (прим. ред.).

⁹⁷ - Имеется в виду седмичный круг православного богослужения, зафиксированный в гимнографической книге под названием Октоих, где за каждым днем недели закреплены воспоминания тех или иных сотериологических событий или святых (прим. ред.).

⁹⁸ - Ἰω. Δαμασκηνοῦ, Λόγος εις το ἅγιον Σάββατον 21, PG 96: 620B.

⁹⁹ - Μαξίμου τοῦ Ὁμολογητοῦ, Μυσταγωγία 1, PG 91: 665C-668C.

¹⁰⁰ - Молитва перед чтением Евангелия на литургии, из Служебника. Молитва первого часа, из Часослова.

¹⁰¹ - Αποφθέγματα Γερόντων, ἄββα Μακαρίου 16, PG 65: 269B; ἄββα Σισώη 37, PG 65: 404B; Εὐεργετινός, τ. 4, Ὑπόθεσις 32, 2 (Ἐν τῷ Γεροντικῷ) 1–4, с. 515.

¹⁰² - Ἰσαάκ Σύρου, Ἀσκητικά 34, 58, с. 149–150, 239.

¹⁰³ - Проповедь, произнесенная перед насельниками монастыря в честь Благовещения Пресвятой Богородицы в Ормилии (Μετeορα, 1970).

¹⁰⁴ - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 4, 1, с. 50.

- ¹⁰⁵ - Idem. 2, 2; 3, 1, с. 46, 48.
- ¹⁰⁶ - Idem. 3, 1–2, с. 48.
- ¹⁰⁷ - Idem. 3, 1, с. 48.
- ¹⁰⁸ - Idem. 4, 1, с. 50.
- ¹⁰⁹ - Николай Кавасила (1322/23– после 1391) – выдающийся эрудит своего времени, ученый широкой ориентации, автор риторических, астрономических, правовых и богословских (сотериологических и литургических) трактатов. Из последних наибольшую известность получили два: «О жизни во Христе» и «Изъяснение Божественной литургии». Николай Кавасила, по ходатайству Фессалоникийской митрополии Элладской Православной Церкви, был причислен к лику святых «за исповедническую и святую жизнь, православное попечение и огромный вклад в дело Церкви и воспитания». Канонизация его в лике преподобных состоялась в 1982 году. Память празднуется 20 июня по новому стилю (прим. ред.).
- ¹¹⁰ - Idem. 1, 2, с. 32.
- ¹¹¹ - Заамвонная молитва на литургии, из Служебника.
- ¹¹² - Ιω. Δαμασκηνού, Ἐκδοσις 3, 4 (48), PG 94: 1000A.
- ¹¹³ - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 1, 2, с. 32.
- ¹¹⁴ - Имеется в виду «Изъяснение Божественной литургии» святого Николая Кавасилы.
- ¹¹⁵ - Idem. 1, 4, с. 34.
- ¹¹⁶ - В Греции, согласно используемому там приходскому Типикону (так называемый Типикон Виолакиса), литургия совершается сразу вслед за утреней, которая всегда служится утром, а не вечером, как в Русской Церкви. Поэтому отец Эмилиан разбирает не только тексты литургии, но и утрени (прим. ред.).
- ¹¹⁷ - Idem. 1, 5, с. 34.
- ¹¹⁸ - Idem. 1, 13–14, с. 42–44.
- ¹¹⁹ - Стихира Креста на стиховне на утрени среды, первый глас Октоиха.
- ¹²⁰ - Idem. 1, 1; 13, с. 32, 42.
- ¹²¹ - Священническая молитва перед чтением Евангелия на воскресной утрени, из Служебника.
- ¹²² - Молитвы об оглашенных, читаемые перед последованием святого Крещения, из Третьяка.

- 123 - Idem. 4, 1; 48, 6, с. 50, 222.
- 124 - Idem. 8, 3; 9, с. 62, 64.
- 125 - Idem. 1, 6, с. 36.
- 126 - Idem. 1, 11, с. 40.
- 127 - В византийских храмах сосудохранилище (греч. σκευοφυλάκιον), или ризница, где хранились церковная утварь, богослужебные книги, литургические ткани, находилось в отдельном здании, расположенном недалеко от храма. Процессия Малого входа была установлена для перенесения Евангелия из сосудохранилища в храм (прим. ред.).
- 128 - Комментаторы византийского богослужения особое внимание уделяли символическому значению священных облачений. Николай Кавасила посвятил этой теме трактат «О священных одеждах» (прим. ред.).
- 129 - Idem. 1, 9, с. 38–40.
- 130 - Idem. 1, 11, с. 40.
- 131 - Вторая молитва верных на литургии Преждеосвященных Даров, из Служебника.
- 132 - Idem. 1, 11, с. 40.
- 133 - Idem. 1, 4–5, с. 40–42.
- 134 - Ходатайственная молитва из евхаристического канона, читаемая после «Впервых помяни» на литургии Иоанна Златоуста, из Служебника.
- 135 - Idem. 1, 4–5, с. 34.
- 136 - Idem. 1, 12, с. 42.
- 137 - Имеется в виду изъятие Агнца из просфоры на проскомидии (прим. ред.).
- 138 - Idem. 5, 11–4, с. 52–54; Γρηγορίου Θεολόγου. Λόγος 14, Περί φιλοπτωχίας 15, PG 35: 876C; Γω. Χρυσόστομου, Ὑπόμνημα εἰς τὸν εὐαγγελιστὴν Ματθαῖον, Ὁμιλία 4, 3, PG 57: 43.
- 139 - То есть хлеб и вино (прим. ред.).
- 140 - Проповедь, произнесенная 31 января 1971 года в храме святителя Николая в Трикале.
- 141 - Γρηγορίου Παλαμά, Ὁμιλία 2, Εἰς τὴν κατὰ τὸν Τελώνην καὶ τὸν Φαρισαῖον τοῦ Κυρίου παραβολήν 4, ΕΠΕ, т. 9, с. 50.
- 142 - Γω. Σιναΐτου, Κλίμαξ 30, Περί τοῦ συνδέσμου τῆς ἐναρέτου τριάδος ἐν ἀρεταῖς, PG 88: 1160B.
- 143 - Проскомидия – начальная часть литургии, на которой

приготавливаются вино и хлеб для освящения (прим. ред.)

¹⁴⁴ - Дориношение (греч. δόρου «копье» и φέρω «нести») – символическая аллюзия на триумф императора-победителя, вносимого в город на щитах во время Великого входа, когда ангелы незримо вносят на своих копьях Царя всех Христа. Тогда звучат слова песнопения, введенного в литургию при византийском императоре Юстине II в 573–574 гг.: “Иже херувимы тайно образуяще и животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякоеныне житейское отложим попечение, яко да Царя всех подыдем ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуия, аллилуия, аллилуия”. (прим. ред.).

¹⁴⁵ - Священническая молитва перед раздроблением Агнца на литургии, из Служебника (прим. ред.).

¹⁴⁶ - Молитва перед возвышением и преломлением Святого Хлеба на литургии, из Служебника (прим. ред.).

¹⁴⁷ - Συμπόσιον, ВЕПЕС, т. 18, с. 86, стих. 20– 21.

¹⁴⁸ - Малый вход – это вход духовенства с Евангелием в начальной части литургии. Великий вход – перенесение Святых Даров из жертвенника на престол храма духовенством во время пения Херувимской песни. На Балканах шествие духовенства на Малом и Великом Входах совершается через весь храм, а не только по солею (прим. ред.).

¹⁴⁹ - В Неделю о самаряныне в митрополии Трикалы совершается крестный ход, посвященный Небесному покровителю города – святому Виссариону. У греков сохраняется традиция почитания святых покровителей городов и сел. В день праздника святого покровителя, как и на всякий престольный праздник, совершается торжественное шествие по городу с духовым оркестром, с иконами, хоругвями, с пением молебных песнопений, ектений, водосвятием приходских окрестностей (прим. ред.).

¹⁵⁰ - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 1, 2, с. 32.

¹⁵¹ - В Греции сохраняется традиция совершения обручения за некоторое время до Таинства венчания. В Требнике эти два последования – обручения и венчания осмысляются как самостоятельные (прим. ред.).

¹⁵² - Ектения после освящения Даров на литургии, из Служебника.

¹⁵³ - Ἰγνατίου Αντιόχειας, Τραλλιανοῖς 3, 1, ВЕПЕС, т. 2, с. 272, стих. 14.

¹⁵⁴ - Молитвы Херувимской песни на литургии, из Служебника.

¹⁵⁵ - Κανόνες ἀγίων Ἀλοστόλων 39; Πηδάλιον, Ἀθήνα 1970, с. 43; Ἰγνατίου Αντιόχειας, Σμυρναίους 9, 1, с. 281, стих. 29– 30.

¹⁵⁶ - Николай Кавасила. Изъяснение обрядов Божественной Литургии.

Изъяснение священных одежд / Пер., вступл., комм. А. Никифоровой. // Византийские очерки. Спб., 2001.

¹⁵⁷ - Βίος αγίου ιερομοναχοῦ Παγκρατίου, επισκόπου Ταυρομενίας, Ματθαίου Λαγγή, Μ.Συναξαριστής, т. 7, Ἀθήναι 1990, с. 157–158.

¹⁵⁸ - Средневековый комплекс монастырей, выстроенных на вершинах отвесных скал, в Фессалии, неподалеку от Трикалы (прим. ред.).

¹⁵⁹ - Молитва Малого входа: «Владыко Господи Боже наш, уставивый на Небесех чины и воинства ангел и архангел, в служение Твоя славы: сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и славословящих твою благодать...», из Служебника.

¹⁶⁰ - Χ. Φίλοαθωνίτου, Ὁ παλά – Τύχων, Ἀθήνα 1981, с. 23– 24.

¹⁶¹ - Святой Спиридон, епископ Тримифунтский (ум. 384, память 12/25.12), покровитель острова Керкира (Корфу), где покоятся его мощи. Отпустительный тропарь святителя Спиридона Тримифунтского (прим. ред.).

¹⁶² - «Прóсти» (греч. орθοί – досл. «прямые») – призыв к стоянию перед Богом, выпрямив спину и сосредоточив свой ум на молитве; от слав. «простий» – прямой, простертый (прим. ред.).

¹⁶³ - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 22, 5, с. 120.

¹⁶⁴ - Idem. 3,1; 4, 1, с. 48, 50.

¹⁶⁵ - Евхаристический канон (анафора) – центральная часть Божественной литургии, на которой происходит возношение Святых Даров, то есть заранее приготовленного хлеба и вина, и их преложение в Плоть и Кровь Иисуса Христа (прим. ред.).

¹⁶⁶ - Стихиры на Господи, возвах субботы вечера шестого гласа, из Октоиха.

¹⁶⁷ - Idem. 1,12, с. 42.

¹⁶⁸ - Проповедь, произнесенная в монастыре Симонопетра на Афоне 5 января 1975 года.

¹⁶⁹ - Молитва первого часа: «Христе, Свете истинный, просвещай и освящай всякого человека, грядущаго в мир, да знаменается на нас свет лица Твоего, да в нем узрим свет непреступный...», из Часослова.

¹⁷⁰ - Отпустительный тропарь после Трисвятого в конце утрени в период Великой Четырдесятницы, из Часослова.

¹⁷¹ - Молитвы проскомидии на Божественной литургии, из Служебника.

¹⁷² - Νικολήμου Αγιορείτου, Συμβουλευτικόν Ἐγχειρίδιον, с. 117.

¹⁷³ - Уставших (греч. τυλικάρης) – монах, отвечающий за отправление служб в строгом соответствии с Уставом, то есть Типиконом; алтарник (греч. εκκλησιαστικός) – клирик, следящий за благолепием собора: чистотой, горением лампад и др. (прим. ред.).

¹⁷⁴ - Таксиарх (греч. ταξιάρχης) – монах, ответственный за порядок в храме (прим. ред.).

¹⁷⁵ - Кафизма (греч. κάθισμα) – в дословном переводе «седален» (прим. ред.).

¹⁷⁶ - Тропарь Великого Понедельника и Вторника, поющийся после Трисвятого в начале полунощницы, из Часослова (прим. ред.).

¹⁷⁷ - «Всенощное» греки называют «агрипния» (греч. αγρουπνία), что в переводе русский обозначает бодрствование или бдение (прим. ред.).

¹⁷⁸ - Экзапостиларий, или светилен – краткое песнопение, поющееся после девятой песни канона на утрени, по содержанию повествующее о воссиявшем свете Христовом (прим. ред.).

¹⁷⁹ - Μ. Βασιλείου, 'Ομιλία εις τήν πεντηκοστήν ψαλμόν 2, PG29: 464BC; Επιστολή 207, 3, PG 32: 764B.

¹⁸⁰ - Пение тропарей канона перемежается чтением седальна после третьей песни, кондака, икоса и синаксаря после шестой и светильна после девятой (прим. ред.).

¹⁸¹ - Девятая песнь канона посвящена Боговоплощению. Перед девятой песней почти во все дни церковного года поется песнь Богородицы (Лк. 1:46–55) – «Честнейшую Херувим» (прим. ред.).

¹⁸² - Стихиры на Хвалитех – стихиры, припеваемые к стихам хвалитных псалмов: 148: 149: 150 (прим. ред.).

¹⁸³ - Священническая молитва главопреклонения – «Господи, Боже наш, приклонивый Небеса» читается после просительной ектении на вечерне и утрене, из Служебника (прим. ред.).

¹⁸⁴ - Молитва первого часа, из Часослова.

¹⁸⁵ - Молитва перед чтением Евангелия на Божественной литургии, из Служебника.

¹⁸⁶ - Проповедь, произнесенная в монастыре Симонопетра на Афоне 16 сентября 1976 года.

¹⁸⁷ - Евангельские, равно как и апостольские, чтения распределены по дням церковного года. Круг чтений начинается от Пасхи (прим. ред.).

¹⁸⁸ - Строки 118 псалма (стих 126), возглашаемые диаконом перед начальным возгласом Божественной литургии, из Служебника (прим. ред.).

- 189 - Священнический возглас перед «Отче наш» на литургии, из Служебника.
- 190 - Νικοδήμου Αγιορείτου, Συμβουλευτικόν Ἐγχειρίδιον, с. 117.
- 191 - Первый тропарь первой песни канона пятого гласа на утрени четверга, из Октоиха.
- 192 - Ἰω. Δαμασκηνοῦ, Ἐκδοσις 1, 4 (48), PG 94: 800BA.
- 193 - Γρηγορίου Παλαμά, Κεφάλαια ἑκατὸν πενήκοντα 75,78, Χρήστου, τ. 5, с. 77 (стих 31), стих. 14–24.
- 194 - Ирмос девятой песни канона Космы Мариумского на утрени Рождества Христова 25 декабря (7 января), из Минеи.
- 195 - Ἰω. Χρυσοστόμου, Εἰς τὸ γενέθλιον τοῦ Σωτήρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χρήστου λόγος, PG 56: 385.
- 196 - Διονυσίου Ἀρεοπαγίτου, Περί μυστικῆς θεολογίας 1,1 PG 3: 1001A.
- 197 - Θεῖαι Λειτουργίαι τῶν Ἀποστολικῶν Διαταγῶν, εὐχαι ἁγίας ἀναφοράς, Φουντούλη, τ. 13, с. 41–47.
- 198 - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 1, 12, с. 42.
- 199 - Γρηγορίου Νύσσης, Εἰς τοὺς μακαρισμοὺς 1, с. 85, стих. 13–21.
- 200 - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 1, 12, с. 42.
- 201 - Тропарь, читаемый священником на облачение в подризник перед служением Литургии, из Служебника.
- 202 - Современная практика греческих Церквей не знает изъятия частиц из просфор за живых и умерших на проскомидии (прим. ред.).
- 203 - Γρηγορίου Σιναΐτου, Περί τοῦ πῶς καθέζεσθαι τὸν ἡσυχάζοντα, PG 150: 1341D; Νείλου Ἀσκητοῦ, Περί προσευχῆς 11, PG79: 1169C.
- 204 - Idem. 1332C.
- 205 - Ἰω. Δαμασκηνοῦ, Ἐκδοσις 1, 13; 2, 12 (26), PG 94: 857A, 920B-924B; Περι ἐμψύχου 95: 232B; Νικήτα Στηθάτου, Τρίτη γνωστικῶν κεφαλαίων ἑκατοντάς 5 fe.; Νικοδήμου Ἀγιορείτου, Συμβουλευτικόν Ἐγχειρίδιον, с. 31–34; 37–45; 115–116.
- 206 - Μαξίμου τοῦ Ὁμολογητοῦ 21, Μυσταγωγία 21, PG 91: 697A; Ἰω. Δαμασκηνοῦ, Ἐκδοσις 4, 15 (88), PG 94: 1164B; Ἀρχιμ. Ιουστίνου Πόποβιτς, «Ἀνθρωπος καὶ Θεάνθρωπος, Ἀθήναι, с. 98– 99.
- 207 - Ισαάκ Σύρου, Ἀσκητικά 16, с. 56.
- 208 - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θεῖαν λειτουργίαν 1, 2, с. 32
- 209 - Проповедь, произнесенная в храме Богородицы в Лимассоле (Кипр) в воскресенье, 23 октября 1988 года, после литургии апостола

Иакова.

²¹⁰ - Иаков Праведный, апостол и брат Господень († 62 г.; память 23 октября), после Христа глава Иерусалимской общины. Его именем надписано одно из соборных посланий Нового Завета (прим. ред.).

²¹¹ - Текст литургии, известной нам под именем апостола Иакова, датируется несколькими столетиями позже жизни апостола, однако содержит первоначальное ядро, написанное самим святым Иаковом. В древности эта литургия была основным евхаристическим богослужением Иерусалимской Церкви и пользовалась широкой известностью и авторитетом на христианском Востоке (и, отчасти, на Западе). В некоторых Православных Церквях (например, Кипрской) она иногда совершается и в наше время (в первую очередь, в день памяти апостола Иакова). В то время, как апостол Иаков действительно стоял у истоков христианской литургической традиции, мнение о происхождении всех литургий от сравнительно поздней литургии, названной его именем, вряд ли можно считать верным (прим. ред.).

²¹² - Святые отцы различали бытие Бога в сущности и в энергиях, через которые Пресвятая Троица открывается людям (прим. ред.).

²¹³ - Синаксарь на утрени Недели Православия, из Постной Триоди.

²¹⁴ - Εὐεργετικός, т. 4, Ὑπόθεσις 30, 1 (Γρηγορίου τοῦ Διαλόγου) 11–14, с. 499.

²¹⁵ - Седален по полиелее на утрени Вознесения, из Цветной Триоди.

²¹⁶ - Ἰω. Χρυσόστομου, Ἐξηγήσεις εἰς τὸν 44 ψαλμὸν 10, PG 55. Col. 199; Ἰω. Δαμασκηνού, Ἐκδοσις 3 (60), PG 9 4 .1008A.

²¹⁷ - Ὁρθρος ἀγίου Σπυρίδωνος τοῦ θαυματουργοῦ. Συναξάριον.

²¹⁸ - Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. Том 6. СПб., 1999. С. 370–373.

²¹⁹ - Славник на Господи, возвах на вечерне Успения Пресвятой Богородицы 15 августа, из Минеи.

²²⁰ - Первая стихира на Господи, возвах и шестая стихира на литии на вечерне Вознесения Господня, из Цветной Триоди.

²²¹ - Проповедь, произнесенная в храме святого Виссариона в Каламбаке (митрополия Трикалы) в воскресенье 6 ноября 1983 года.

²²² - Νικόλαου Καβάσιλα, Εἰς θείαν λειτουργίαν 46, 1–4, с. 212–214.

²²³ - Стихира Креста на стиховне на Хвалитех, утренья среды, первый глас Октоиха.

²²⁴ - Idem. 43, 2; 44, 3, σ. 200, 206.

- ²²⁵ - Стихиры на Хвалитех на утрени Недели Пятидесятницы, из Цветной Триоди.
- ²²⁶ - Idem. 48, 9, σ. 224.
- ²²⁷ - Синаксарь на утрени мясопустной субботы, из Постной Триоди.
- ²²⁸ - Διαταγαί Αποστόλων 8,42, с. 169, στιχ, 8–13; Συμεών Θεσσαλονίκης, Περί του τέλους ημών 370,372– 373, PG 155: 688CD-693D.
- ²²⁹ - Γω. Χρυσοστόμου, Ἐξηγήσεις εἰς τὸν 114 ψαλμὸν 3, PG 55: 319.
- ²³⁰ - Ходатайственная часть Евхаристической молитвы: «Идеже присещает свет лица Твоего», из Служебника.
- ²³¹ - Διαδόχου Φωτικής, Λόγος άσκητικός, с. 268– 269.
- ²³² - Μ. ᾽Αθανασίου, Περί παρθενίας 18, PG 28: 273 BC.
- ²³³ - Μακαρίου Αἰγυπτίου, ᾽Ομιλία 1,2, с. 146, стих. 5–10; Γω. Δαμασκηνού, Ἐκδοσις 2, 3 (16), PG 94: 868B.
- ²³⁴ - Νικολάου Καβάσιλα, Εἰς θείαν λειτουργίαν 34, 2, с. 170.
- ²³⁵ - Костница – храм, в котором хранятся черепа и кости усопших монахов. Часто расположен на монастырском кладбище (прим. ред.).
- ²³⁶ - В православной Церкви суббота является днем особого поминовения усопших. Согласно Святогорскому уставу, в субботу служитя заупокойная Божественная литургия с литией. Кроме обычных песнопений, поются особые, посвященные усопшим: читаются ектении об усопших, соответствующие зачала из Евангелия и Апостола, поются «Со святыми упокой», причастен «Блаженни, иже избрал» или «Радуйтеса, праведнии». После заамвонной молитвы читается Трисвятое по Отче наш и совершается лития – сугубое моление об усопших, на котором поминаются имена ктиторов обители и усопших братьев (прим. ред.).
- ²³⁷ - Тропарь воскресной и постовой вечерни.
- ²³⁸ - Νείλου Ἀσκητοῦ, Επιστολή 103, PG 79: 245C: “да не станем, будучи сами незрелы и не стяжав зрелого плода, наставлять и учить других, чтобы не сделаться игрушкой бесов”.
- ²³⁹ - Μακαρίου Αἰγυπτίου, ᾽Ομιλία 17, 12, PG 34: 632B: “Говорящие без знания слова духовные уподобляются тому, кто, испытывая жажду, описывает водный источник и представлял себя пьющим, тогда, как его губы и язык пересохли”.
- ²⁴⁰ - Του οσίου πατρος ημών άββά Ἡσαίου Λόγοι ΚΘ έξ Ἱεροσολυμιτικῆς χειρογράφου του ιζ' αἰώνος, έν Βόλω 1962, Λόγος 17, 3, с. 114. (далее – Ἄββά Ἡσαίου, Λόγος)
- ²⁴¹ - Большинство монастырей на Афоне вместе со Священным

Кинотом живут по византийскому времени, согласно которому отсчет часов в сутках начинается с заходом солнца (прим. ред.).

²⁴² - На Святой Горе, в отличие от Элладской Православной Церкви и Константинопольского Патриархата, сохраняется старый стиль (прим. ред.).

²⁴³ - В Греческой Церкви устройство монашеской жизни имеет несколько разновидностей. Общежительные монастыри (греч. κοινόβιο) представляют собой монашеские общины, подчиняющиеся власти епархиального архиерея владеющие каким-либо участком земли. Братия общежительного монастыря по Уставу не должна иметь частную собственность и обязана во всем беспрекословно подчиняться игумену, которого они сами избирают. Исихастирий (греч. ησυχαστήριου) – обычно общежительный монастырь, построенный частным владельцем на своей земле и в силу этого имеющий почти полную независимость от власти епархиального архиерея и большую свободу в своей внутренней жизни. На Святой Горе исихастириями называют маленькие келии с храмом или без него. Келиями (греч. κελί) на Святой Горе называются отдельные дома, обычно с храмом, расположенные на земле какого-либо монастыря и являющиеся собственностью этого монастыря. Келия передается в пожизненное пользование какому-то монаху. Этот монах подчиняется игумену монастыря, которому принадлежит келия, и имеет право по его благословию собирать к себе братию, настоятелем или духовным наставником которой он пожизненно является. После своей смерти старец, которому передана келия, может завещать ее одному из своих учеников, который занимает его место. Келии могут быть большими, и численность братии в них может достигать до 20 человек. Каливы (греч. καλύβη) на Святой Горе – маленькие хижины, которые отличаются от келий тем, что в них живут обычно один или два отшельника (иногда больше) в уединении. Келии и каливы, находящиеся в одной местности, могут объединяться в особые монашеские общины – скиты (греч. σκήτη). Скиты имеют большой соборный храм, куда вся братия скита собирается в субботные, воскресные и праздничные дни (Прим. из книги: «Старец Паисий Святогорец. Письма.» Свято-Троицкая Сергиева Лавра 2001. С. 34–35).

²⁴⁴ - Idem. 4, 2, с. 49.

²⁴⁵ - Idem. 3, с. 50.

²⁴⁶ - Idem. 5, 1, с. 61.

²⁴⁷ - Idem. 5, 1, с. 61.

- ²⁴⁸ - Idem. 5, 3, с. 64.
- ²⁴⁹ - Ισαάκ Σύρου, Ἀσκητικά 34, с. 151.
- ²⁵⁰ - Ключ к пониманию православного монашества в Балканских странах хранится на Афоне. Святогорская аскетическая традиция по сей день питает иноческий чин в Сербии, Македонии, Болгарии (прим. ред.).
- ²⁵¹ - Ὑπόμνημα εἰς Α' Τιμοθέου, Ὁμιλία 14, 4, PG 62: 576A.
- ²⁵² - Μ. Ἀθανασίου, Βίος οσίου Ἀντωνίου 70, PG 26: 941C.
- ²⁵³ - Idem. 87, PG 26: 965A.
- ²⁵⁴ - Ἡ κατ' Αἴγυπτον τῶν μοναχῶν ἱστορία, Προοίμιον 9, Festugiere, с. 8, стих. 58– 60.
- ²⁵⁵ - Акакий Новый Кавсокалит (+12.04.1730), преподобный (пам. греч. 12 апр., вторая Неделя по Пятидесятнице – память всех преподобных отцов, на горе Афонской просиявших). Подвизался в монастыре Святой Троицы, основанном святым Дионисием Олимпийским, после в келье при церкви Преображения Господня, расположенной в местности Кавсокалива на Афоне. Имел дар прозорливости (прим. рад.).
- ²⁵⁶ - Νικοδήμου Ἀγιορείτου, Νέον Μαρτυρολόγιον, Ἀθήνα 1961, с. 292.
- ²⁵⁷ - Косма Этолийский (+24.08.1979), преподобномученик (пам. греч. 24 августа), ученый монах, один из самых выдающихся греческих просветителей времен турецкого владычества в Греции, чудотворец. Принял постриг в монастыре Филофеу на Афоне, проповедовал Евангелие принявшим ислам грекам в Македонии, на Эпире, в Константинополе. Оставил пророчества о будущем всего человечества, читаемые по сей день в Греции. Был повешен турками на дереве (прим. ред.).
- ²⁵⁸ - Μ.Βασιλείου, Επιστολή 2, PG 32: 229B.
- ²⁵⁹ - Ἀββά Ἰσαΐου, Λόγος 3, 3, с. 45.
- ²⁶⁰ - Διονυσίου Ἀρεοπαγίτου, Περὶ μυστικῆς θεολογίας 1,1, PG 3: 1000A.
- ²⁶¹ - Καλλίστου Καταφυγιώτου, Τά σωζόμενα περὶ θείας ἐνώσεως καὶ βίου θεωρητικοῦ 49, PG 147: 889C.
- ²⁶² - Διονυσίου Ἀρεοπαγίτου, Επιστολή 5, PG 3: 1073A.
- ²⁶³ - Γρηγορίου Νύσσης, Ἑρμηνεία εἰς τοὺς Μακαρισμοὺς 6, PG 44: 1269C.
- ²⁶⁴ - Διονυσίου Ἀρεοπαγίτου, Επιστολή 5, PG 3: 1073A.
- ²⁶⁵ - Ἰω. Δαμασκηνού, Ἐκδοσις 14, PG 94: 860BC.
- ²⁶⁶ - Ισαάκ Σύρου, Ἀσκητικά 10, с. 43.
- ²⁶⁷ - Γρηγορίου τοῦ Σιναΐτου, Κεφάλαια πάνυ ὠφέλιμα 113, PG 150:

1277D-1280A.

²⁶⁸ - Έρμα, Ποιμήν, Παραβολή 9, 16, с. 96, стих. 10–11.

²⁶⁹ - Μ. Βασιλείου, Επιστολή προς μοναχούς, PG 60: 752.

²⁷⁰ - Исихазм (греч. ησυχία – покой, отрешенность), или священное безмолвие – монашеская практика «умного делания», то есть чтения Иисусовой молитвы, сведения о которой мы имеем с первых веков существования монашества. Законченное учение сформулировано в творениях святого Григория Синаита, святителя Григория Паламы и их современников (прим. ред.).

²⁷¹ - Καλλίστου Καταφυγιώτου, Τα σωζόμενα περί θείας ένώσεως και βίου θεωρητικού 79, PG 147: 913C.

²⁷² - Εύεργετινός, τ. 2, Υπόθεσις 11, 6 (Εφραίμ Σύρος), с. 172.

²⁷³ - Γω. Δαμασκηνού, Ήερά Παράλληλα, стих. 0, 7, PG 96: 217B.

²⁷⁴ - Φιλοθέου Κοκκίνου, Βίος άγιου Σάββα τού Νέου, с. 214, стих. 12–13.

²⁷⁵ - Νείλου Άσκητού, Περί προσευχής 15, PG 79: 1169D.

²⁷⁶ - Idem. 153, PG 79: 1200BC.

²⁷⁷ - Idem. 125, PG 79: 1193BC.

²⁷⁸ - Άββα Ίσαΐου, Λόγος 4, 1, с. 48.

²⁷⁹ - Ισαάκ Σύρου, Άσκητικά 34, с. 147.

²⁸⁰ - Νείλου Άσκητού, Περί προσευχής 63, с. 182, PG 79: 1180C.

²⁸¹ - Γρηγορίου Νύσσης, Εις τον βίον Μωυσεώς 2, с. 94, стих. 17–19.

²⁸² - Idem. 2, с. 94, стих. 17–19.

²⁸³ - Διονυσίου Αρεοπαγίτου, Περί θείων ονομάτων 1,8, PG 3: 597A.

²⁸⁴ - Φιλοθέου Κοκκίνου, Βίος άγιου Σάββα τού Νέου, с. 210, стих. 6.

²⁸⁵ - Idem., стих. 10.

²⁸⁶ - Idem. 36, с. 230, стих. 15 έ.

²⁸⁷ - Idem. 28, с. 214, стих. 4.

²⁸⁸ - Idem. 34, с. 225, стих. 1 έ.; Νικήτα Στηθάτου, Ήκατοντάς Ι, 31, PG 120: 865BD.

²⁸⁹ - Idem. 37, с. 231, стих. 13 έ.

²⁹⁰ - Даниил (Димитриадис), старец афонского скита Катунаки (1846–1920), автораскетических сочинений, иконописец (прим. ред.).

²⁹¹ - Каллиник (1853–1930), старец, подвизавшийся на Катунаках и 45 лет не выходивший из затвора (прим. ред.).

²⁹² - Старец Арсений – сподвижник старца Иосифа Исихаста, или

Пещерника(прим. ред).

²⁹³ - Иосиф Исихаст, или Пещерник (†1959), афонский молчальник, подвизался в скиту Малой Анны, духовный наставник многих современных монахов, автор душеполезных и аскетических наставлений (прим. ред).

²⁹⁴ - Софроний (Сахаров), архимандрит (1896–1993) – ученик святого Силуана Афонского, автор его жизнеописания, основатель православного монастыря в Эссексе (Англия), где похоронен и почитается как старец (прим. ред.).

²⁹⁵ - Иаков (Цаликис), старец с острова Эвбея (1920–1991), подвизался в монастыре святого Давида (прим. ред.).

²⁹⁶ - Коливады – движение за литургическое возрождение на Афоне во второй половине XVIII века. Свое название получило оттого, что его приверженцы отказывались совершать заупокойную службу над коливом в воскресные дни. Лидеры движения коливадов – Макарий Коринфский, Никодим Святогорец, Афанасий Паросский – причислены Элладской Православной Церковью к лику святых (прим. ред.).

²⁹⁷ - Γω. Χρυσοστόμου, Συγκρίσεις μονάχου και βασιλέως, PG 47:389; Σεραπίωνος Θμούεως, Επιστολή προς μονάζοντας II, PG 40. 936D-937A.

²⁹⁸ - Π. Παναγιωτάκου, Σύνταγμα του Εκκλησιαστικού Δικαίου, т. Δ'. Τό Δίκαιον των Μοναχών, Αθήναι 1957, с. 16.

²⁹⁹ - Второй тропарь восьмой песни Пасхального канона Иоанна Дамаскина, из Цветной Триоди.

³⁰⁰ - J. Noret, Vitae duae antiquae sancti Athanasii Athonitae, CCSG, t. 9, Turnhout-Leuven, 1982, Βίος του οσίου Αθανασίου του έν Αθφ Α, 123, с. 58, стих. 15– 23.

³⁰¹ - Имеется в виду традиция знаменитого общежительного Студийского монастыря в Константинополе, доминировавшая в устройении монашеского общежития и регламентировавшая богослужение в обителях Византийской империи в IX–XII вв. Уже в X в. студийская традиция была принесена на Афон (прим. ред).

³⁰² - Σχόλιον 5 εις Λόγον 27 Γωάννου τής Κλίμακος, PG 88: 1117C.

³⁰³ - Симонопетра (греч. Σίμωνος Πέτρα) переводится как «Симонова скала» (прим. ред.).

³⁰⁴ - Άγιος Σίμων ό Αθωνίτης, Αθήναι 1987, с. 40 и далее

³⁰⁵ - Исихастские споры – богословская и церковно-каноническая полемика XIV столетия, порожденная выступлениями против древней монашеской практики умной молитвы воспитанников западного

схоластического богословия Варлаама Калабрийского, Акиндина и их единомышленников. На Соборе 1341 года учение исихастов было объявлено несомненно отражающим церковное понимание молитвенного делания и библейского богословия (прим. ред.).

³⁰⁶ - Хорос – большой круглый светильник, подвешенный в центре храма и раскачиваемый во время пения Полиелея (прим. ред.).

³⁰⁷ - То есть вычитывают суточный круг по четкам. За каждую службу (вечернюю, утреню) назначается определенное количество Иисусовых молитв (прим. ред.).

³⁰⁸ - Σεραπίωνος Θρούεως, Επιστολή προς μονάζοντας 8, PG 40: 933 BC.

³⁰⁹ - Женский монастырь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в Ормилии уже долгие годы духовно окормляется старцем Эмилианом. Эту монашескую общину архимандрит Эмилиан привел за собой из обители Святых Феодоров в Метеорах в 1971 году. Сейчас Ормилия является одним из наиболее крупных духовных центров Греции. Насельницы монастыря занимаются иконописанием, золотошвейными работами, издательской деятельностью. Также они окормляют духовный центр для больных раковыми заболеваниями. В настоящее время в обители 108 монахинь, игуменья – Никодима (прим. ред.).

Содержание

Богопознание. Богослужение. Богомыслие схиархимандрит Эмилиан (Вафидис)	1
Глава 1. Богопознание	3
Познание Бога в смирении2	3
Вечный брак12	3
Престол	3
Наставление о молитве	3
Богословие и жизнь31	3
Глава 2. Богослужение	3
Церковь – Тело Христово54	3
Литургия и жизнь77	3
Краткое изложение Божественной литургии103	3
Божественная литургия140	3
Приготовление к богослужению168	3
Христос во мне186	3
В храме209	3
Общение двух миров221	3
Глава 3. Богомыслие	3
Жизнь Святой Горы и человеческое общество	3
Молитва на Святой Горе вчера и сегодня	3
Эпилог	3
Монашеское житие: дом Бога и врата Небес	3
Примечания	184